НИКОЛААС ВИТСЕН

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКОВИЮ

1664-1665

MOSCOVISCHE REYSE: 1664-1665. JOURNAAL EN AANTEKENINGEN

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Путешествие в Московию, 1664—1665» — это дневник и заметки молодого Николааса Витсена (1641—1717), находившегося в это время в России в составе голландского посольства к царю Алексею Михайловичу.

Николаас Витсен происходил из амстердамского купеческого рода, многие представители которого занимали в управлении городом различные выборные должности. Отец Витсена, Корнелис Витсен (1605—1669), отошел от торговой деятельности; это был образованный человек, юрист с ученой степенью, член муниципалитета, руководитель Ост-Индской компании. Как член Адмиралтейства, в 1656 г. он был послан с дипломатической миссией в Англию для переговоров с Кромвелем по поводу законов о мореплавании. Несколько раз избирался бургомистром; в Рейксмузеуме Амстердама хранится памятная медаль в его честь: на одной стороне — бюст Корнелиса, на обороте — его герб с девизом «Candide et Cordate» (Искренне и благоразумно).

Из пятерых детей Корнелиса Витсена самым знаменитым стал Николаас. В возрасте пятнадцати лет он сопровождал отца в дипломатическую поездку в Англию, где несколько недель был гостем Кромвеля. После возвращения из Англии он изучал математику, астрономию и философию в прославленной школе Атеней в Амстердаме, занимался поэзией, а также гравированием, что позднее использовал в своих научных исследованиях и в кораблестроении.

В январе 1663 г. для продолжения образования Витсен уехал в Лейден, где в университете изучал правоведение, но с большим удовольствием, как пишет в автобиографии, слушал лекции по философии; он подружился с профессором арабской литературы Голиусом, от которого получил много сведений о восточных странах и народах. 11 июля 1664 г. он защитил диссертацию по правоведению **[6]** и получил диплом доктора права. Образование полагалось завершить путешествием, и Николаас Витсен был прикомандирован к свите голландского посольства Якоба Борейля, с которым в 1664—1665 гг. совершил описываемую здесь поездку в Московию.

Основной задачей этого посольства было добиться признания у русского царя нового титула Генеральных Штатов — «Высокие Могущественные Господа»; русские же придерживались старого титула — «Почетные регенты». Вопрос о титуле был в инструкции посла наиважнейшим: для молодой республики,

которая только в 1648 г. была признана суверенной, титул ее правительства имел очень большое значение как признание места, на которое она претендовала. Кроме того, Борейль должен был разобрать большое количество жалоб нидерландцев на притеснения и обиды, чинимые им в Московии: речь шла о восстановлении в Москве реформатских церквей, разрешении голландцам жить в городе и брать на службу русский персонал. Наконец, ему надлежало обсудить ряд вопросов торговой политики, в частности, об отношении России к торговому соперничеству Англии и Голландии. Несмотря на то, что в некоторых вопросах Борейль добился успеха, вопрос о титуле так и не был решен: голландцам удалось настоять на его признании лишь в 1670 г.

Находясь в составе посольства, Витсен систематически вел дневник, делал заметки, зарисовки видов Москвы, Новгорода, Пскова и многих примечательных зданий [1]. В составе посольства он являлся «дворянином по положению», то есть привилегированным лицом в свите посла для придания большего престижа посольству, и имел время для своих встреч и бесед. Его интересовало все: характер власти московского царя, военный строй и судебные порядки, экономика и культура страны, церковные праздники, свадебные обряды и различные бытовые сценки; он описывает и страшный день 17 марта 1665 г., когда на улицах Москвы были казнены или подвергнуты

различным наказаниям 120 человек. Его дневник изобилует множеством географических названий и интересным этнографическим материалом. Витсен уделяет особое внимание вопросам церковного культа и монастырского быта. Его записи являются надежным историческим источником: факты, [7] сообщаемые им, достоверны, он дает точную хронологию, тщательно описывает особенности жизни, нравы и обычаи не только русских, но и других народов, с которыми встречался во время путешествия. В целом «Путешествие в Московию» дает яркую, живую, хотя и не всегда беспристрастную, картину тогдашней России, увиденной глазами иностранца; для записок характерны острая наблюдательность, свежесть ума, юмор, юношеская непосредственность и откровенность.

В 1666—1667 гг. Витсен совершил поездку во Францию и Италию. В Париже он познакомился с французским ученым М. Тевено (1620—1692), которому рассказал о своем путешествии в Московию и обещал прислать копию своих записок, что и сделал в 1668 г. Неизвестно, собирался ли Витсен публиковать свой московский дневник, но в результате ни он, ни Тевено так и не нашли для этого времени, так что после смерти Витсена его записки считались утерянными. Лишь в 1886 г. в Голландии стало известно, что копии дневника и заметок Николааса Витсена хранятся в Париже.

В 1899 г. русский историк А. М. Ловягин, отправленный Министерством просвещения

России для занятий в заграничных библиотеках и архивах, ознакомился с содержанием рукописи Витсена, из которой опубликовал один эпизод — встречу Витсена с патриархом Никоном. Краткий рассказ об этом Ловягин завершил пожеланием: «Ввиду того, что в этой рукописи встречается немало еще интересных частностей, было бы, конечно, весьма желательно скорейшее появление ее в печати в целом виде» [2].

Многие голландские ученые трудились над подготовкой рукописи к изданию. Завершили эту работу Т. Лохер и П. де Бюк; только через 300 лет после того, как дневник и заметки были написаны, в 1966—1967 гг., в Гааге вышла в свет книга: Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse, 1664—1665. 's-Gravenhage, 1966—1967.

Дневник Николааса Витсена является прологом главного научного труда его жизни — книги «Северная и Восточная Тартария», первого обширного сочинения о Сибири, включавшего также составленную Витсеном подробнейшую карту. Со времени поездки **[8]** в Московию в 1664 г. и до самой смерти в 1717 г. научные интересы Витсена были прежде всего связаны с Россией. В автобиографии он пишет: «В Московии он [3] общался с самоедами, татарами, персами и т. д., что положило начало для составления карты Тартарии и следующей затем истории Северной и Восточной Тартарии» [4]. В предисловии ко второму изданию своей книги Витсен написал, что посвятил 25 лет подготовке, первого издания (1692 г.) и еще десять лет — переработке для

второго (1705). Третье издание вышло посмертно в 1785 г.

Составив карту Тартарии (Сибири), Витсен первым в Западной Европе смог дать достаточно достоверное представление об огромном Российском государстве XVII в. Она принесла ему похвалы ученых современников, сравнивших этот труд с «открытием Нового Света Колумбом» (Р. Соутвелл), и благодарность русского правительства в жалованной грамоте царей Петра и Иоанна (1691 г.). **[9]**

Большое место в жизни Витсена занимала и его государственная деятельность: 13 раз он избирался бургомистром, 11 раз назначался казначеем города, был депутатом нидерландского парламента, ездил с дипломатическими поручениями в Англию, одновременно продолжал работать как один из управляющих Ост-Индской компании. Он был богатый, но скромный человек и не только не покупал себе титулов, как другие богачи, но и отказался от титула баронета, который пожаловал ему английский король.

Однако главное — Витсен приобрел известность как один из самых ревностных покровителей наук и искусств. Об этом, воздавая заслуженную похвалу Витсену, писал Ф.Вольтер: «<Петр1> обучался натуральной истории в доме бургомистра Витсена, Гражданина знаменитого как по своей любви к отечеству, так и по доброму употреблению своих бесчисленных сокровищ, которые он расточал как прямой Гражданин

целого света, посылая сведущих людей собирать все, что ни есть редкого во всех концах мира, чего бы то ему ни стоило. Он отправлял на свой счет корабли для открытия новых земель» [5].

Петр I впервые услышал имя Витсена в связи с его первым ученым трудом — «Древнее и современное судостроение и судовождение», который вышел двумя изданиями в Амстердаме. Это огромный трактат с многочисленными чертежами и рисунками, причем для иллюстрации судов древности Витсен использовал изображения кораблей на древних римских медалях и монетах, значительную коллекцию которых он собрал. Научные труды Витсена и его практическая деятельность по поставке в Россию кораблей были высоко оценены Петром. «О том, как ценят мой труд и меня самого, — писал Витсен, — свидетельствует царское письмо, скрепленное большой государственной печатью и датированное 30 марта 7202 г. [1694 г. по новому летоисчислению]. Оно писано на пергаменте, крупными буквами, превосходно разрисовано и украшено золотом с изображением гербов». В том же 1694 г. сын Лефорта, прибывший в Амстердам, вручил Витсену портрет царя, обрамленный бриллиантами. Витсен регулярно переписывался с Петром I — сохранились четыре его письма царю. **[10]**

Еще более тесные связи Витсена с Россией и Петром установились в 1697—1698 гг., когда правительство Нидерландов поручило Витсену принимать и сопровождать Петра I в Голландии.

Николаас Витсен был с Петром во всех его поездках в Гаагу и Утрехт, вместе с ним участвовал в публичных приемах послов, в празднованиях, давал советы при отборе людей на службу в Россию. Поскольку царь хотел брать уроки мореплавания и навигации, учиться проектированию кораблей, искусству гравирования, Витсен рекомендовал ему преподавателей. От имени города Витсен подарил царю полностью оснащенный корабль, который Петр назвал «Амстердам».

Витсен познакомил Петра с учеными знаменитостями того времени — Петр осмотрел замечательные коллекции древних монет и языческих идолов Якова де Вильде, анатомический кабинет профессора Рюйша, где упражнялся в хирургических операциях и оставил в альбоме для посетителей свою запись и подпись. У доктора Бургаве царь работал над трупами, заставляя своих русских спутников, наблюдавших за ним с отвращением, разрывать мускулы трупа зубами. Посетил лекарственный огород, «...в том огороде зело многое множество древ иностранных... Потчевали послов в том саду Николай Витцен и приставы посольские. В ествах и питии со всяким довольством» [6].

Бывая в доме Витсена, Петр познакомился с его археологическим музеем, в котором находились так называемые сибирские древности, найденные в пещерах и курганах России. «Если бы старость мне не мешала,— писал Витсен 15 июня 1714 г.,— я сумел бы прояснить рассказы о северном золоте

и серебре. У меня самого много минералов, полученных с Новой Земли, из Нерчинска, из Сибири, Норвегии и др.» [7].

Петра связывала с Витсеном сердечная дружба: в период Северной войны (1700—1721) ходатайство Витсена во многом способствовало решению Генеральных Штатов о неучастии в войне на стороне Швеции; при содействии Витсена из нейтральной Голландии, несмотря на строгий запрет ее правительства, тайно **[12]** вывозили оружие для России, причем русский посол в Гааге А. А. Матвеев решительно предупредил свое правительство не оскорблять Витсена предложением денежного вознаграждения. Дружба Витсена с российским императором оказалась немаловажной для истории всей Европы.

Николаас Витсен скончался 10 (21) августа 1717 г. Есть сведения, что Петр I, который был в это время вторично в Голландии, присутствовал при кончине Витсена, после смерти которого сказал, что в его лице потерял одного из своих лучших друзей в Голландии.

Николаас Витсен, чей девиз «Труд все побеждает» подтвержден всей его жизнью, с полным правом заслуживает благодарной памяти наших современников и внимания исследователей.

Р. И. Максимова, В. Г. Трисман

Дневник Н. Витсена "Путешествие в Московию

(1664—1665)" впервые был опубликован на староголландском языке Теодором Лохером и Питом де Бюком (Гаага, 1966). Издатели снабдили рукопись обширным аппаратом, состоявшим из пояснения языковых особенностей староголландского текста и комментариев реалий русской культуры и быта. Издателями также были исправлены ошибки, допущенные переписчиками текста, и предложены варианты трактовки непонятных фраз.

В переводе на русский язык, выполненном В. Г. Трисман под редакцией Р. И. Максимовой (рукопись была депонирована в 1981 г.), учтены все эти исправления и разъяснения. В настоящее издание включена значительная часть примечаний Т. Лохера и П. де Бюка, отобранная И. Дриссен и переведенная И. М. Михайловой.

В предисловии к рукописи В. Г. Трисман и Р. И. Максимова выразили благодарность Л. М. Сабуровой, В. В. Мавродину, Р. Ф. Итсу и А. А. Невскому за помощь и консультации при подготовке перевода.

Йезин Дриссен, Наталья Копанева

Более подробно о рисунках Н. Витсена и их истолковании как историко-культурного источника см.: Кирпичников А. Н. Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия-Интербук, 1996.

ИСТОЧНИКИ, НЕОДНОКРАТНО ЦИТИРУЕМЫЕ

В КОММЕНТАРИЯХ, И ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ НИХ СОКРАЩЕНИЯ

История Москвы. Период феодализма XII—XVII вв. М., 1952 (ИМ).

Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV — начало XVII в. М., 1955 (ОИ).

Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л.: Наука, 1948 (ПРН).

Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955 (ПЛ).

Boreel J. Verbaal van Jacob Boreel ambassadeur naar de Grootvoret. 8 sept. 1664—21 aug. 1665. Rapport 21 aug. 1665. Geexhibeerd 7 dec. 1665. ARA 's-Gravenhage, Eerste Afdeling, Staten-Generaal, No. 8522 (dubbel: 8523), Aantwoord van de tsaar: 8524 (Verbaal).

Olearius A. Persiaensche Reyse uyt Holsteyn, door Lijflandt, Moscovien, Tartarien in Pereien. Amsterdam, 1651 (Olearius).

Richter W. M. Geschichte der Medicin in Russland. Moscau, 1813—1817 (Richter)

Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. 4 din. Amsterdam, 1817—1819 (Scheltema)

Voyagie van den Heere Koenraad van Klenk, Extraordinaris Ambassadeur van haer Ho. Mo. aen Zyne zaarsche Majesteyt van Moscovien. SPb., 1900 (VKK). Русский перевод: Посольство Кунрада

фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900 (ПКК).

НИКОЛААС ВИТСЕН

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКОВИЮ

1664-1665

В СОСТАВЕ ПОСОЛЬСТВА ИХ ВЫСОКОМОГУЩЕСТВЕННЫХ ГОСПОД ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ ОБЪЕДИНЕННОЙ НИДЕРЛАНДИИ

MOSCOVISCHE REYSE: 1664-1665. JOURNAAL EN AANTEKENINGEN

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СОБЫТИЯ ВО ВРЕМЯ МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МОСКОВИИ

Начато 1664 г. 17 сентября

Н. Витсен [1]

17 сентября.

В этот день вечером я с послом прибыл в порт Хелдер, и на следующий день, 18 сентября в 11 часов, мы были на борту корабля "Борзая" [2]. Дул сильный холодный ветер с юго-запада, когда подняли якорь. Во время посадки стреляли из пяти пушек и играли трубы. Когда мы вышли в море, дул такой сильный ветер, что все члены нашей свиты без исключения мучились от морской болезни: все лежали вповалку. В первую ночь море продолжало действовать на нас так, что у некоторых шла горлом кровь.

19 сентября.

Рано утром море успокоилось. После полудня подул северный ветер, и тогда вокруг судна появилось большое количество тунцов. Здесь я убедился в правдивости пословицы "он плавает, как тунец"; действительно, они так быстро плавают, что за ними не уследить. **[16]**

20 сентября.

Суббота. Держался северо-западный ветер, мы продвигались довольно быстро. Ночью ветер стал попутным; боясь, что бакштаг [3] сбросит нас к берегу Ютландии, мы легли в дрейф.

21 сентября.

Утром на рассвете увидели мыс Скаген, он похож на наш берег. Это высокие песчаные дюны, видны несколько домов, издали они кажутся очень простыми, и бакен. Теперь все были

здоровы. Казалось, что мы находимся в двух милях от берега. Было около 9 часов, когда мы подошли к упомянутому мысу, и здесь увидели наши два флейта [4] на мели: у одного был еще бушприт, другой был без вантов и швартовых. В этот день наш пастор читал проповедь, во время которой начался большой шум — приближалась буря; все бросились к парусам и снастям. Вскоре после полудня мы увидели Анголт и твердый берег Ютландии, а к вечеру берег Норвегии. Была очень тихая, хорошая погода и попутный ветер. Ночью я заметил, что луна заходила очень странно: сперва она казалась настоящим серпом с ручкой, а затем прямым столбом. В эту ночь, во время собачьей вахты [5], мы прошли мимо Анголта. На рассвете подошли к норвежскому берегу, он здесь высокий, и земля, видимо, плодородная. В следующую ночь мы совсем сбились с пути, бросали лот раз 50, прежде чем распознали, что глубина воды 10 сажен, а не 20, как думали и как должно было быть; оказалось, что мы подошли слишком близко к норвежскому берегу. С помощью поворота переменили курс и тогда почувствовали глубину. Наш флейт, который раньше заметил эту опасность, шел перед нами и, чтобы дать знак, что он почти попал на мель, поспешно повернулся к нам, но все кончилось благополучно. Вода вблизи Ютландии белая, в Остзее [6] она черная и солоноватая, а в Северном море — зеленая. Течения здесь непостоянные, что и послужило причиной нашего отклонения от курса. Это происходит **[17]** оттого, что пролив Белт

выбрасывает огромную массу воды то в одну, то в другую сторону, поэтому и трудно учесть курс.

22 сентября,

в понедельник, мы еще шли около Норвегии. Берег там высокий, горы голые. Около полудня, все еще с попутным ветром, мы увидели мыс Куллен, там начинается территория Швеции. Перед мысом каждый, кто проходит здесь в первый раз, должен на рейде опуститься в море. У нас это сделали три матроса — женихи — они сверх требуемого обычаем несколько раз спускались (в море) в честь того или другого члена посольства. Этот мыс, когда к нему подходят, кажется сперва продолговатым, а потом округленным.

В этот день, около второго перерыва на еду, мы видели Кроненбург, Элсенер и Элсенбург. В 5—6 часов бросили якорь в проливе Зунд между Элсенером и Элсенбургом, выполнив обычные церемонии: спустили флаг и марсель и дали 9 выстрелов. Датчане из замка ответили тремя-пятью выстрелами. Шведы тоже стреляли из двух пушек, на что мы снова ответили первому тремя, а последнему одним выстрелом. К вечеру, когда мы собрались сойти на берег, нам в этом отказали. Наша лодка стояла у берега. Но нам, голландцам, под угрозой телесного наказания, запретили сходить на берег, так как они боялись чумы. Одного датчанина, который хотел войти в нашу лодку, я нелюбезно повернул назад, сказав ему: "Не хотите нас пускать к себе в страну, так

оставьте наше судно". Негостеприимные датчане с любопытством подходили к нам. Мы же, считая, что отказ в выходе на берег есть неуважение к нам, немедленно отчалили.

23 сентября.

На следующий день мы убрали паруса и покинули Зунд. С попутным ветром прошли в тот день мимо Копенгагена и острова Амак, где живут голландские крестьяне [7], до **[18]** устья Балтийского моря. Корабль "Адмирал Аделаар" [8] стоял на якоре у Копенгагена под датским флагом и следил за соблюдением карантина. Отсюда мы еще видели шведский берег.

24 сентября,

среда. Погода была хорошая, но совершенно безветренная. Берег местами виден с обеих сторон, как обозначено на карте. Вечером поднялся сильный встречный ветер, и мы бросили якорь на острове Борнхольм.

25 сентября.

На острове, перед городком Ротте, нам удалось хитростью выйти утром на берег, заверив, что мы пришли из Бордо и вышли на берег купить свежие продукты. Обнаружили, что на этом острове довольно хорошие пастбища, здесь делают много хорошего масла, гуси и свиньи пасутся сотнями. Городок Ротте [9] застроен беспорядочно, дома из глины, церкви построены из белого камня, внутри украшены многими фигурами святых и крестами в католическом стиле; там же алтарь, орган. У

каждого дома свой двор, окруженный стеной из собранных в кучи камней, очень неряшливый; так же ограждены земельные участки и кладбище. В конце острова виден большой неуклюжий замок [10]. У берега много мелких скал и утесов, что неудобно для причала больших судов. У них красивые женщины, и самые знатные одеты по-датски.

Когда мы отправились осматривать местность, один офицер подошел к нам и сказал, что по приказу Его Величества не велено пускать голландцев на берег. От матросов они узнали, кто мы. Я ответил, что мы готовы в точности подчиниться приказанию Его Величества, но не знали о таком запрете, и попросил извинения. Они предложили принести нам все необходимое на судно, но мы должны были покинуть берег. У нас был заказан обед, и нам было жалко оставлять приготовленную пищу и накрытый стол. Но нас немедленно окружили солдаты и, едва позволив забрать купленные **[19]** продукты, погнали к пристани, где стояли солдаты с пиками в ружьями, чтобы не пускать нас обратно. Некоторые из наших набросились на них с бранью, говоря, что они не боялись голландцев, когда мы освободили Копенгаген и заняли Фунен. Как только мы покинули берег, губернатор прислал нам пропуск с правом выходить на берег острова, с извинением, так как оказывается, он не знал, что мы из свиты посла. Здесь мы дешево купили рыбу, похожую на нашу треску по вкусу и виду, но мельче. Мы покинули остров еще со

встречным ветром до шестой склянки [3 часа]. В здешнем гарнизоне находились 500 солдат, 200 всадников.

25—28 сентября.

Шли с легким ветром до утра воскресенья, когда увидели землю, как оказалось, — берега Курляндии [11], откуда, как думали штурманы, мы находились еще далеко. Наше счастье, что мы подошли к этой земле уже с рассветом, иначе положение для нас было бы весьма опасным. Теперь дул сильный ветер, повар с трудом подавал еду. Значительное время мы шли вдоль берега и считали, что находимся недалеко от мыса [12] в проливе, в который нам надо войти, чтобы плыть до Риги. Однако мы находились еще на расстоянии 20—30 миль оттуда, так что, как оказалось, наши моряки очень просчитались.

29 сентября.

Ветер был встречный, и в понедельник утром мы увидели, что далеко отошли от берега, но не продвинулись вперед. Курляндия расположена в низине, местами видны деревья, дюны похожи на наши. Нам попалось место, которое они называют Сефенберген [Семигорье] из-за его семи холмов.

29-го мы спокойно плыли вдоль лифляндского берега, которого не было видно. Ночью ветер усилился, а именно в нашу пользу, так что в полдень мы увидели мыс, который ожидали и должны были обогнуть. Там высокие холмы, покрытые лесами, они кончаются пляжем на

песчаном берегу. **[20]**

После полудня мы быстро продвинулись. Нашего флейта мы уже два дня не видели, и так и не увидели до реки Дуны [13]. На этом месте кончается Курляндия и начинается Лифляндия [14]. Там виден высокий бакен из дерева [15]. Здесь же в проливе [16] мы увидели остров Русел [17]. Издали берег кажется очень синим, почему его и называют Синей Землей. После полудня мы прошли этот пролив и увидели остров Рунен [18]. Мы вошли в залив к вечеру и бросили якорь около 10 часов, боясь, что сильный ветер мог бы посадить нас на мель.

30 сентября.

Утром в 5 часов снова подняли якорь, шли берегом и пришли к полудню к реке г. Риги — Двине. В бухте вода спокойная; в устье реки с обеих сторон видна земля, песчаные холмы, местами с деревьями, над водой выступают мели. Прошли по фарватеру шириной примерно с выстрел. В устье реки лежит Дунамунда [19] — сильный шанец со множеством солдат шведской короны; они охраняют все течение реки и удержали город, когда русские 9 лет назад [в 1656 г.] его осаждали [20]. Шанец построен со стороны реки из камня, а с суши — из глины. Валы полые и служат солдатам жилищами, на них видны дымовые трубы, выглядит это странно. Рядом с простым домом губернатора возвышается деревянное строение, не смею назвать его башней, хотя оно несколько похоже на китайскую фарфоровую башню [21] своими зубцами и формой,

только ниже. На другое берегу реки на расстоянии видны зеленые бастионы, очень низкие. В устье реки удобный бассейн, он служит гаванью, сейчас здесь стояло на якоре много голландских судов. На побережье здесь много дюн, как на о. Тессел [Texel], однако кое-где есть отмели и растет тростник. Против замка или крепости, на том же берегу, стоят несколько домов, где живут воины, охраняющие город. Здесь купили семгу — 7 штук меньше, чем за 5 гульденов; сами мы ловили окуней и другую рыбу.

Когда вошли в реку, то, после спуска флага и парусов, мы дали в честь крепости пять, а шведы — четыре выстрела, но когда собрались идти прямо к городу вверх по реке, то **[21]** сразу к борту подошел офицер из крепости и сказал, что у него приказ нас пока не пускать; он хотел сразу послать в город сообщение о нашем прибытии. С нами говорили издали, запретили выходить на берег и не хотели принять наши бумаги. Наше судно дало три выстрела в его честь, когда он возвращался на берег. Он немного обиделся, что мы, не бросив якоря, продолжали идти дальше, тогда как там принято просматривать каждое судно. Мы извинились: не знали, что этот закон касается и военных судов. Когда посол сказал, что хочет кого-нибудь из своих послать с корабля в город к его превосходительству генерал губернатору [22] для выполнения необходимых церемоний вежливости, он извинился и сказал, что этого не разрешит. Я видел здесь странные

суда, похожие на кельнские баржи, покрытые травой.

К вечеру на нашем судне появились два человека из города: капитан здешних городских солдат и Харман Беккер, купец из Риги, предложивший послу свою усадьбу, чтобы там расположиться, так как он беспокоился, что нам придется пройти карантин. Посол сказал, что на следующий день придет посланец графа, который известит его о королевском приказе. Он благодарил Беккера за приглашение в усадьбу, но предпочел остаться на судне. Воздух здесь был уже довольно холодный, ясный и по-зимнему морозный.

1 октября.

В 10 часов следующего дня упомянутый человек подплыл к борту нашего судна. Это был старший лейтенант Стефкен. Посол пошел к нему навстречу, оставаясь на борту своего судна. Первое, что он [Стефкен] сказал, был вопрос, не желает ли посол на короткое время переехать в усадьбу Беккера. Посол сказал, что не имеет инструкции оставить судно таким образом, но любезно передал просьбу к графу прислать подводы, повозки и все необходимое для дороги, тогда он не войдет в город, а если ему и в этом и в высадке откажут, то он вернется назад и пристанет к другим берегам. Они обращались друг к другу весьма любезно. Эта встреча была похожа на беседу Сереалиса и Сивила, как они **[22]** изображены на картине в нашей ратуше, когда они издали кричали что-то друг другу, стоя

на перерубленном мосту [23]. Когда лодка отчаливала, загремели пушки и зазвучали трубы. В этот день у нас гостили трое господ, которые пришли на наш флейт, двое из Риги и один из Курляндии.

2 октября.

NB: как мы пили под звуки труб и гром пушек. На следующий день мы все еще не получили ответ на вчерашнее предложение. Погода была скверная, шел град и снег. Наши земляки, шкиперы, стоявшие на судах вокруг нас, не смели или им не разрешили перейти на наше судно, и их карантин или стоянка были опять продлены на 8 дней.

3 октября,

пятница, погода успокоилась. Лейтенант Стефкен принес разрешение губернатора Оксенштирны, по которому мы могли подойти к городу на расстояние одной мили до определенного места [усадьбы Хермана Беккера]; обещал доставить нам все необходимое и сказал, что эта стоянка якобы будет длиться не более 5—6 дней. Перед отправкой мы палили из пушек, и из шанца тоже выстрелили. Едва мы прошли четверть часа, как ветер стал встречным, и нам пришлось бросить якорь.

Берег с одной стороны равнинный, а с другой — высокий, холмистый. На низком берегу некоторые дома сложены из бревен, покрытых камышом. На противоположном берегу мы нашли деревню, где стояли на земле только 3—4 дома или избушки,

остальные дома — это землянки, а вокруг них деревянные частоколы, воткнутые в землю. Землянки покрыты навозом и глиной. В некоторых было два, а в других только одно помещение. Я влез в одно из них, подарил жителям табак, который употребляют и мужчины и женщины. Место для сна — это угол, куда все лезут на подостланное сено. Пол грязный и мокрый от просачивающейся из-под земли влаги. Очаг в середине, дым выходит из единственного отверстия. На детях, хотя уже было очень холодно, ничего **[23]** не было, кроме рубах, а у большинства женщин верхняя часть тела ничем не покрыта, мужчины же одеты в тулупы. Их обувь — это подошвы из древесной коры. Я видел новорожденного, он лежал совершенно голый, без всяких пеленок, в корыте; короче, нищета такая, что невозможно описать, хуже, чем у рабов. Несмотря на это, они еще обязаны платить дань господину и даже за свое пребывание там тоже должны платить деньги. У нас свиньи живут лучше. Однако эти люди здоровые и рослые, их пища — это сухой хлеб и рыба, питье — вода. Они все рыбаки, держат свиней в своих ямах в одном помещении с собой. У детей и поросят одна судьба: постоянно копаться в земле; почти у всех детей большие пупки. За небольшие деньги они дали нам много рыбы. Женщины, как и мужчины, занимаются рыбной ловлей, работают не менее тяжело. В большие сети они ловят семгу, в этом участвуют все жители деревни. Женщины сопровождают своих мужей в плавании, участвуют в рыбной ловле и во всякой работе.

Один из наших слуг застрелил здесь тюленя.

4 октября.

Из-за плохой погоды мы не могли двинуться; узнали, что на следующий день снова кто-то придет от губернатора к послу. На обоих берегах этой реки говорят на нескольких языках: где на не-немецком, где на курляндском [24]. Сегодня услыхали, что в городе издан приказ не допускать чужих из Курляндии. Пока наш корабль не в городе и не разгружен, они не хотели, чтобы мы пришли к ним в город. В субботу, после полудня, к нам опять подошел старший лейтенант Стефкен с разрешением дойти до усадьбы Х. Беккера, куда мы сразу направились, но встречный ветер вновь помешал нам.

5 октября.

Рано утром, в воскресенье, мы подошли к упомянутому месту и в тот же день присутствовали на церковной службе. Река имеет с одной стороны много рукавов. Берег на той стороне, где стоит усадьба, очень низкий, на противоположной **[24]** стороне — высокий песчаный. После полудня я направился на лодке к усадьбе: она расположена по-голландски, постройки — по обычаям страны — из скрепленных бревен. Я видел, что дети здесь, как и в той деревне с землянками, ходили нагими, в одних лишь рубашках; взрослые тоже плохо одеты; они ни слова нашего не понимали, это странно, потому что в соседнем городе говорят по-немецки. Здесь в течение двух дней стояли 20

солдат, чтобы охранять посла, когда он выйдет на берег, но теперь они уже ушли; осталось только несколько офицеров, которые нас спросили, собирается ли посол сойти на берег, в этом случае они отправят к нему вестового; мы сказали, что не знаем его намерений.

Эти все тоже очень боялись нас, не смели близко подойти, и мы кричали друг другу издали.

6 октября,

в понедельник, некоторые из нас хотели выйти на берег купить у крестьян молочные продукты. Нам отказали в этом солдаты, находившиеся на берегу, сказав, что у них есть приказ никого из наших не пускать на берег, в чем мы скоро убедились, ибо, когда я и еще один (из наших) хотели выйти на берег немного прогуляться, нас не пустили солдаты, и мы, чтобы не подвергаться оскорблениям, сразу вернулись. Теперь на обоих берегах были солдаты, они мешали всякому допуску к нам. Вскоре после полудня двое из ратуши пришли как депутаты приветствовать посла и выразили свое сожаление, что его так долго задержали здесь, предложили свои услуги и т.п. в длинной немецкой речи по их обычаю. От нашей стороны посол ответил с такой же вежливостью и любезностью. Отчаливая, мы выстрелили три раза.

7 октября.

На следующий день мы получили разрешение выйти на берег, не подходя близко к домам.

Посол отправился с целой свитой прогуляться по высокому берегу реки; солдаты следовали за нами издали. То же самое произошло и после **[25]** полудня. Земля здесь просторная, место высокое и сухое, заросшее вереском и кое-где соснами, домов немного, хорошо для прогулок и проветривания, что нам и предписали, так они боялись чумы. К вечеру подошли к нам несколько нидерландских купцов, с которыми мы, все оставаясь на своих судах, стоящих борт о борт, выпили глотка два, не переходя друг к другу.

8 октября,

в среду, к полудню, упомянутый старший лейтенант снова пришел к нам от имени генерал-губернатора, извиняясь, что еще не может дать нам возможности заниматься делами (т.е. выйти на берег), он предложил свои услуги расквартировать нас всех у горожан, как только кончится срок карантина; жаловался, что некоторые наши люди были в кабаке на берегу и плохо себя вели, вопреки обещанию и запрету.

После полудня погода позволила нам снова немного прогуляться по этой сухой и незаселенной земле, мы ловили рыбу и стреляли дичь. Куда бы мы ни пошли, финские солдаты шли за нами по пятам, все время отстраняя нас от немногочисленных жилищ.

9 октября.

9-го ничего значительного не произошло. Мы развлекались на берегу игрой в "метание

камней".

10 октября,

перед полуднем, один человек приходил на наш корабль, предлагая свои услуги; его схватили, когда он вернулся на берег. Вскоре после полудня появился тот самый старший лейтенант, в сопровождении двух капитанов, уже не около нашего корабля, как прежде, а на корабле. Он принес разрешение входить в город со следующего вторника, где хотели нас встретить и просили подойти несколько ближе к городу. В понедельник мы могли при желании **[26]** отправить людей в город, чтобы все приготовить. Прием должен был состояться в понедельник, но это был такой день, когда шведы не начинают ни одного праздника или военного похода, потому что в этот день они когда-то потерпели поражение в бою.

11 октября.

В субботу погода была опять холодная, теперь каждый приходил беспрепятственно на наш корабль.

12 октября.

В воскресенье мы находились на расстоянии примерно полутора пушечных выстрелов от города. Это было удобное место для высадки, там большая площадь для размещения карет при встрече. Река здесь имеет несколько островков. Берег с одной стороны высокий, а с другой низкий, на обоих берегах луга, и хотя мы были

уже вольны пускать к нам любого, и даже самим выйти на берег, они все же еще не допускали, чтобы мы заходили в дома, занятые солдатами.

13 октября,

в понедельник, опять загвоздка: старший лейтенант Стефкен принес известие, что наш шкипер флейта умер, и именно от чумы, а также, что мы ему солгали, сказав, что уже 6 недель назад выехали из Голландии: оба эти известия были неверными. Шкипер должен был сам и через своих знакомых засвидетельствовать, что он жив, и показаться лейтенанту. После этого все было налажено, но наши люди должны были до вечера оставаться с багажом около городка, прежде чем их туда впустят. Сочинили также, что мы выбросили мертвого шкипера за борт и что его тело всплыло. Погода была теперь хорошая, и для развлечения мы стали грести. Узнали, что рыбаки, многие из которых ловили рыбу вокруг нашего корабля, использовались, чтобы доносить, приходят ли к нам на борт какие-либо купцы. **[27]**

14 октября.

Наконец во вторник, 14 октября, когда мы уже 13 дней стояли на этой реке, нас встретили, и мы получили возможность заняться делами. После нашего выхода на берег срок стоянки опять увеличили. Если бы мы не были впущены до этого приказа, то, без сомнения, еще долго стояли бы.

Итак, в этот день точно в два часа к нашему

кораблю подошли за послом две королевские шлюпки со старшим лейтенантом; шлюпки были покрыты синим сукном, и все гребцы были тоже одеты в синее сукно. После долгих речей посол, трое дворян и старший лейтенант вошли в первую шлюпку, другая часть свиты, кроме слуг, — в другую шлюпку, трубачи впереди. Когда посол сошел с корабля, сразу спустили флаг и стреляли из пушек. Швед не хотел сидеть рядом с послом, все же его удалось уговорить, но он оставил большое пространство между ними, так что посол сидел как бы отдельно.

На берег посол шел по приготовленному мосту, где его сразу приветствовал и принял барон Кроненштерн [25] с ассистентом Королевского Совета Хелмисом от имени генерал-губернатора Оксенштирны. Он говорил по-латыни длинную речь, но так тихо, что я, стоя позади посла, с трудом мог понять, на каком языке он говорил. Посол ответил по-французски. После него пришли приветствовать посла от имени Совета секретарь Кихман и советник Хилболт. Они говорили на верхненемецком языке, и им ответили на нидерландском. После них подошли двое нашей нации [26] и выступили с речью, в которой были хорошо подобранные слова и смысл. Они говорили так, чтобы слышали все. Когда они подходили, присутствующие начали ухмыляться, не ожидая ничего хорошего. Все это происходило на берегу в окружении многих людей и рижских всадников. После этого посол сел вместе с упомянутыми господами [27] в карету губернатора,

которая была последней в процессии, что по правилам страны считалось почетным местом, а впереди губернатора ехала карета посла, в которой сидел шталмейстер, перед ними дворяне [свиты] в карете, запряженной шестью лошадьми, а также карета **[28]** второго губернатора. Перед ними еще карета с шестью лошадьми, в которой сидели другие господа из города. Перед ней карета, запряженная четырьмя лошадьми, в которой сидел наш доктор, секретарь и т.д., впереди них шли еще 13 карет, заказанных нидерландскими купцами к нашему приему; так что там были: 1 карета генерал-губернатора, 1 — губернатора, 2 — от города и 13 от купцов. Перед послом ехал телохранитель с войсковым молотком [28] в кулаке, после него наш гофмейстер [29], затем пажи, которые шли за хирургом, камердинеры и т.д. Лакеи шли вокруг кареты пешком; продвигались медленно, нас провожала большая толпа пешеходов — поляки, лифляндцы, русские, немцы. Когда въехали в город, по обе стороны стояли войска. Основная часть, не менее 200 человек, стояла в хорошем порядке на площади внутри ворот. Рынок, мимо которого мы ехали, тоже был занят солдатами, в большинстве это финны и лапландцы. Как только посол появился внутри городских ворот, дали 24 выстрела из орудий, стоявших на валах; наш корабль ответил на них.

Итак, нас привезли в предназначенный нам большой дом, в прихожую которого можно въехать в карете с шестью лошадьми, с четырьмя

можно поворачиваться. Стены толщиной 6—8 футов. Стену, по-старинному отделанную деревом, украшают вместо картин оловянные тарелки: 200—300 штук едва хватает на одну комнату. Постройка грубая и бесформенная, каждое помещение имеет печь, кухня находится в передней части дома.

15 октября.

В первый день после нашего приезда старший лейтенант Стефкен пришел беседовать с послом, а после полудня его приветствовал бургомистр и Совет города Риги. По обычаю страны они принесли ему пищу и питье, но посол отказался принять. Это показалось им странным и необычным, они даже предположили, что наше правительство плохо относится к ним. Но когда посол извинился, сказав, что у нас не принято принимать дары, они остались довольны [30]. То же **[29]** самое произошло и с графом, который прислал приветствие послу. С нашей стороны подобные приветствия были переданы ему через секретаря.

В этот день я был на проповеди и на праздновании — благодарность Богу за освобождение этого города от длительной осады русских 8 лет назад. У царя тогда было 180 тыс. человек [войска]. Ими был сожжен весь пригород, и сейчас еще видны следы их лагеря. В церкви, где слышны красивая музыка и пение, я имел возможность наблюдать за многими дамами: все одеты в самые лучшие платья, на голове ценные

собольи шапки. Женщины-горожанки всю красоту вкладывают в них, так как им не разрешается носить драгоценностей; на плечах — короткие пальтишки, на длинных юбках белые передники. Другие, дворянки, одеты по-французски, у некоторых голова [убрана] по-французски, а одеты — по обычаю страны. Женщины из простонародья ходят по улице с накинутыми на голову одеялами. Люди знатные ездят в санях, покрытых искусной резьбой. На священниках во время проповеди — длинные кафтаны с воротниками и шапки. В церкви алтарь, горящие свечи и образа, как у католиков. Консистория [31] состоит из восьми пасторов, из которых один является главным интендантом и четверо занимаются мирскими делами. Городское управление состоит из четырех бургомистров, при нем полиция, суд и большое число советников. Один из четырех бургомистров представляет там короля Швеции.

16 октября.

На следующий день посол отправил нашего секретаря к графу, чтобы приветствовать его и справиться о здоровье. С той же целью старший лейтенант Стефкен пришел от имени графа к послу. Наш переводчик сегодня ездил к русскому послу, чтобы от имени нашего посла справиться о здоровье царя, но русский не посмел его принять. Вечером я посетил рижских дам; полагается поцеловать их протянутую руку, они же кивнут головой и иногда поклонятся. **[30]**

Каждое утро здесь большой рынок с сотнями людей: поляки, русские горожане, не-немецкие и курляндские крестьяне; продают там все. Местные крестьяне — очень бедные люди, они считают себя богатыми, если у них есть лошадь, топор, корова и лопата; они все крепостные, каждый находится под властью своего господина; это грубый народ, язык их странный, и они не понимают горожан.

Наши земляки в этот же день пришли приветствовать посла, среди них был крестьянин из Де Рейп, который живет и торгует здесь уже 30 лет. У него усадьба размером в 5 миль, в которой 100 крестьян, его рабы, обрабатывают землю и ежегодно приносят ему свою дань.

Люди из простонародья открыто, без стыда, купаются, мужчины и женщины выбегают из бань на улицу в чем мать родила и кидаются в холодную воду или обливаются ею. У людей знатных отдельные бани в своих домах, где девушки моют купающихся мужчин и женщин.

17 октября,

в пятницу, у нас снова появился старший лейтенант. Мы осмотрели 20 пушек, взятых у русских. После полудня приехал сам граф Оксенштирна приветствовать посла с большой свитой из алебардщиков, благородных пажей и слуг. Я и мой коллега проводили его от кареты до прихожей дома, навстречу послу. Мы провели всех шведов внутрь дома, и они пошли вперед, чтобы приветствовать посла и его свиту. Сидя,

они беседовали больше получаса в нашем присутствии. На шляпе, перевязи и перчатках графа было много бриллиантов, его одежда была украшена позументом. Уходя, дворяне шли впереди, мы следовали за послом.

В этот день у нас рассказывали, как дешева здесь дичь. Если господин дает своему охотнику 1 фунт пороха и к тому еще и дробь, тот должен принести ему 80 штук дичи: зайцев, рябчиков, серых куропаток, глухарей и т.д., и тому это еще и выгодно, ибо он может застрелить больше ста штук.

Кто здесь грешит против правил веры, должен каяться в церкви, перед всеми, одетый в белое. **[31]**

18 октября,

после полудня, посол сделал ответный визит графу Оксенштирне; поехали ко двору в двух каретах. Мы все прошли вперед до малого внутреннего зала. Наверху они вдвоем беседовали, что продолжалось четверть часа. После этого посол отправился посетить жену Беккера. (*NB:* это было после того, как мы, уйдя от графа, снова сели в карету.) Замок — четырехугольный колосс, построенный из белого гранита [Hartsteen] [32]. Он находится в запущенном виде, окружен рвом и земляными валами для защиты. Когда посол прибыл, графиня стояла со своими дамами у окна. Граф принял посла так же, как его приняли у нас (т.е. у входа). Теперь пришел приказ, что

нидерландские корабли должны вместо двух стоять шесть недель в карантине.

19 октября.

После полудня, в воскресенье, к послу пришел с приветствием председательствующий бургомистр Риги. Сразу после его ухода посол поехал к нему с ответным визитом и передал ему грамоту от Их Высокомогуществ этому городу.

20 октября.

20-го были у нас двое из Совета, предлагали послу свои услуги и всякую помощь и сказали нам, что магистрат немного недоволен заглавием послания к нему: в титуле позабыли слово "Высокочтимый", тогда как со времени последней осады им [членам магистрата] пожаловали дворянство.

21 октября.

Во вторник я отправился осматривать город, в том числе водопроводное сооружение, через которое горожане из Двины получают воду в свои дома с помощью труб. Насосы, приводимые в движение лошадьми или ветром, нагоняют воду вверх в бак. **[32]**

В этот день посол еще посетил здешний дом холостяков [33], где мы пили из больших серебряных чарок; и пьянствуют же в этом доме! Наши имена здесь записали. Этот дом, говорят, построен 400 лет назад Артом, королем Польши, для холостяков, здешних жителей, из них

некоторые являются постоянными его управителями, среди которых один является самым старшим. Дом имеет большие доходы, там едят и пьют за небольшие деньги, все в пользу горожан-холостяков. В доме много старых обычаев и правил. Это добротное здание внутри и снаружи; на фасаде фигура Мавра [34]; внутри помещения — очень ценный серебряный сосуд для питья. Скамьи для сиденья и столы украшены красивой резьбой. На балке висит шкура волка, который, как говорят, убил здесь многих людей, перелезая через стены города. Говорят еще, что юноши оказывали королю Арту большие услуги во время беды, почему он им в награду и подарил это здание со своими привилегиями. Но я не мог узнать истинную правду, а также собственные их законы самоуправления; они их сами едва ли знали, хотя их очень много и они содержатся в древних письменах.. Они показывали нам и большие шпоры, длиной и шириной в пядь в диаметре, а также и оружие для рослых людей, их предков.

В тот же день я осматривал самую большую их церковь [35]. Поистине, как все это похоже на католичество: перед хорами наверху изображены Страсти Господни в 9—10 плоскостях, все искусно вырезано из дерева и разрисовано; распятие находится наверху в виде изваяния больше человеческого роста. На хорах у алтаря видны сакрифиция [36], большие горящие свечи и много скульптур. Эти евангелики устраивают свои утренние и вечерние пения в церкви, женщины

стоят на коленях. Мимо церкви мужчины проходят с непокрытой головой и молитвой.

Люди здесь одеты великолепно, роскошно и утонченно, так что король вынужден был назначить налог на одежду; горожанам запрещено носить на одежде серебро, золото, кружево или позумент, а женщинам — ходить с распущенными волосами. Дворяне и чужеземцы носят то, что им нравится. Несмотря на запрет, горожане вешают на себя **[33]** вещи, стоящие тысячи, а именно меха. Когда они выходят из города, женщины и мужчины украшаются, важно выставляя напоказ свое богатство, надевая на себя все, что они могут носить. Но, как только возвращаются в город, они все это должны снять. Питание здесь в изобилии и дешевое, особенно куропатки, зайцы, рябчики, фазаны, глухари, тетерева и т.д.

Мы чувствовали себя все очень вяло, сильно болела голова от слишком натопленных помещений, к чему мы не привыкли.

22 октября.

На следующий день, в среду, мы думали отправиться дальше, но отправка была отложена из-за плохих дорог: шли проливные дожди, и нам сказали, что если бы мы поехали, то рисковали бы здоровьем и багажом. Посол снова отправил несколько человек к московитскому послу передать привет и справиться о его здоровье, однако тот вновь передал, что не может нас принять; а я думаю, что он не смел с нами

беседовать, потому что на это у него не было приказа и это могло быть истолковано в дурную сторону. Без приказа они ничего не могут сделать, даже самое малое.

Когда я в тот день для развлечения пошел гулять, то увидел на полях кости сотен убитых, непохороненных русских, ямы, полные трупами, многие едва покрытые землей. Это осталось от недавней осады города, во время которой сам царь с войском около 200 тысяч человек находился под Ригой.

28 октября.

Мы поехали со всей нашей свитой посмотреть большую рыбную ловлю на реке Двине. Участвуют несколько сотен лодок; рыбу гонят сверху вниз по течению на несколько миль, ударами и всплесками по воде, и здесь ее ловят целыми косяками. Этот способ рыбной ловли применяется один раз в году для всех, кто хочет в этом участвовать. **[34]** Охота здесь тоже разрешается всем. Там, где рыбаки собирались и поднимали свои сети, находилось дворцовое имение, нечто вроде поместья. Там стояли рядом 3—4 деревянных отапливаемых домика; некоторые служили спальнями, другие складами для хлеба, который здесь сушили и собирали, третьи — стойлами для скота. Погреба стояли прямо в поле и открывались через люк; кухня такого же типа, покрыта и огорожена ветками и кустами. Это место называют Девичий двор; здесь работают более 100 крепостных крестьян,

которые, по обычаю страны, все, вплоть до детей, обязаны выполнять всякую работу для местной власти или для владельца; без разрешения они не могут сделать и шага, не имея никаких личных прав. Каждый знает, сколько он должен принести продуктов, в зависимости от количества земли и членов семьи. В определенное время они должны явиться на барский двор, послать слугу или прислугу; девушек обычно сажают за прялку. Самым богатым считается крестьянин, у которого большее количество детей, если он может их удержать у себя, ибо господа имеют власть торговать ими и продавать их. Во время уборки урожая эти крестьяне работают день и ночь почти без сна, подремав только час или полтора; это мне кажется достойным удивления. Считаются богатыми те, у кого собственная лошадь, корова, плуг и топор, этим они могут обойтись и все устроить. Это народ вороватый, одеты очень скудно и бедно, носят обувь из коры и т.п. Если их не держать в такой бедности и подчинении, они выйдут (из повиновения. Господа имеют право распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных, что в Курляндии еще часто практикуется; но все же их права более ограничены, чем это было в Древнем Риме.

Здесь сами господин и госпожа угощали нас пищей и напитками. Госпожа сидела во главе стола и всем раздавала угощение; ели из маленьких блюдечек и тарелочек; кисловатое вино с сахаром и пища — все приготовлено по их обычаю, всего было в достатке.

Мы проехали мимо покинутого русского лагеря: это большое пространство более получаса езды в окружности, **[35]** огороженное бруствером и сухим рвом; посередине — небольшая речка, видны еще два кладбища и большие кучи костей убитых. Здесь стоял сам царь и с ним около 200 тысяч людей, еще было видно, где стояла его палатка.

29 октября.

Я был на рижской свадьбе, или хоогтейт, как они говорят. Все там происходит совсем по-другому, чем у нас. Невеста и жених без встречи или приветствия сами по себе приходят к дому гильдии, где празднуют свадьбу. Так же приходят и все гости, отдельно мужчины и женщины. Когда все соберутся, происходит бракосочетание молодых в свадебном зале. После длинной проповеди священник в плоской шапке и ризе с воротником надевает молодым кольца, соединяет их руки и женит их, при этом долго поет и благословляет их словами и жестами. После этого все садятся за стол, мужчины вверху, а женщины внизу стола, в соответствии со своим положением. Пищу подают на маленьких блюдечках, пиво — в кружках, вино — в кубках. И так сидят до вечера. Музыканты меж тем не сидят без дела; затем ведут на танец невесту, украшенную венцом из ценных камней. Она танцует первой, что происходит по польскому обычаю: мужчины следуют впереди, женщины — за ними, держа их за руки; одна пара тянет за собой другую, и так семенят по комнате друг за другом, без особого

искусства. Кто выглядит в танце наиболее чопорно и скромно, тот, считается, и танцует лучше, чем они все очень гордятся. Женщины стоят вместе в углу, а мужчины тем временем пьют. Ухаживать, а тем более целовать женщин, не позволяет обычай. Когда кто захочет танцевать, он выбирает одну и, окончив танец, приводит ее туда, откуда взял. Мужчины сидят за маленькими круглыми столиками, вроде треножников, перед ними стоят напитки, и каждый пьет, когда хочет. После этого невеста и жених с гостями уезжают к своему дому. Там снова танцуют и едят, и до рассвета чета не ложится в постель. Но перед этим отец невесты передает жениху его любимую с важным видом, речью и увещеванием, **[36]** пожеланиями и тому подобным, а жених ему отвечает. Музыканты встают и прерывают речь, часто прямо на середине. Люди здесь так великолепно празднуют свадьбы, что иногда треть, да даже половину своего добра тратят на это. Здесь два общественных свадебных дома: один для большой, другой для малой гильдии [37].

30 октября.

Наш шталмейстер [38] отправился в Псков, чтобы сообщить о приезде посла. Ночью сгорел дотла великолепный дом; здесь хороший порядок при тушении пожаров.

31 октября.

Главные из наших, по обычаям страны, были приглашены на праздник официальным

напечатанным письмом. Мы узнали, что дороги к Пскову хорошие.

1 ноября.

На следующий день Совет прислал послу письмо для Их Высокомогуществ, но ввиду того, что титул был составлен неправильно, оно не было принято; это звучало так: "Его наисветлейшим, великомощным штатам Голландии и Западной Фрисландии". *NB:* об этом я с городским секретарем крепко поспорил. Все было приготовлено к выезду.

Город Рига, по-моему, окружен восьмью больверками, очень высокими и укрепленными оборонительными палисадами, с валами, перекладинами и т.д. На наружной части каждых ворот находится оборонительное сооружение; здания некрасивые, улицы застроены без порядка, дома большие и неуклюжие; фасады тяжелые, кирпичные, окна такие, как у нас в стенах пивоваренной, с телегой и лошадью можно въехать прямо в дом. Комнаты отапливают, каждая с двойными дверями, чтобы сохранять тепло; на стенах блюда вместо картин.

Город имеет шведскую, немецкую и латышскую церкви; все эти великолепные здания покрыты медью; одна из них **[37]** имеет очень высокую острую башню [39]. Внутри они разукрашены по католическому обычаю; священники, которые здесь участвуют в управлении, в ратуше, ходят одетые в пышные рясы и носят плоские шапочки. Один из них — главный управитель или епископ;

у них большие доходы. Здесь лютеранское богослужение, свои заутрени и вечерни, поют и молятся внешне набожно; когда после проповеди произносят "Отче наш", пастор уходит, и каждый молится про себя, затем поют, играет орган. Мужчины выходят первыми, а женщины остаются еще молиться, каждый уходит, когда захочет. Этот город имеет Латинскую школу; здесь была и гимназия, но по недостатку учеников она теперь закрыта [40].

Мне кажется, что город имеет 4 наземных и 5 водных ворот. Каждый вид судов имеет свою стоянку или пристань. Голландцам отведено самое большое место. В городе высокая старая пороховая башня, теперь пострадавшая от русских. Ратуша не стоит своего названия; когда собирается Совет, закрывают рынок. Управление города состоит из бургомистров, советников и старейшин [41]. Четыре тысячи солдат находятся в гарнизоне от имени шведской короны. Здесь резиденция генерал-губернатора Лифляндии и губернатора [42].

Здесь жесткие порядки: впрягают людей рядом с животными в телегу с навозом. Народ очень корыстный и торгашеский, друг другу не доверяют. Если покупают сапоги, то сапожник держит один сапог, пока не получит деньги. О вкусной пище и питье они очень заботятся, до мелочей; что касается одежды, то они потеряли бы всякую меру, если бы сверху за этим не следили. Ни один купец не должен носить кружево, белые чулки или серебро; так же и

женщины, которым запрещено носить распущенные волосы. Дворяне, солдаты, иноземцы носят что им угодно. Надо отметить, что когда купец выезжает [из города], он роскошно одевается, как бы выражая этим свой протест, назло дворянству; это. им разрешается. Женщины ходят в церковь одетые по-особенному: в трех пальтишках, надетых одно на другое, — верхнее из соболя, которым замужние женщины покрывают и голову. У них всякого рода рыба, идущая в пищу: караси, карпы, судаки, странный угорь, мелкая сельдь и такие же **[38]** рыбы, как у нас. Много мяса и дичи: глухарь, серая куропатка, рябчик и тетерев. Люди говорят здесь на разных языках: некоторые горожане говорят только на латышском языке, другие — на верхненемецком, третьи по-рижски, т.е. на нижненемецком, самые знатные говорят на этих трех языках. Бани здесь тоже в обычае. Молодые люди обоих полов общаются иначе, чем у нас; здесь существует обычай, по которому летом целые семьи, все вместе, молодые и старые, уезжают к крестьянам развлекаться. Ночью старые спят вместе, так же и молодые, они лежат все рядышком, то юноша, то девушка. Однако одна старуха ночью караулит, чтобы не совершилось греха. Это называется выезжать, чтобы "лежать в рядах". В городе очень много лошадей, они имеются у каждого горожанина. В обиходе монеты — риксдальдеры, польские гульдены, серебряные шиллинги, марки и т.д. Барки и повозки очень простые, первые все низкие, вторые — едва 2 фута высотой, все

сделаны без железа.

4 ноября.

К послу пришли голландские купцы [живущие в Риге], которых обидели: они просили, чтобы посол выхлопотал у генерал-губернатора для них свою церковь. Несколько дней они не появлялись, пока посол их не пригласил, чтобы поговорить о своей поездке. После полудня посол простился с генералом, который в свою очередь на следующий день пришел в дом посла прощаться. Теперь купцы снова пришли поговорить с послом о своем деле, но для них ничего не было сделано. Когда я увидел парад солдат и удивился, почему ни у кого из них нет ружья, мне сказали, что их отняли, чтобы не было баловства на улицах. Эти воины, получая мало денег, часто начинают воровать и грабить. Мы отправили наш багаж вперед, примерно на 50 повозках.

6 ноября.

Депутаты Совета пришли прощаться с послом. **[39]**

7 ноября.

Мы выехали из Риги, нас проводили члены Совета и несколько человек от имени графа, присланные с каретами. Посол сидел в карете графа, вокруг ехали и шли его слуги. Нас провожали также несколько человек верхом, дворяне и горожане. Свита посла ехала перед его каретой. Как только мы очутились за воротами, сразу дали залп из пушек. Нидерландские купцы нас проводили не

так, как встретили. *NB:* на расстоянии получаса езды от города нас оставили провожатые после надлежащего прощания, и мы ехали через горы и леса еще 4 мили [43], остановились, не доехав полмили до реки А [44]. Лес здесь и до самой Москвы состоит из сосен и елей, ими и удобряют землю: дерево сжигают, и зола служит удобрением; когда земля истощается, она снова заращивается лесом. В деревушке Нойермюлен мы переехали рукав Двины. Там стоит старый замок, который я наспех срисовал; там же с нами попрощались наши последние друзья. Здесь я видел двух медведей, которые очень забавно танцевали в такт звукам труб. Мы еще прошли мимо озера под названием Белое. Остановились ночевать в Ионкерсгофе [45]. Дворы у дворян здесь все из дерева, низкие, дома из 2-3 комнат. В тот день мы ехали около 6 часов.

8 ноября.

На следующий день отправились в 9 часов и спустя полчаса проехали мимо реки А, здесь я срисовал ее волок. Она впадает недалеко оттуда в море [46]. В тот день мы квартировали на 3 мили дальше у одного дворянина по имени Вольф. Эта земля заселена редко, дома встречаются кое-где, церквей очень мало, почти все дворяне живут в провинции, занимаются земледелием.

9 ноября.

На следующий день мы уехали от Вольфа в 10 часов и за 7 часов проехали 3,5 мили через горы, долины, пустоши, леса. Мы остановились под

горой, среди высокого соснового [40] леса, на постоялом дворе, вблизи реки Брасле [47]. Здесь уже попадались бревенчатые мосты [48]. Было любопытно видеть, как наши возчики устроили лагерь из подвод, зажгли большие костры, у которых они ночью вместе с лошадьми легли спать под дождем и ветром. Место ночевки было очень скверное: нам дали нарубленную солому, отнятую у свиней, наши лошади и скот не получили корма; харчевни имеют здесь только одно помещение, куда мы все втиснулись.

10 ноября.

Продвинулись только на одну милю, и то за 2 часа; сделали остановку, потому что дальше не было вблизи жилья. Место, где мы ночевали, они называли Большой Рооп, но оно немного лучше прежнего. Здесь находятся два замка [49], на расстоянии пушечного выстрела друг от друга, один на этом, другой на том берегу реки. Больший замок расположен на горе, прежде он служил укреплением. Одна его половина спускается к реке, а другая половина — это крепость; забавно видеть крепость наполовину сухую и наполовину мокрую от высокого водопада. Здание построено частично из кирпича, частично из выжженных изразцов; позади него — старая разрушенная церковь, как показано на моем рисунке. Через два дня владелец этого замка собирался хоронить своего сына, тело которого уже год стояло на земле. В знак траура о нем ежедневно звонят колокола. *NB: о* похоронах дворян здесь. Другой замок стоит тоже на

выступе, hо не в таком хорошем состоянии и не так укреплен, как первый, что и видно на моем рисунке.

11 ноября.

Мы уехали за 3 часа до рассвета из Роопа по непроезжим дорогам и пустошам. Из-за множества болот и неудобства от бревенчатых мостов много наших подвод опрокинулось и получило повреждения. Это опасные места, особенно для лошадей, так как мосты — это уложенные сплошь деревья, которые местами сгнили; из-за них провалилось несколько **[41]** наших лошадей. Квартира наша была в очень плохом трактире, где мы должны были ночевать под зерном на земле у дымового отверстия. Мы приспособили палатки и шалаш из веток и зелени как кухню и жилье для слуг; ночью, в 4 часа, начали топить печь, чтобы нам всем согреться. Этот трактир принадлежал одному шталмейстеру. По пути в течение этого дня мы встретили мало селений и ни в одном не было более шести домов. Молодые женщины одеты почти как мужчины: в шапках, белых плащах и обуви из коры. В этот день мы продвинулись всего на 3 мили, так как в пути мы должны были сами делать мосты.

12 ноября.

Продвинулись на 4 мили до городка Вольмар. Посередине пути мы остановились в харчевне под названием Паткилс у речки или ручья. В четверти часа езды до города нас встретил комендант замка в Вольмаре, который при нашем появлении

приветствовал Его Превосходительство [посла] пальбой из пушки. В замке нам предоставили квартиру. Это был третий замок, что мы встретили в пути, и еще оставили в стороне три замка, построенных неким отцом для своих трех сыновей. Замок в Вольмаре [50] довольно большой, построен почти треугольником из кирпичей; план его я набросал наспех (так как это не позволено). Он сильно разрушен: внутри ничего нет, только развалины, кроме одного крыла, где живет комендант, сохранились также внешняя стена, вал и ворота. По случаю того, что здесь при странных обстоятельствах погибла одна из лошадей, нас хотели уверить, что это дело злого духа этого замка, который всегда показывается в виде коменданта, и то поражает караульного, то таскает кого-нибудь за волосы, то убивает животных и т.п., в этом солдаты и местные жители усердно старались нас уверить. Здесь же в тюрьме находилась старуха, которая слыла колдуньей; я говорил с ней, но она толком ничего мне не хотела рассказать; говорили, что она не тонет в воде, — спустя некоторое время ее сожгли. **[42]**

Этот замок служил прежде жилищем епископов, от него там еще сохранились останки. Прежде весь город и окрестные земли были им подчинены, теперь же все это является владением графа Оксенштирны, подарено ему короной, может давать доход около 50 тысяч риксдальдеров в год. Размер владений [графа] почти равен территории города Мёйдена [в

Голландии], но постройки здесь хуже. Дома покрыты землей, деревом, а некоторые черепицей. Город имеет двое ворот; одна сторона его смотрит на [реку] А. Замок стоит в конце города, как показывает мой рисунок. Его охраняет команда из крепостных финнов, они подарены замку, чтобы навечно со всеми своими мужскими потомками служить здесь солдатами. Ох и велика же их зависимость!

Церковь довольно хорошо построена, по обычаям страны. Здесь я присутствовал на молении, но с какими церемониями и суеверием они его совершают! Сперва поют, затем молятся, снова поют громко молитвы, то поют, то говорят. Священник поворачивается к алтарю и спиной к народу, пока те молятся, а потом крестит и благословляет их. Еще я увидел там крещение и заклинание дьявола. Служба происходит на латышском и немецком языках. Крестьянки приходят в церковь в вышитых шапочках, набросив на себя одеяло, как бы в пальто. Когда мы здесь веселились, палили пушки, — на каждый глоток вина по два выстрела, а всего выстрелили более 100 раз, это вызвало большой шум в маленьком городке. Эти замки обслуживаются окрестными крестьянами, которые там по очереди отрабатывают барскую службу: укладывают сено в стога, прядут и выполняют любую работу, какую им приказывают. Над ними надзиратель, который часто и весьма ощутимо напоминает им об их долге. Говорят, что здесь еще действует древнее право хозяина на первую

ночь невесты.

16 ноября.

Воскресенье, мы здесь приняли причастие, вместе с комендантом Ван де Бруком и его женой — голландцами. Кладбище находится вне городка, ров со стороны берега **[43]** был бы сухим, если бы не маленькая речка. Наш пастор крестил здесь ребенка. Я видел, что местные жители в своей церкви тоже причащались: они употребляли облатки, которые пастор клал им в рот, после того как он сам перед алтарем прикладывал губы к чаше. Церемонии, хотя и лютеранские, у этих латышей странные: они постоянно крестятся и кланяются, как мужчины, так и женщины. Я видел, как две пары венчались, церемонии похожи на наши, каждый по желанию давал пастору деньги или серых куропаток, рябчиков. Мужчины, как и многие женщины, одеты в белые кафтаны, головы некрасиво острижены; кружевные шапки декоративной работы неплохо идут девушкам, они сделаны из листвы, мишуры, соломы, тряпок, перьев, мха и т.д. Теперь здесь был сильный мороз и шел снег.

17 ноября.

Понедельник, мы уехали из городка Вольмар; пушка палила 16 раз. Некий военачальник со своими всадниками провожал нас одну милю за город. Некоторые из наших поссорились с ними, разгорелся спор, но кончился полюбовно. После трех миль пути мы приехали в трактир, названный по имени хозяина, господина

Стренсена. Шел довольно сильный снег, и у лошадей под копытами были комья снега, что затрудняло езду. Я уже два раза падал вместе с лошадью. Нам встречались выдолбленные деревья, которые здесь служат ульями. Мы узнали, что здесь опасно, почему мы удвоили караул и снабдили охранников патронами.

18 ноября.

На следующий день мы продвинулись на 5 миль лесом. Странно, что на этой дикой земле встречается так мало зверей, хотя, говорят, что их там много. Теперь нашей квартирой был трактир Кагера. Здесь я опять упал вместе с лошадью. Командир Вольмара проводил нас до половины пути. Теперь уже показалась река А. **[44]**

19 ноября.

Мы проехали три мили, одну милю по таким же голым местам, как и прежде, две остальные — через лучше устроенные и заселенные земли, до постоялого двора Вал. Здесь говорят на другом языке, похожем на финский [51], а люди в предыдущем трактире его не понимали.

20 ноября.

На следующий день мы проехали только две мили. Квартировали у ротмистра Укскойла. Переехали на плоту через ручей, названный по своей окраске "черный". Я видел здесь суденышко, похожее на американское каноэ, которым и управляют так же. Молодые

крестьянки очень бедно одеты, на них наброшено только одеяло, ноги обвязаны корой, голова острижена, как у норвежских крестьян, круглая, как будто голая. Когда они собираются вступить в брак, они сбрасывают рубаху, которая длиной не ниже пупка, несомненно, у нас тысячи людей приняли бы их за мужчин.

Здесь нам впервые встретилась группа польских купцов. Сегодня был день, когда медведи впадают в спячку на 6 месяцев, чтобы отдыхать, и только сосут свою лапу. Это послужило причиной разных толков о них: два дня назад они утащили с верфи красивую собаку. Много рассказывали об их проделках, как они нападают на животных и людей. Из-за них в этих местах было небезопасно.

21 ноября.

Прошла ночь, и наступило 21 ноября; мы продвинулись на одну милю по высокой сухой дороге, а дальше на две мили тянулось болото, где многие из наших подвод опрокинулись. Ночевали мы в трактире, никогда еще не было так плохо, как здесь: наши лошади должны были стоять на открытом воздухе, а мы все расположились в маленькой дымной комнатке. Майор Хем был здесь управителем. **[45]** Следует знать, что все трактиры в этой стране принадлежат дворянам, которые берут себе все прибыли. Простые люди в Эстонии, как и в Лифляндии, все крепостные, но их здесь содержат лучше, почему эта страна и больше

заселена.

22 ноября.

Снова прошла ночь, и мы проехали 4,5 мили до двора Бранта мимо высоких гор, холмов и многих стоячих вод [52]. Остановились у подножия горы на озере Корсел. Сегодня мы снова встретили много польских купцов. Этот двор был лучшим пристанищем за весь наш путь. В нем было много отдельных помещений, одно из них служило мельницей, другое — хлебным амбаром, третье — винокурней и т.п. Водку перегоняют из овса, пшеницы, ячменя, ржи и т.п. Эти зерна варят все вместе, затем пропускают пар через перегонную трубку, проточная вода охлаждает трубы, отчего спирт опускается, что, по их словам, дает больше спирта. Здесь ловят медведей, загоняя их в большие ямы.

23 ноября.

Мы прибыли в добром здравии в замок Нивен-Хойзен [53], нас сопровождали старший лейтенант Стефкен и два лейтенанта [54], которые помогали нам во всем пути. Теперь мы узнали, как обстояло дело с нашим приемом: русские, из боязни чумы, заняли все проходы, чтобы мы не прошли в их страну. Воевода Пскова не решался открывать письма посла, не подпускал к себе близко и наших посланцев: когда он разговаривал с ними, то между ними зажигали костры, а письма окуривали. Он требовал письменное свидетельство о том, что мы здоровы и что в Риге мы спокойно ходили по улицам, что и было

сделано. Их же уверили, что большая часть свиты умерла в Риге. Сегодня мы прошли одну милю верхом. При нашем въезде палила пушка. Замок — это очень старая постройка, сделанная еще рыцарями-крестоносцами [55], на его стенах заметны кресты. Замок стоит на высоте, **[46]** валы сухие. Прежде чем добраться до замка, переходят через маленькую речку. В замке устраивают службу в маленькой церквушке. Здесь хранится лук, из которого много лет назад был поражен один великий князь. По легенде, замок был осажден 10-тысячным войском, а когда осажденные собрались сдаваться, они помолились, затем еще раз выстрелили и попали как раз в царя [князя]; поэтому они и освободились [56]. Замок очень разрушен, как обычно разрушены замки в этих морских районах, раньше их было 150. В гарнизоне 25 шведов из Скопена, русские посты находятся на расстоянии не более выстрела от замка, и оттуда можно бросить в Россию камень.

Две недели мы потратили на этот путь. Рано утром мы сели на лошадей и не слезли, пока не добрались до ночной квартиры. Там мы разбили лагерь из подвод, около которого сами несли караул. Наши русские и латышские возчики зажгли костры, легли около них, набросили на себя снятую одежду и спали так, несмотря на мороз, дождь или снег. Они питаются хлебом с водой. Лифляндия — это как бы сплошной лес, в большинстве сосновый, через одну-две мили встречается дом или грязный трактир. Крестьяне

живут бедственно: пашут для господина, а о своей жизни говорят:

"Я лифляндский мужик,Жизнь моя отравлена, Полезу я на березу,Вырублю из нее седло и повод,Свяжу обувь лыком,Наполню своему юнкеру шкаф,Отдам пастору долгИ ничего не знаю про Бога и его слово",

из чего вкратце можно судить и об их жизни. Хотя здесь резкий холод, эти крестьяне не мерзнут, у них есть одежда и бани, моются два раза в неделю.

Находясь в замке, мы ежедневно ждали, что скоро за нами приедут, ждали известий из России, но нам отвечали, **[47]** то — что большой господин приедет за нами, но еще не явился, то — что боярин приедет нас приветствовать, или — что подводы [57] уже готовы. Однако ни тот ни другой не появлялись. Однажды прислали крестьянина к послу с просьбой, чтобы он не писал в Москву, а все адресовал бы князю [58], который находился на границе для поддержания порядка. Мы написали ему, что если он не хочет пропустить нас в Псков, то пусть лучше скажет; в свое время на это будет жалоба Его Величеству, и что дорога обратно была тоже еще открыта. Очевидно, они уже получили приказ принять посла, но из-за боязни чумы мешкали возможно дольше; это видно было из того, что они говорили с нами только через костер и обкуривали наши письма.

На границе стояла стража из крестьян, которые нас всегда задерживали, когда мы, прогуливаясь,

хотели пойти в их сторону, спрашивая каждого, откуда идет и куда. Стража располагается примерно в получасе ходьбы от замка, оттуда был слышен барабанный бой и команды. Около места караула лежит небольшой круглый камень, который они называют Теплым. Назван он так потому, что поляки, когда пытались вытащить пограничные столбы Лифляндии [59], стреляли горячей пулей, чтобы определить расстояние, на которое хотели переместить столбы [к востоку]. Русские считают свои границы проходящими около замка, т.е. граница — это речушка, омывающая замок, она проходит несколько ниже, через деревню [Мегетситс], поэтому деревня полурусская, полулифляндская; как пограничная речка она известна на всех картах. По поводу этой границы часто бывают большие споры. Недавно, когда русские собрались принять некоего князя у себя вблизи замка, им заявили, что откажут в этом, если они явятся с оружием, но если безоружными, — то разрешат. Немногочисленное население, живущее вокруг замка, из которых нет знатных на расстоянии 6 миль в окрестностях замка, говорит только на финском и русском языках. Лук, о котором говорилось [выше], высотой 5 футов, очень тяжелый и сделан из толстого слоя рыбьих костей, положенных друг на друга. Железяки, с помощью которой лук натягивали, — нет. Когда 8 лет назад русские заняли **[48]** замок [60] и один из них спросил, почему этот лук должен был висеть рядом с другими, никто не посмел ему сказать, что из этого лука 300 лет назад было поражено

сердце их царя [князя] и что здесь празднуют этот день. Тогда русский забрал это железо и подковал им своих лошадей, а остаток бросил.

Пока мы находимся в Лифляндии, я еще скажу, что вся страна вместе с крестьянами подарена шведской короной ее фаворитам и что у нее здесь ни фута земли собственной, но summum imperium [вся власть] остается за нею, и она взимает дань. Все эти фавориты и любимцы живут в деревнях, в своих имениях, в простых бревенчатых домах, у них мало или почти нет домашней утвари, кроме сундука, стола, стула, скамьи и ружья; русские во время войны разорили их добро. Пьют они здорово, часто вместо вина пиво. Крестьяне живут далеко друг от друга; на вид они сухопарые и костлявые, их пища — простой хлеб, питье — вода, а также и пиво из хмеля и ячменя. Это люди дурные, вороватые, чему было у нас несколько примеров, впрочем, они простые и простоватые. На ярмарках женщины украшаются цепями из монет, бус и рожков, которыми они себя обвешивают, и голову обматывают украшениями; одежду надевают белую. Лица у обоих полов неприятные, бледные и морщинистые. Молодежь ходит с непокрытой головой. Скот такой же, как у нас. В лесу есть тоже волки, медведи, лисы и лоси. В одиночку ездить опасно, особенно ночью: только за два дня до нашего приезда у одного жителя волк среди бела дня утащил нескольких его собак. Язык содержит много греческих и латинских слов: do — я даю, theus — бог, tu es pecus — я устал, gramma

— письмо. Детей часто не крестят до 2-3 лет из-за того, что мало священников, и по небрежности крестьян.

28 ноября.

Наконец к послу пришел ротмистр Сила Иванович Аристов, дворянин лифляндского происхождения, присланный от царского воеводы из Пскова. Он приветствовал посла от **[49]** имени воеводы и справился о его здоровье. Его поручение, собственно, состояло в том, чтобы выяснить, есть ли чума в Амстердаме, есть ли или были у нас мертвые и больные с собой и были ли таковые на море, в Риге или по пути. Получив отрицательный ответ [61], он сказал, что сообщит об этом своему воеводе и Его Величеству, потому что опасно, добавил он, пускать таких, которые приезжают из зараженных стран. Посол сказал, что не намерен здесь так долго оставаться, это унижает его государство, и что он может сообщить это своему воеводе. Он [Аристов] сказал, что они вскоре ждут почту из Москвы и теперь пошлют еще запрос; также он потребовал от посла письменное свидетельство о том, что мы были в Риге, которое он и получил. Он не посмел взять на себя ответственность, чтобы кто-нибудь из нас отправился с ним в Псков за ответом. Правда, из-за нас никто не мог перейти границу. Его спросили, почему они недавно писали, что некий дворянин ждет нас на границе, а нас до сих пор не пускают. Он ответил, что теперь Его Величеству быстро сообщат о приезде посла. Когда он только приехал на границу, то сказал,

что ему необходимо говорить с послом, и спросил, пойдет ли он сам к послу или посол придет сюда. У него было около 20 человек, некоторые из них вооружены луком и стрелами. Комендант передал, что ему разрешается с тремя людьми прийти в замок, что и произошло. Я встретил его во дворе замка, пожал ему руку и ввел внутрь, а после беседы с послом также проводил обратно, но дальше, чем прежде (т.е. до середины замка), а наш переводчик проводил его до ворот. Он несколько раз надевал и снимал шапку, которую прежде держал под мышкой, и мы точно так же надевали шляпы, чтобы сохранить наш престиж. Произнося титул своего царя, он ошибся, и его переводчик открыто пришел ему на помощь. Когда он ушел, комендант получил от воеводы Пскова письмо, в котором тот просил сообщить ему, болен ли чумой посол или кто-нибудь из его свиты.

Хорошая погода побудила меня сегодня погулять около Теплого камня и русских караулок, построенных из ветвей **[50]** и листьев, там стояли 12-13 человек, вооруженных дубинками и бердышами; я видел; как они толкли рябину в полом дереве [корыте] и ели ее. Дорогу от нас загородили ветвями и поставили своих караульных на самых высоких холмах для наблюдения. Упомянутый русский титуловал Их Высокомогущества как подобает. Дни теперь здесь очень короткие: в 2 часа уже вечер, а в 3—4 уже темно.

29 ноября,

суббота, погода была хорошая, и мы прогуливались верхом около границы, но когда наши трубачи с курьером хотели переехать через границу, их удержали силой.

30 ноября.

Воскресенье, последнее число месяца, здесь в церкви замка мы совершили наше обычное богослужение.

1 декабря.

Ничего особенного не произошло. Мы должны были, как обычно, чтобы не заражать воздух [чумой], оставаться дома. К столу нам подали вишни, будто только что сорванные, их сохраняют под землей [в погребе].

2 декабря.

Воевода Пскова сообщил коменданту замка, что он может теперь снова свободно, со своими лифляндцами, входить в Россию, покупать необходимые продукты и действовать по усмотрению, как и прежде, что им в течение 10-11 недель было запрещено из боязни, чтобы с ними не прошел кто-нибудь из нас; а послу он сообщил, чтобы тот имел терпение и что он надеется в скором времени получить разрешение впустить нас, чего без четкого приказа не смел сделать.**[51]**

Теперь от нас уехал господин старший лейтенант Кристиан Стефкен, командир шанца, который от Риги сопровождал нас от имени шведской

короны; уехали и 2 лейтенанта: Смит и Берг, которые служили нам гидами и переводчиками. Был сильный мороз, и падал густой снег. Я и еще несколько человек из наших проводили их с полмили от замка.

4 декабря.

Посол со свитой отправился в лес к одному крестьянину, который с помощью веревок умел забавно лазать по самым высоким и прямым деревьям; этот способ придуман, чтобы, выдалбливая деревья сверху, устраивать в них ульи, так как внизу мед съедают медведи и волки. Посол еще с одним из наших отделились от нас, и мы блуждали до вечера в лесу.

Между тем в замок пришел Иоахим Грик, переводчик, который сказал от имени дворянина, находившегося в Печоре для приема посла, что все готово к его приезду и посол может сам назначить время приезда. Стража, которая до сих пор караулила нас, ушла отсюда, и из Нарвы, и из других мест, дороги были теперь открыты; еще он добавил, что за полмили отсюда нас встретят; но посол велел сказать, чтобы его встретили как подобает, на том месте, где они [русские] прощались с английским послом [62]. Когда в замке комендант сказал, что Теплый камень и есть пограничный столб, посол ответил, что не знает такого камня. Из-за этого возник между ними небольшой спор; посол сказал, что очень удивлен, что его так долго здесь задержали, он известит об этом Его Величество; что у нас

принимали послов лучше, просил прислать ему сани и кузнецов подковать лошадей, а также передал просьбу, не может ли кто-нибудь из нас отправиться в Печору для покупки всего необходимого при таком холоде. И пусть они изволят знать, что если они готовы, то теперь пусть ждут, пока он будет готов: он не может сразу, как простой человек, отправиться в дорогу. Переводчик взялся все передать. **[52]**

5 декабря.

К нам в замок приехал тот самый дворянин, который должен был нас принять; перед этим он известил нас о своем прибытии; солдаты, которые были с ним, остались на своей земле. У него было 14 слуг с собой, четыре дворянина сопровождали его в замок. Он въехал на коне во двор замка и остановился посередине, где я встретил и провел его. Он был роскошно одет, седло под ним покрыто красным бархатом и вышито золотом. Войдя в комнату посла, он вытащил из кармана маленький клочок бумаги, по которому сказал несколько слов, вперемежку, без порядка, пропуская кое-что; это был малый титул царя всех русских, а также малый титул Их Высокомогуществ. Высказав все это, он подал послу руку и продолжал свою речь о том, что подводы готовы, стрельцы тоже готовы нас сопровождать, а он готов, чтобы от имени Его Царского Величества проводить посла через страну до Москвы. Он хотел принять посла в упомянутой деревне [Мегетситс], т.е. не там, где они оставили англичанина, уверяя, что иначе ему

придется долго ждать на холоде, пока мы сидим в теплых комнатах, если он должен будет ждать нас на открытом месте на границе; сказал, что всегда было принято именно здесь принимать послов и о границе никогда не было споров. Однако так как посол упорно настаивал на том, чтобы его приняли именно на том месте, где они оставили англичанина, то он согласился принять его у упомянутого камня. А посол ответил, что если его примут не там, то он вернется обратно и потом будет жаловаться, так как и его хозяева — короли и принцы, и он не хотел уступать королевскому послу [английскому]. Затем было назначено время встречи — на следующий понедельник, а на субботу — отправка багажа к месту стоянки, на что русский сперва очень не хотел согласиться, так как ему было поручено охранять наши вещи, и, если что пропадет, то он пострадает, а эти вещи могли пропасть, если их пошлют вперед. Он очень хотел, чтобы мы сейчас же вместе с ним поехали, но на другой день было воскресенье, и поэтому мы еще медлили; он спросил: "Нидерландцы **[53]** никогда не путешествуют по воскресеньям?", на что мы ответили отрицательно. Когда посол снова сказал, что подорвали его авторитет тем, что так долго задержали здесь, то он сказал, что авторитет посла не был задет, так как задержка произошла не для того, чтобы его обидеть, а только из-за боязни чумы. Имя этого господина Микита Степанович; 6 декабря посол пригласил его на обед.

7 декабря.

Было воскресенье; так как у них был пост, он извинился, что они не придут; но когда ему обещали, что им не предложат ничего скоромного, он сказал, что они приедут вчетвером, если за ними пришлют. В субботу ему привезли наш багаж, а в воскресенье появились гости: он, его сын, капитан, толмач и секретарь. Наш переводчик зашел задними. Я принял его [Микиту Степановича] внизу, а посол — наверху. После того как справились о здоровье, прошла два раза подряд чаша с водкой и каждый получил 1/4 яблока. Тем, кто сидел с одной стороны стола [т.е. русским], поставили рыбу, без молочной пищи. Когда Микита увидел эту разницу в пище и блюдах, он сказал: "Так и подобает, чтобы стол подходил к местному обычаю: одному по-шведски, другому по-русски". За столом случилось, что бычье ребро прикоснулось к голове щуки, стоящей перед русскими и приготовленной для них. Все сразу закричали, что рыба была осквернена и должна быть убрана, что и было сделано. Когда пили за здоровье их царя, каждый, прежде чем пить, произнес его малый титул, очень благочестиво наклоняя голову к столу, что нам было непривычно и смешно. Тост за царя выпили одним глотком, за короля Швеции — в три глотка и не допили до дна, за Их Высокомогуществ — в два и до дна. Микита сказал, что молит Бога, чтобы мы в добром здравии увидели светлые очи царские, а затем чтобы он смог снова проводить нас до этого места

[в обратный путь]. За столом их манеры известны: не употребляют салфеток, не провозглашают друг за друга тосты и за провозглашенный тост не благодарят; по поведению они похожи на наших **[54]** крестьян, называют друг друга просто по имени [63]. Однако беседа Микиты Степановича была безупречна: он очень интересовался законами и нравами нашей страны, спрашивал, как мы ехали; когда ему сказали, что у нас очень многолюдно, он ответил, что его господин богат и землей и народом. Наконец дошли до вопроса о месте, где он встретит посла. Он пытался назначить встречу в замке, но комендант отказал ему, сказав, что этого нельзя делать, так как между ними и шведами шел пограничный спор. Наконец решили, что Микита, как друг, сможет прийти к замку, но солдаты пройдут только до упомянутого камня. Это Миките было безразлично; он сказал, что его царь имеет столько земли, что этот клочок его не тревожит. Разногласия между ним и комендантом обмыли стаканчиком, пожали друг другу руки и назвались друзьями, лучше братьев. Они так напились, что едва держались на лошадях, а один из них свалился.

8 декабря.

В назначенный час мы выехали из Нивенхёйзена в Печору — в Россию. Пристав [64] встретил нас на расстоянии полружейного выстрела до Камня, а не у замка, как было договорено; об этом изменении он сообщил заранее. В Нивенхёйзене прогремел выстрел из пушки, комендант и его

дочь проводили нас на четверть мили дальше Камня. При встрече Микита, оставаясь верхом, сказал только, что посол желанный гость, благодарил за вчерашний прием и добавил, что ему пришлось долго ждать посла на холоде. Отряд из более 100 человек стоял при нашем въезде около границы, они усердно размахивали двумя знаменами, на которых изображены были кресты и розы. Они маршировали по трое в ряд, вооруженные легкими ружьями, топорами или алебардами; с ними были еще 20—30 всадников. Посол держался справа от русских, и, как только комендант оставил нас, Микита снял парадную одежду и надел обычную, а каждый из нас сошел с коня и сел в свои сани, — их было не меньше ста. Печора находится в двух с половиной милях от Нивенхёйзена. **[55]**

В Печоре мы остановились в доме ратуши и таможни; помещение для весов послужило нам стойлом. Постройки здесь из хорошо подогнанных друг к другу круглых бревен, образующих поднимающиеся вверх стены жилищ [65]. Мы с удивлением рассматривали их закопченных святых и наблюдали, как они перед ними молятся: это плоские картинки [66] того или иного святого, перед ними всегда горит огонек [лампадка]. Они висят в углах, перед ними крестятся и кланяются всякий раз, как входят в комнату, прежде чем посмотрят на кого-нибудь или скажут что-либо. Уже при первом посещении мы заметили вежливость русских: для каждого из нас принесли пищу и напиток, каждому —

определенную порцию. Нашу гостиницу охраняли полроты солдат так ревностно, что мы сами едва могли выйти. Печора — местечко или большая деревня, она принадлежит в большинстве своем монастырю [67]; это большое здание с высокими каменными стенами и башнями. Внутренние постройки — из дерева, для каждого монаха — отдельное жилье. Камни оштукатурены белым, как и все здания духовенства здесь. Его можно представить себе из моего рисунка, но так как было очень холодно и к зданиям близко не подпускали, то я не мог их срисовать так, как хотел бы. Монахов здесь 200—300 человек. В подвале лежит икона Богоматери, перед которой молятся очень набожно, к ней приходят паломники за несколько сотен миль. Раз в году она появляется в Пскове со всеми ее статс-дамами [иконами], чтобы укрепить стены и город, а затем святыню провожают обратно. Монастырь лежит у двух покатых гор, между ними протекает река [68]. Очень удивила нас странная манера русских креститься, кланяться и молиться. Здесь был старик более 100 лет, он молился иконам, чтобы святые помогли ему получить от нас милостыню.

9 декабря.

В 9 часов мы отправились и ехали в санях все вместе 6 миль до деревни под названием Ваймич, расположенной у озера длиной в 10 миль, которое они называют Великое. [69]С удивлением я наблюдал, как русские набожно крестятся **[56]** и кланяются перед каждой попадающейся на глаза

часовенкой и крестом. Микита, наш пристав, присоединился в своих санях до остановки, куда мы ехали больше мили через это озеро; лед был уже настолько крепок, что мы с грузом и лошадьми могли ехать по нему без страха. Я заметил здесь, что замужние женщины стыдятся открывать волосы, равно как и китайские женщины скорее выйдут нагими, чем покажут косы.

10 декабря.

Отсюда мы отправились в 10 часов, после того как Микита получил разрешение из города [Пскова] на наш приезд. Проехав полторы мили вдоль реки [Великой], которая течет из озера [70], мы остановились у небольшого монастыря [Св. Николая] и приготовились въехать в город. Здесь попы просили милостыню, чтобы зажечь свечу Св. Николаю. Тут возник спор между приставом и послом о порядке дальнейшей езды в санях. Русский должен был сидеть справа, но посол сказал, что лучше поедет в своих санях, отдельно, чем в роскошно украшенных присланных санях, но слева от пристава. Пристав тоже не смел занять место слева от посла. Решили, что русский поедет впереди один и тем временем отправит своего писца к князю Федору [71] за приказом, как ему в этом случае поступить. Вскоре писец вернулся с ответом, чтобы русский уступил послу, что и было сделано.

Когда прибыли в город, Микита извинился за то, что он необдуманно поступил. Порядок во время

езды был следующий: стрельцы шли впереди, затем каретные лошади, потом наш хирург, за ним камердинер; далее шли с литаврами и трубами, за ними — офицеры и дворяне, затем четыре разукрашенные лошади на запас, если устанут лошади посла; конюх, сопровождавший лошадей, ехал верхом; один русский верхом вел сани посла. Пристав ехал в своих санях впереди посла; оба они сидели в богатых санях, обвешанных тигровыми и другими великолепными шкурами; полость была вышита золотом. Сани посла были окружены русскими **[57]** дворянами, наши пажи и слуги следовали пешком за послом. Затем вели его лошадь, а также лошадь Микиты. За нами следовала наша свита в санях, затем — наша карета и наш багаж. Красиво выглядел на льду длинный ряд разукрашенных лошадей, разодетых голландцев и русских.

Так мы ехали вдоль реки, мимо красивых часовенок и небольших монастырей. Один монастырь, который стоит там на высокой горе Снетная [72], я наскоро срисовал. Еще через полмили мы, сверх ожидания, вошли в город, ибо русские редко впускают чужих в Псков. Нас провели по большой части города, прежде чем мы пришли к назначенному нам двору, и это между рядами военных людей: мы насчитали более 100 знамен; их главные все были в своей наилучшей одежде. Гостиница — это большой загородный дом. Жена воеводы в очень богатых украшениях смотрела на нас из окна, мы видели ее, проезжая мимо, но, когда мы пытались ее приветствовать,

она сразу пригнулась. Как только посол вошел в дом [гостиницу], воевода прислал дворянина справиться о его здоровье и благополучно ли мы доехали. Этот человек, хотя и не из простонародья, прочитал все, что говорил, по записке, запутался в титуле посла, очевидно, он не умел ни как следует читать, ни как полагается сказать приветствие из 12 слов; он передал свою цедулку нашему переводчику, чтобы ее зачитать. Посол ответил этому царедворцу, что по милости царя он благополучно доехал. Когда наш пристав все устроил, он распрощался, предоставив нам из особой милости двойной рацион. Посол просил спросить воеводу, разрешат ли нам завтра выйти и обеспечить себя теплой одеждой при таком холоде, на что пристав ответил, что сообщит об этом.

Я сразу заметил, как здесь считают время: счет начинают с восхода солнца и до захода, а оттуда снова до утра. Часов у них мало, а где таковые имеются, там вращается циферблат, а стрелка стоит неподвижно; она направлена вверх, показывая на цифру вращающегося циферблата [73]. Холод стал такой пронизывающий и сильный, что мы временами начинали тереть нос и глаза снегом.**[58]**

11 декабря.

После спокойно проведенной ночи утром пришел пристав, осведомился от имени воеводы о здоровье посла и справился, хорошо ли он спал; позволил нам по желанию выходить в город за

покупками с уговором, что нас всегда должны сопровождать солдаты, которые будут нас охранять, провожать и предупреждать о том, какие места нам не позволено осматривать. Так и сделали: они нас отстраняли от крепостей, валов, ворот, церквей и т.д.

Монастырей здесь 72 [74], все из камня, каждый имеет свое название по определенному святому. Кроме того, имеется еще вне города 23 маленьких монастыря, принадлежащих этим. Главы на башнях [75] обычно покрыты деревом и железным листом; собор Святой Троицы имеет позолоченную крышу, говорят, она обошлась в 50 тысяч дукатов. Кроме этих церковных построек, все другие из дерева, даже улицы вымощены бревнами. Лавки имеют выступающие навесы, Река Пскова течет через город (и у Кремля сливается с рекой Великой); здесь я видел, как множество голых людей, выйдя из бани, бросались в реку, хотя сильно морозило.

Город лежит полумесяцем на реке: он состоит из 4—5 частей, каждая со своими стенами [76]. Это старинные высокие и прочные постройки. Гарнизон — свыше 4 тысяч человек; их начальные люди — это немцы, англичане, шотландцы, поляки, шведы и русские. Над входами в церкви и на воротах всех домов видны иконы какого-нибудь святого, и на них они, особенно при звоне колоколов, крестятся. Все духовные лица либо священники, либо монахи [77]. Первые должны быть женатыми, ибо сказано в Писании: "Священник должен быть муж одной

женщины" [78]. Они изображают своих святых только на плоских картинах [иконах], ибо резные изображения святых делать запрещено [79].

Сегодня посол отправил меня к воеводе князю Федору Григорьевичу Ромодановскому, окольничьему [80], чтобы приветствовать его, справиться о здоровье и вручить ему грамоту от Их Высокомогуществ, что я и сделал. Когда мы пришли к воротам его двора, нас встретили несколько дворян и **[59]** привели в большое помещение, где было много офицеров и сынов боярских [81]; нас посадили на скамью с правой стороны от нашего пристава; под ногами лежал ковер. Князь, после некоторого промедления, подошел к нам в сопровождении многих старых толстых мужчин с длинными бородами, великолепно одетых по их обычаю. Я выполнил свое поручение, поблагодарив его за честь столь торжественного приема. Князь справился о здоровье посла, а также Их Высокомогуществ, которых, как я ему сказал, мы оставили в добром здоровье, и добавил, что мы, благодаря милости Его Величества, продвинулись так далеко в его стране. Когда я сказал, что посол так спешил по столь плохим дорогам, в такое холодное время года, только из желания видеть ясные очи Его Величества, он ответил: "Верю, ибо мы его [царя] считаем святым и чтим, как Христа на земле". Он спросил, какая у нас вера, рассматривал нас с головы до ног, спросил, кто мы такие у себя дома, на эти вопросы я ответил через переводчика осторожно и понятно. Мы должны были с ним

выпить прямо из его рук несколько чарок водки, налитой старшими офицерами. Так же, как нас привели сюда, так и увели обратно. Русские, знающие немецкий, были вокруг нас, чтобы подслушивать.

12 декабря.

На следующий день наш пристав, справившись о здоровье, как это здесь принято, принес свидетельство, которое ему дал посол в Нивенхёйзене о себе относительно чумы. Он хотел, чтобы посол вместо "мы, Якоб" и т.д. написал "я, Якоб", что и было сделано. В России не принято, чтобы кто-нибудь писал "мы", кроме Его Царского Величества. Эта бумага была послана вперед в Москву. Посол велел сегодня передать список продуктов, которые он ежедневно хотел бы получать.

Сегодня здесь состоялся их ежедневный базар, теперь устроенный на льду. Там в изобилии были хорошая рыба, лук, чеснок, сельдь и без счету разных других товаров; было много народа, по сравнению с нами странно одетого.**[60]** Чужеземные постройки выглядели приятно. Куда бы мы ни шли, солдаты шли за нами по пятам, грубо отстраняя нас от укреплений и ворот, и это еще делалось от имени воеводы: "Только, — сказали они, — для прогулки и по необходимости Вашему Благородию разрешается бывать на улице". Издали я видел стены, высокие и узкие, по старому обычаю, пушек на них мало; на базаре стоят 2 очень большие пушки, а в других

местах, кое-где — несколько меньшие. Содержать трактиры или пивные здесь считается позором для знатных, они все относятся к казне царя. Преступников водят с тяжелыми кандалами на ногах побираться. Наша гостиница охраняется одним знаменем солдат [82], которые в первом часу дня и в первом часу ночи бьют в барабан.

Список пищи, которую нам, начиная с Нивенхёйзена, выдавали, был следующий: для посла — 4 чашечки двойной водки [двойной выгонки], 1 бутылка вареного меда, 1 бутылка испанского вина, 1 бутылка французского вина, полведра пива, кусок баранины, 1 кусок говядины, 1 гусь, 1 утка, 30 яиц, 2 фунта масла, 2 фунта соли, 6 восковых свечей. На 14 человек дворян и офицеров — каждому 4 чарки водки, и на всех — 2 ведра невареного меда, 3 ведра пива, 1 гусь, 2 утки, 3 куры, 1 овца, 4 куска говядины. Для людей (31 чел.): каждому по 2 чашечки водки, и на всех 5 ведер пива, 1/2 овцы, четверик крупы и лука, чашка сливок; бутылки были по полторы пинты [83], ведро — около половины нашего.

Мы получили здесь письма с Родины, и посол сообщил князю Федору, что он получил письмо от Их Высокомогуществ: они здоровы и справляются о здоровье Их Царского Величества, еще рассказал ему, как посол Его Величества [84] был принят в Амстердаме, газеты сообщили о приеме, и посол привел это им в пример.

14 декабря.

Сегодня они праздновали день Воскресения Христова [воскресенье], но не торжественно. После полудня лавки снова открыли, все торгуют, многие веселятся, пьянствуют. Когда сегодня двое наших слуг на улице ранили друг друга **[61]** из ружья, стрельцам, даже их десятникам, здорово попало за то, что они плохо их охраняли и отпустили одних гулять. Ни немцев, ни других иностранцев к нам не подпускали, а если те и отваживались, то их весьма немягко отводили за руки. Теперь был русский пост [40 дней перед Рождеством]; и когда мы остатки нашей пищи отдавали бедным, то они ее замораживали до того времени, когда ее можно будет есть.

Как было сказано, город этот очень богат монастырями и церквами, стоя на базаре, можно насчитать вокруг 13 монастырей или приходских церквей [85] и 50 башенок. В соборе Святой Троицы находится место суда, он [собор] находится на площади Кремля и служит при необходимости крепостью, так как окружен высокими стенами, укреплен и опирается на крепостную стену; здесь имеется 7 ворот. Я очень охотно срисовал бы это место и несколько построек в нем, но меня предупредили не делать этого: могли бы истолковать в дурную сторону, и если частное лицо это сделает, его, без сомнения, бросят в тюрьму как шпиона [86].

Здесь я узнал их бани, это бани парные. Помещение нагревают печами, а горячие камни, лежащие на них, поддерживают и увеличивают жару тем, что образуется пар, когда на камни

льют воду. В бане стоят друг над другом 2—3 ряда лавок, на которые каждый может лечь голым. Самые верхние скамьи — самые жаркие. Обслуживают девушки или, если хотят, слуги; они трут тело и ополаскивают его, а также слегка бьют, чтобы открылись поры.

16 декабря.

Был день Николая [87]; его праздновали с большим благочестием. Люди шли по улицам, крестились и молились, перед иконами зажигали свечи, иконы находятся напоказ внутри и снаружи дома; остаток дня они проводят в чрезмерном пьянстве. Воевода просил передать нам не выходить сегодня, ибо мы могли пострадать от пьяных. Я все же вышел на улицу из любопытства и видел, что весь город пьян, и **[62]** мужчины и женщины; несмотря на большой праздник, лавки были открыты, и торговля шла вовсю. Был такой сильный мороз, что влага в носу замерзала, как только выйдешь на воздух. Когда я однажды слишком долго был на улице, у меня лицо и рот так окоченели, что я с трудом мог говорить.

18 декабря.

Наш шталмейстер отправился вперед с каретой и лошадьми в Новгород; любопытство так захватило меня, что я, подкупив солдата, который меня сопровождал, крадучись, вышел из ворот и осмотрел валы снаружи. Стены частично из оштукатуренного камня, недостаточно прочные, чтобы выдержать большой натиск, они кривы и косы, местами с башнями и ротондами. Из семи

ворот, которые скорее можно назвать отверстиями в валу, некоторые из камня, другие из дерева. Со стороны суши у сухого рва есть высота, с которой виден город. Пушек на стенах не видно. Купцы из Швеции и Любека имеют за городом каждый свой двор [88].

Управление городом находится в руках воеводы, его помощника и дьяка; они теперь ведают военными и политическими делами.

19 декабря.

За день до нашего отъезда воевода отправил послу подношение из трех блюд — питание в дорогу. Это были пироги: сладкий и с перцем пирог, другой — черный выпеченный кусок, на вид как наши сыры, из тамаринда, слив и меда, а третий был свернутый кусок, с виду похожий на засмоленную парусину [89]. Я осмотрел здесь и городскую тюрьму: в большом саду, огороженном высоким частоколом, много маленьких каморок, внутри которых заперты заключенные. В нашем доме сегодня умер маленький ребенок. Хоронила его женщина: отец в порыве гнева из-за того, что тот кричал, с бесчеловечной жестокостью <...> [90]

Когда здесь загорелся небольшой монастырь Св. Николая и не удалось потушить огонь, многие русские сказали: "Как **[63]** же так, если святой Николай себе не может помочь, как же мы сможем?" и бросили тушить [91].

Мы долго настаивали, даже покраснели от переговоров, но добились у воеводы увеличения

количества напитков и перемены каждодневной пищи и получили наконец следующий список. Для посла — 2 бутылки французского вина, 1 — испанского вина, 2 — вареного меда, 1 бутылку двойной водки, полбутылки уксуса, 1 бочонок меда и несколько больший — с пивом. Для дворян и офицеров — на 14 человек — одну бочку меда; для офицеров и слуг вместе: 1 бочонок водки и одну бочку пива. Для посла — кусок говядины, четверть овцы. Для офицеров —овца, для остальных — 2 овцы и кусок говядины. В общем на каждый день: 7 кур, 2 утки, 2 гуся, 100 хлебов, 1 кусок свинины, 10 окуней, 4 щуки, 2 фунта слив, 1 пакет с фунтом горчичных семян, такой же — с изюмом и с лучшими сливами, 5 мускатных орехов, 1/2 лота гвоздики, 1/2 унции перца, 1 пакетик корицы, 1 голова сахара, 1 фунт риса, 1 фунт растительного масла, 50 яиц, чашка сливок, ведро огурцов, 5 редек, соль и хрен, четверик муки, 3 фунта масла, ящик крупы, 8 небольших свечей.

20 декабря

мы собрались и проехали 7 миль от Пскова до деревни по названию Загорск; мы не отправлялись до полудня, поэтому только в полночь приехали на постой. Шел сильный снег, так что мы не высовывались из саней. Некоторые из наших слуг, из-за недостатка саней, ехали верхом и так закоченели, что едва могли двигаться и отогреться. Проводы были такие же, как и встреча, только теперь мы все были в санях, кроме трубача. По пути нашего следования

под ружьем стояло лишь 42 человека, потому что дорога была короче. Перед отъездом я, от имени посла, попрощался с воеводой и пожаловался ему заодно, что у нас мало подвод и лошадей. Он бесцеремонно лежал в постели, т.е. по их обычаю на лавке, его тошнило, он очень гневался, что его раньше не предупредили, и с трудом мог говорить. Его **[64]** жена сидела в углу комнаты, заставленной сундуками, за которыми она пряталась. Причина, почему мы в этот день задержались с отъездом, была в том, что Микита заставил нас долго ждать, так как он был зверски пьян и пришел к нам с опозданием.

21 декабря.

Проехали 8 миль до Опоки [92], это довольно большая деревня; на полпути мы заехали ненадолго в Дубровну. Корчма, как обычно здесь, была очень грязной и закопченной, щели полны черных тараканов. От нас сбежали несколько возчиков, которые нас обокрали. Когда мне постелили постель около домашних икон, меня предупредили, чтобы я не лег к ним ногами, это они считали большим неуважением и грехом.

22 декабря.

Нас везли 7 миль до деревни Соли [93], откуда мы 23 декабря в 1 час ночи отправились, остановились в Голино и, проехав еще 2—3 деревни, продвинулись еще на 12 миль до местечка Завал, в трех милях от Новгорода; Завал принадлежит Троице-Клопскому монастырю [94]; здесь останавливался господин Бург [95] по пути в

Новгород.

24 декабря.

В Сольцах наш пристав вел себя отвратительно, забрал вещи одного молодого человека из нашей свиты, шведа, и хотел отправить его обратно, заявив: "Ни один швед не может ехать без паспорта", — и пригрозил, что если он поедет, то в Новгороде пристав бросит его в тюрьму. Меня отправили к нему сказать, что он нарушает права народов и бесчестит дом посла и его людей, что посол имел право взять на службу людей любой нации. Однако он не прислушался и в ярости крикнул мне: "Вы так можете еще многих иностранцев принять по пути на службу". Тогда я сказал ему, что мы находимся в его власти, но если он **[65]** тронет молодого человека, то мы пожалуемся, а если и тогда Его Величество не рассудит по справедливости, то и у нас будут обращаться с ними так же; что же касается того, что мы можем дополнительно принять еще людей в нашу свиту, то на это они доставляют нам недостаточно пищи.

После этого молодой человек [швед] убедил пристава отпустить его. Здесь мы получили известие, что наш курьер Корбет [96] был впущен в Москву после того, как он 6—7 недель находился в деревушке на карантине.

24 декабря.

Город Ракома лежит на большой реке Ильмень [97]; вокруг него большие озера, мимо них мы уже 2

дня ехали. Вблизи Ракомы в середине реки, на острове, стоит большой монастырь, посвященный Святой Троице. Здесь деревня идет за деревней, и в них большие строения.

Когда мы сегодня думали попасть в Новгород, от которого мы находились на расстоянии только одного часа, и уже видели его издали, пришел приказ из города — задержаться еще на 2 дня, — не могли вдруг принять столь большое посольство. Воевода сердился на нашего пристава за то, что тот привез посла так близко к городу, не предупредив его заранее. Посол просил, чтобы Микита сообщил воеводе, что он намерен уехать отсюда через 4 дня и, упаси Бог, чтобы воевода принуждал его. Однако и он и мы получили известие, что до 10 января не будем впущены в Москву.

Один из наших поваров стрелял здесь в птицу на кресте церкви; это могло бы стоить ему жизни или большого штрафа; наше счастье, что ни один русский не видел этого. Одного немецкого офицера, который сделал по неосторожности то же самое, гнали кнутом по городу Москве и затем выслали в Сибирь. В комнатах обычно имеются окошки, через которые мы ночью часто мочились; как-то через окно один из английского посольства справил свою нужду. Русские узнали об этом, а он сбежал; если **[66]** бы его поймали, то зарубили бы. Это заставило нас остерегаться.

Настоящая причина, почему нас до назначенного времени не хотели пускать в Москву, была в том,

что они от Рождества до Богоявления пьянствуют и не хотят, чтобы в этом им мешали.

25 декабря.

На Рождество мы видели здесь странный способ рыболовства на озере Ильмень: большими сетями они вытаскивали из-подо льда миллионы рыбок, похожих на корюшку. Ловят рыбу еще и другим способом: на озере сидит мужчина с удочкой в маленьком шалаше, составленном из его саней, шубы и соломы; около него небольшой костер для обогрева, а также для того, чтобы не замерзало отверстие на льду озера, через которое он опускает леску; ее конец привязан к веревочке, которая шевелится от малейшего прикосновения. Здесь в нашей корчме жили 4 брата со своими женами, и все это в одной комнате. Воевода Новгорода потихоньку от посла спросил одного из наших, все ли подарки такого высокого качества, как было указано.

26 декабря,

второй день Рождества; когда наш хозяин спросил обещанные ему чаевые, которые ему охотно дали, наш пристав велел его за это жестоко избить палками по голому телу, так что весь он покрылся синяками и ссадинами, это было ужасно. Пристав присутствовал при экзекуции, а когда солдаты уставали, то сам набрасывался на них и на несчастного с палкой; наши мольбы не помогали. Посол возмущался, что человека вытащили из его жилища и избили; ответ был так же груб, как и действие.

В то же утро мы готовились въехать в Новгород, от которого находились только в миле с лишком. После полудня мы сели в сани и поехали. По пути был нарушен порядок следования; Микита по рангу <...> [98]. Спор разгорелся, **[67]** угрожали ружьями, несколько раз столкнулись лошадьми, пока наконец посол и Микита не навели порядок. Впереди пошли наши, по желанию и требованию посла, так мы ехали и дальше, в таком порядке: Микита как проводник впереди, в своих великолепных санях, затем посол, потом я и т.д. и т.д.

Под городом много монастырей и большие поля. Когда мы достигли города, они водили нас вокруг или вдоль него, что длилось, хотя мы быстро ехали рысью, 3/4 часа. Нас повели обратно вдоль реки, в объезд деревянной внешней стены, затем через реку Волхов, примерно до середины города, там нас высадили и через мост, ведущий из города, перевели в пригород. Этот мост не уступает нашему амстердамскому, но он сделан из дерева. Прямо в город, т.е. в пределы каменных стен, обшитых деревом, иностранцев не пускают [99].

Внешний город за рекой окружен деревянным валом [100]. Когда мы проезжали мимо этих деревянных стен, кое-где показывались солдаты, из отверстий они выставляли ружья, знамена и высовывали головы. Слышен был барабанный бой. На расстоянии выстрела от упомянутого моста нас встретили те, которых прислали для встречи, с двумя великолепными санями,

убранными сукнами и мехами: одни сани для проводника [101], другие для посла; вокруг стояли стрельцы с оружием и группа из 8—10 трубачей, которые, правда, производили много шума, но играли на трубах весьма беспорядочно. Русские шли впереди; на лошадях были позолоченные сбруи; они привели 5 ездовых лошадей для дворян, на лошадях тигровые и другие шкуры, белоснежные узды и седла по их обычаю, все великолепно. Наши трубачи ехали впереди, за ними наш шталмейстер — один, остальные — по 2 человека, после пристава — проводник и посол в санях. Его свита следовала за ним, каждый в своих санях. Упомянутый дворянин во время приема говорил все по свитку, с трудом мог читать написанное, переводчик пришел ему на помощь. Там только было сказано, что воевода царя посылает Якобу Борейлю, послу, все это в его честь, чтобы торжественно принять, **[68]** и справляется о его здоровье. Дав ответ, мы отправились к нашему двору сквозь ряды воинов, как горожан, так и солдат, на горожанах простая одежда и вооружение: кто с пистолетом, а кто с ружьем или мушкетом. Среди войск был один полк, одетый в красное, другой — в синее; их командиры были роскошно одеты: по походке и жестам они были похожи на комедиантов из нашего театра. Подали лошадь (запасную) для посла, и мы были окружены алебардщиками, их было так много, что с трудом поддерживали порядок в строю. Дом, где мы должны были остановиться, был завешан кое-где красным сукном, и у входа стояли солдаты, одетые в

красное; слышен был и звук их труб. Рядом с нашими лошадьми шли сопровождающие их конюхи, тоже в красных кафтанах. Вокруг саней посла шло очень много таких же простых людей или немного выше рангом. Переводчик ехал, стоя в санях, а за ним шли пажи и слуги. Здесь зимой не время для верховой езды, это я вполне почувствовал; одна моя рука и полноса были почти бесчувственные и, попав в тепло, сильно ныли. Другие отморозили ноги так, что не могли долго усидеть. Среди оружия я видел здесь много старых голландских мушкетов, а также кривые приклады и длинные курки и т.п., у нас давно отмененные. Войска напоказ прошли мимо нашего двора, по их обычаю довольно беспорядочно. Несколько рот здесь было без ружей.

Когда мы вошли во двор, некий боярский сын сразу подошел к послу с пищей и напитками от воеводы [102], приветствовал его и обещал доставить все, что можно достать. С нашей стороны мы просили разрешения на выход и допуск к воеводе. На последнюю нашу просьбу он обещал дать ответ, на первую сразу ответил положительно, но только в сопровождении стрельцов. При нашем приезде 32 знамени были поставлены в ружье; я думаю, что едва ли 10 воинов из 100 умеют им пользоваться. Чтобы увеличить в наших глазах количество войска, перед нами вторично пустили только что прошедших солдат, как будто мы этого не заметили! В первый день нас угостили двойным рационом. **[69]**

27 декабря.

На второй день посыльный князя — воеводы Новгорода — наряду с обычным приветствием привез пищу и напитки. Привезенного было мало и плохого качества, на что мы уже часто жаловались, говоря, что нам не нужны плохие продукты, Их Высокомогущества могут нас прокормить, и здесь мы находимся в городе, где за деньги можно всё купить, мы очень удивлены такому плохому приему, тогда как у нас послы Его Величества имели всего вдоволь, да им еще в дорогу дают харчевые деньги. Слово за слово, разгорелся спор, мы говорили очень решительно. Упрекнули их, что и наши слуги привыкли к лучшему, а чтобы они знали, как и что пить, посол велел поставить на стол 7—8 бутылок своего вина, и напоили их так, что и они и мы крепко напились; *NB:* нашему врачу досталось здесь. Микита и еще двое увеличили компанию. Беседы, которые велись с ними, были очень поверхностны: нужно хвалить их и их страну, и их царя, который превыше всего на свете. Это они охотно слушали, хотя мы говорили так, что в Голландии и крестьяне могли бы заметить насмешку. Когда они пьют, то не поднимают стакан, а прежде чем пить, говорят, за кого пьют, и стакан идет по кругу. Наш посол сказал, что он счастливее, чем его отец, который часто и подолгу был послом в крупнейших странах мира [103], он же послан к самому великому монарху из всех. Говорили о времени нашего пребывания, об обратной дороге из Москвы, на что русские

сказали: "Все зависит от воли Его Величества, сколько он захочет вас продержать и каким путем захочет послать вас обратно". Я, разгорячившись, рассказал им, как у нас встречают русских послов, показывают им все, вплоть до военного снаряжения и т.п. Спросил, почему они нас держат как в заточении и не пускают ни к валу, ни даже в город. "Без сомнения, — сказал я, — этот ваш город, как один из важнейших, наверное, всем снабжен, великолепен и достоин, чтобы показать его иноземцу". В ответ я услышал только: "Такова воля Великого Государя". Посол велел спросить, позволено ли послать кого-либо к воеводе, чтобы соблюсти надлежащую вежливость, **[70]** на что получил отказ: "В этом, — сказали ему, — было отказано и английскому и другим послам", — на что был ответ: вы отклоняете визит вежливости, но не можете подозревать нас в распутстве, ведь около наших спален поставили охрану, которая, если что пропадет, будет наказана.

28 декабря.

В воскресенье после проповеди наш пастор крестил здесь двух детей лютеранских родителей по нашему обычаю, с той лишь разницей, что ему пришлось опустить слова "здесь исповедуемое" [104]. Капитан Юриан Григорьевич, который нас провожал до города со своими подчиненными, теперь нас покинул.

Наш дом охраняли 15—16 человек из гвардии воеводы, они же сопровождали нас, когда мы

выходили. Место, где находится наш дом, это пригород за рекой, он окружен деревянным валом; но нам не разрешают выходить отсюда или рассматривать это деревянное сооружение. Нас отстраняют от реки, которая течет вдоль города, а также от моста, ведущего к замку [105] и к городу. Да, они не позволяют немцам, встречающимся на улице, обращаться к нам, тем более не разрешают нам ходить в их двор. Таковы обычаи этой страны. Несмотря на это, я хорошо осмотрел город: он лежит вдоль реки, по расположению несколько схож с Лондоном; мост деревянный, по величине не уступает мосту через Темзу, течение реки здесь быстрее [106]. Город окружен деревянным валом, на нем кое-где неуклюжие башни; в них сверху и снизу есть амбразуры для мушкетов и луков, вал состоит из бревен, лежащих вдоль одно на другом; внутрь входят по лестницам и террасам; кое-где есть и каменные башни; ворот много — большинство из дерева, простого строения. У моста находятся каменные ворота в середине каменного вала; за его стенами живет воевода и находятся все приказы, но и не только они: рядом с ними там еще сотни домов. Эта каменная стена, высокая, белая, простирается вдоль реки на 8—10 минут ходьбы, это они называют замок [кремль]. Над воротами большие часы. В городе виднеется много [70] церковных глав, у одной из главных церквей пять глав, средняя — позолочена. В другой хранится большой жерновой камень, на котором нарисован Св. Антоний; этот камень вместе со святым приплыл сюда из Рима [107]. Эта церковь — на

окраине города, за рекой. В другой хранится изображение древнего языческого божества, которому люди прежде поклонялись и приносили в жертву живых детей, откуда она еще сохраняет свое название [108].

Пригород около реки можно справедливо сравнить с Лондоном хорошими базарами, лавками, изобилием всяких товаров. Шведский и любекский дворы находятся на одной улице, один против другого, между ними караульная будка. Как в городе, так и здесь излишек церквей. Окружность города я считаю 3 часа ходьбы. Здесь очень много рыбы.

Микита, наш пристав, однажды очень обиделся, потому что мы не проводили его как требует обычай. Он сказал, что это неуважительно по отношению к царю, а он должен соблюдать честь царя. Он хотел бросить в башню своего толмача за то, что тот сказал нам, будто среди русских не принято из вежливости провожать кого-либо, и запретил ему входить в наш дом.

Один из митрополитов имеет здесь свою резиденцию, а в России их четверо [109]; из них выбирают патриархов.

Река около города редко замерзает в середине; русские рассказывают, что это потому, что царь Иван Васильевич погубил здесь много людей: их привозили к мосту сотнями, отрубали головы, и от этого вода окрашивалась [110]. Монастырь Св. Антония хранит большой камень в маленькой часовенке у входа; на нем нарисован Антоний,

стариком, с белой бородой; его тело хранится в подвале ближайшей церквушки, под медной крышкой гроба; об этом мне рассказал человек, который видел это под камышовым покрывалом [111].

31 декабря.

В последний день года мы выехали из Новгорода. Проехали в первый день четыре мили до деревни (Броница) на реке Мета. Мы продвинулись бы еще на две мили, но там сгорела деревня. Мы проехали через две деревни, одну **[72]** реку и довольно большое расстояние по равнине, местами с ивами и вязами.

Наш выезд из Новгорода произошел также торжественно: два полка стрельцов заняли улицу. Мы сидели в своих санях.

1 января 1665 г.

В Новый год мы прибыли в деревню Вина, 8 миль от Броницы. Проехали четыре деревни, в четвертой — ям, где мы меняли лошадей. Дороги были очень скользкие, что весьма неудобно при спуске с гор.

2 января.

Мы приехали в Рахиномост, продвинувшись на 8 миль. Здесь тоже был ям. Ехали вдоль реки Холово, в Крестцах, за три мили до ночного пристанища, меняли лошадей. На этой реке лежат вместе три деревни, числящиеся за патриархом, как и все лучшие деревни вплоть до Москвы и

дальше.

3 января.

Ехали до Валдая 6 1/2 миль. Здесь на острове находится хороший монастырь по названию Иверский [112], принадлежащий патриарху. Приор монастыря сразу прислал нам в дар рыбу, хлеб, квас. Мы проезжали по многим тяжелым дорогам, так что ближайший ям, наверно, потому и носит свое название [113]. Нам встречалось много курганов, под ними, говорят, похоронены кости погибших еще с польской войны [114].

Я видел здесь несколько домиков на сваях, из них ловят волков и медведей, и еще видел, как цедят из деревьев смолу. Сюда в монастырь пригласили нашего доктора и хирурга [115] для нескольких больных; там был монах, которому далеко за сто лет, перекрещенный немец. В монастыре живут 200 человек братии. Валдай мог бы сойти за городок; в нем две церкви, а также хороший базар и большие лавки. **[73]**

Так как у них было время Рождества и одновременно — пьянки, то мы должны были задержаться здесь до следующего полудня. Наш хирург перевязал ребенку грыжу, которая, как они воображают, происходит от колдовства; они обещали ему зажечь свечу перед Св. Николаем. Между тем богомольцы и священники пришли почтить посла своим обычным рождественским пением; пели как попало, без размера и порядка. При входе они поворачиваются к домашнему боженьке [иконе] и после обычных поклонов

поют о рождении Христа; во время пения все били земные поклоны, а к концу пожелали царю, царевичу и царице, называя их по имени, счастливого года и долгой жизни; того же пожелали затем и слушателям. Медный крест, сделанный по их обычаю, священники держат перед собой; спереди на рясе вышит большой крест красного цвета.

4 января.

Отсюда мы отправились в назначенное время и пришли в деревню Едрово вечером.

5 января.

Отправились в 4 часа до рассвета и к заходу солнца продвинулись на 10 миль до Коломны, на красивом озере. Миновали 3-4 деревни, в одной мы обедали и меняли лошадей.

Наш пристав сегодня отобрал сани с табаком, велел бить возчика и сжечь товар. Эта торговля здесь запрещена под страхом наказания кнутом и даже повешения. Я видел здесь, как русские оттирают пьяных снегом до трезвости, они трут снегом лицо, шею и грудь и заставляют их жевать снег.

Каждая деревня, которую мы проезжали и где останавливались, должна была доставлять нам кур, гусей, яйца; баранину и говядину покупаем по установленной цене, хотя и в убыток крестьянину. **[74]**

Проехали 4 мили до Вышнего Волочка. Это

хорошая деревня. Ночью на небе показалась большая кометная звезда [116] с громадным хвостом, который закрыл несколько звезд, вокруг луны мы видели большое кольцо; за этим последовала сильная гроза. В нашей кухне по небрежности поваров возник пожар. Русские очень волновались за свои деревянные дома, однако все окончилось благополучно.

7 января.

Мы снова проехали 6 миль до Выдропужска, где находится большой деревянный двор — собственность патриарха, у реки Тверцы. Здесь я видел, как одна пара танцевала по-польски.

8 января.

Отсюда проехали 7 миль до Торжка. Мы должны были ехать так медленно потому, что царь не желал приезда посла раньше предопределенного времени. Как только мы прибыли, некий старец, который был очень пьян, приветствовал нас от имени воеводы — Михаила Семеновича.

Торжок — просторный город, редко застроенный домами; у подножия горы, в небольшой долине, кое-где стоят группы домов, окруженные деревьями. На той стороне реки Тверцы, на высоком берегу, находится мужской монастырь, построенный из дерева. Рядом с ним стоит еще несколько простых домов, образуя как бы пригород. То, что они называют городом или замком, это местечко размером в половину нашего города Вееспа [в Голландии]; город

окружен деревянным валом высотой в 14 сосен [117], бойницы такие, что едва проходит жерло пушки. И этот, и вышеупомянутый монастырь я зарисовал с натуры [118]: этот лежит в долине, но на некотором возвышении, у него 17—18 деревянных башен; с одной стороны его омывает река, а с другой — ров; спереди и позади — сухо. В городке живут воевода, дьяк **[75]** и писцы, имеется 1 или 2 часовни, больше ничего особенного нет; почти все церкви деревянные. Там видна башня странного строения [это церковь], которую я зарисовал; есть здесь и женский монастырь.

8—11 января.

Любопытство привело меня в дом купца, куда я был приглашен на обед. Хозяйка приветствовала меня кубком пива, зачерпнув его из большого ковша, причем остатки из кубков выливались обратно в ковш, что было весьма неаппетитно. Стол накрыли грязноватой скатертью сами хозяин и его сын, хотя это важные люди, у которых в изобилии были холопы и слуги. Для каждого из нас была положена груда толстых ломтей хлеба всех сортов и деревянная ложка. Первым блюдом были засахаренные сливы и огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье — кусок свинины с уксусным соусом, который они ели ложками. Четвертое — какая-то странная жидкость, которую тоже едят ложками. Пятое — паштет из мяса, с луком, чесноком и т.д. Как мы сели, так нас и оставили сидеть. Очень просты были они со своими слугами. Кроме нас было еще

двое русских гостей; ох, как же некрасиво они едят! Не молятся, а только крестятся; сидят хуже, чем самый неотесанный наш крестьянин. Во время обеда пришел сынок хозяина и приветствовал нас рукопожатием и поклоном; чем крепче ударяют по рукам, тем, значит, серьезнее. Этот поднес каждому из нас по чарке водки и продолжал стоять, склонясь до земли, пока они не опорожнились. Затем хозяин вызвал жену, которая также поклонилась каждому из нас и поднесла по кубку водки, после чего сразу, не говоря ни слова, опять ушла. При первом выходе хозяйка сказала: "Приглашаю вас на хлеб-соль". Одета она была богато: шапка вышита золотом и жемчугом. Привезли нас домой в санях купца, а на следующий день я также угостил их.

Сегодня у них святой день или, точнее, пьяный день: определенно весь город был пьян — все, кого мы ни встречали, даже многих женщин пришлось увозить домой в **[76]** санях. В этот день поэтому мы услышали на наш счет некоторые грязные поговорки, и нас посылали к местожительству немцев в Москве, что является оскорблением [119]. Из всех домов показывались молодые женщины, они были разодеты и некрасиво напудрены, но, когда мы подходили, — убегали и не хотели появляться. Когда мы как-то раз направились к ним, они убежали; вышла старуха, клянясь Богом, что у них нет девушек, умоляя нас пройти дальше. Другая, видя из окна, что мы наблюдаем за ней, крикнула: "Почему вы смотрите на меня? Я уже стара, со мной ничего не

получится, вам нужна помоложе!" Казалось, они здесь пугливее, чем в других местах, не привыкли к чужим. Еще по пути мы часто видели, что там, где на постоялых дворах были девушки брачного возраста, родители их сразу запирали. У девушек в ушах и через плечи висят серебряные цепочки, на голове позолоченная бахрома. Я видел здесь попа, выходящего из церкви, с крестом и еще во всем облачении, с кропилом и т.п. прямо со службы, он был пьян, приставал, как это делают пьяницы, выкрикивал множество глупых слов и чуть не подрался с нами. Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных дощечках быстрее стрелы из лука, ужас! Здесь довольно большой базар, где продаются мясо, хлеб, пиво и много мелочей.

12 января.

Из Торжка мы уехали 12-го, проехали в этот день 6 миль до Медного Яма на реке Тверце. Здесь деревенский поп, будучи очень пьяным, поднес послу по их обычаю хлеб-соль.

13 января.

Отсюда мы уехали в 4 часа до рассвета и приехали примерно в 9 часов, по нашим расчетам, в Тверь, городок, похожий на предыдущий. Он лежит на реке Волге, на обоих ее берегах. На низком [левом] берегу лежат 4-5 городишек или деревушек, каждый со своей церковью; на другом — **[79]** высоком, находится замок, а также основная часть города. На берегу — крепость, валы, как и повсюду, из дерева,

очень запущенные, нас туда не впустили. Там живет воевода и там же — главный рынок и большая часть жилищ горожан. На рынках здесь ночью купцы спускают больших собак для охраны своих лавок. Могилы здесь покрыты белыми плитами, которые лежат на каменных валиках, на некоторых — маленькие деревянные домики [120].

14 января.

Пока мы находились здесь, погода стояла ясная; солнце светило весь день очень приятно, на небе — никаких облаков. Около 10 утра появилась радуга, но бледнее обычной и держалась недолго.

Наступал большой праздник поклонения волхвов [Богоявление]; я очень охотно тайком отправился бы в Москву, откуда мы находились только в двух днях пути, чтобы там посмотреть на праздник, но наш пристав не посмел рискнуть, боясь наказания, иначе он отпустил бы нас, тронутый нашим горячим желанием [121]. Из Москвы теперь пришел приказ — не привозить нас к городу раньше 20-го числа.

15 января.

Мы выехали из Твери и меньше чем за 4 часа продвинулись на 6 миль, до города Городня на Волге. Река получает свое название около Твери, ниже ее называют Тверца [122]. Сегодня был канун праздника поклонения волхвов, когда царь вместе с духовенством совершают водосвятие. Это происходит во всех церквах, также и здесь, где мы сейчас находимся, следующим образом:

большая процессия выходит из церкви после колокольного звона; церемонии внутри церкви не было видно, и о ней я мало что узнал. Первым вышел мужчина, в руках он нес много маленьких горящих восковых свечей; за ним несли большой крест, на каждом конце которого находится кружочек, а на них нарисованы евангелисты, затем несли большую икону **[80]** Св. Петра, потом икону Марии, увешанную четками, и нечто [123], на концах чего висели серебряные копейки, а на обратной стороне нарисованы другие Марии. Затем следовали еще одна или две иконы их святых, после чего один нес большую Библию с медным крестом, другой — кадило. После этого шел человек с большой книгой в деревянном ящике, за ним — другой, тоже с книгами; после него еще один человек, держа большой оловянный сосуд [124], полный воды, ею в церквях святят иконы и людей, которые, чтобы стать еще святее, присутствуют на этих церемониях. После всех этих носителей следовал священник, держа в руке палочку, сверху согнутую [вероятно, посох], одет он был в белую ризу, на плечах вышитую красным и желтым; на спине нашиты два маленьких крестика и один большой; из-под ризы висели длинные кисти. Затем шли крестьяне с непокрытой головой, женщины за мужчинами. Так они шли к реке, где во льду была вырублена большая квадратная прорубь. Вокруг нее все остановились, женщины с одной, мужчины — с другой стороны. Позади попа стояли двое его помощников. На двух углах проруби стояли по одному мужчине, каждый из них держал связку

горящих восковых свечей над самой водой, так что воск капал в нее; эти капли считали священными, вылавливали и сохраняли как лекарство. Поп, благословив людей, начал петь по книге; он часто крестился, и все люди, при некоторых его словах, тоже кланялись и крестились; затем он кадил ладаном воду, идя вокруг проруби, и делал это на каждом углу; таким же образом окуривал все иконы, по три раза каждую, а также людей, но знатных усерднее, чем простолюдинов. После этого дьяконы — те двое, которые стояли сзади священника, — начали читать из большой книги, по-видимому. Поклонение Волхвов. Тем временем поп сказал несколько слов, после чего и он сам, и все остальные кланялись и крестились. Это чтение шло так же, как у католиков во время обедни, полупевуче. После этого поп принял другую книгу и читал недолго, а двое дьяконов там, где полагалось, говорили: "Господи, помилуй", при этом весь народ кланялся и крестился. **[83]** Покончив с этим, он снова взял кадило и окурил 3 раза воду; затем взял 3 горящие свечи и трижды благословил ими воду, но еще перед этим он благословил воду двумя пальцами. После этого взял медный крест и, держа его над водой, сказал по-русски несколько слов, благословил воду этим крестом, трижды опуская его в прорубь, а воду, которая стекала с креста, собрали в сосуд. Он поворачивал крест под водой; до этого он благословил воду своим дыханием, три раза крестообразно дуя над прорубью. Следует знать, что во время всех этих

действий, между каждым из этих благословений, он долго читал. После этого представления он молился за царя, царицу, царевича и т.д., затем зачерпнул воды и долил дополна сосуд, где находились капли от креста, при этом он и дьяконы пели. Затем подошел один отец и окунул своего ребенка, больного водянкой, три раза с головой в воду: это делалось для выздоровления больного или для будущего блаженства умирающего. Каждый спешил зачерпнуть своим кувшином освященную воду, и все присутствующие смочили ею глаза и лицо, не обтираясь. Между тем зажгли маленькие свечки, которые обменивали на деньги. После этого поп взял кисть, похожую на короткий конский хвост, побрызгал ею сначала себя, перекрестился крестом и поцеловал ноги Христа, изображенного висящим на этом кресте; затем окропил водой из [водосвятного] сосуда иконы, кресты, книги и людей, которые стали целовать этот крест; мужчины шли впереди, за ними следовали женщины, больной ребенок шел вместе с ними и тоже получил благословение. Под конец подошли крестьяне со своими лошадьми, которых для здоровья тоже поили из освященной проруби. Теперь толпа пошла своим путем, а поп со своими отправился в церковь, как и пришел из нее, после чего зазвенели колокола. Эта церемония, по-моему, подражание тому событию, когда вода, после того как ангел к ней прикоснулся, вылечила первого вошедшего в нее человека [125]. Здесь тоже каждый старался первым зачерпнуть воду. Подобные водосвятия происходят в России и

летом [126]. В Москве в нем участвуют все знатные, разодетые в лучшее платье. **[84]** Здесь я стоял так близко, что и на меня брызнуло с кисти.

Когда комета начала терять свой блеск, митрополит в Новгороде наговорил своим соотечественникам — землякам, что это значит мир между ними и Польшей [127].

16 января.

На следующий день, проехав 7 миль, мы прибыли в деревушку Спасское. Был день поклонения волхвов: священники ходили по всем домам, благословляли хозяев с их семьями святой водой, те весьма благочестиво целовали кресты и давали попам вознаграждение; все двери и косяки тоже благословляли крестом.

17 января.

Отсюда мы отправились утром в 4 часа к местечку под названием Пешки, очень простой деревушке, в 10 милях от предыдущей. Обедали в Клину; русские говорят, что это городок, а я считаю его деревней, лежит на Волге [128], это 2—3 деревушки вместе. На возвышенности стоит просторный каменный монастырь, Волгу переходят здесь по мосту.

Теперь получили приказ Его Величества привезти нас к Москве либо в воскресенье вечером, либо в понедельник утром (т.е. 18-19-го).

18 января.

Наш пристав привез нас в воскресенье; в этот

день мы продвинулись на 9—10 миль. Оксинино, деревушка, куда он нас привел, бедная, и в ней мало домов; надо сказать, что, чем ближе к Москве, тем беднее крестьяне. Дом, где остановился посол, стоит за пределами деревни, это хутор, принадлежащий одному воеводе из Казани, у наших крестьян дома лучше. В трактире, где я остановился, порядок как в свинарнике. Ночью, когда мы спали, в нашей комнате под печкой начался пожар; попасть туда стоило большого труда, **[85]** но мы потушили пожар пивом и медом. Весь двор мог бы сгореть, при этом я слышал, что в Москве недавно сгорело 300 дворов. Здесь нам прибавили трех-четырех толмачей, чтобы нам служить и все у нас выведывать; они оставались с нами до конца нашей миссии. Один из них уверял нас в доброжелательном отношении к нам царя, который сам сказал, когда отправлялся на водосвятие, что все будет в порядке. Микита, наш пристав, сразу отправил посыльного в город узнать, когда состоится наш въезд.

19 января.

Пришел приказ, чтобы посол на следующий день подготовился к торжественной встрече, хотя он очень просил отсрочки еще на один день. Пока мы здесь находились, послу и нашим купцам разрешили встречаться и вести переговоры; вечером они пришли приветствовать его. Микита встретил их угрозами, не поверив, что имеется разрешение на встречу, он хотел задержать возчиков, и, хотя дело наладилось, он записал их

имена. Нам не разрешали отправить кого-нибудь в город, чтобы приготовить предназначенный нам дом. В тот же день к нам пришел гонец Их Высокомогуществ [129] и рассказал послу о своих приключениях [в Москве], о том, как ему чинили препятствия увидеть светлые очи царя.

20 января.

Наступило 20 января — день, когда нас должны были впустить в город. Микита, наш пристав, просил передать послу, что у него приказ привезти нас к 4 часам [130], т.е. около 10 часов, к городу, куда он утром, в первом часу, отправил вестника с сообщением, что посол будет готов, а мы должны были ждать его возвращения и до этого не трогаться. Когда пришел приказ, около 9 часов, мы тронулись, после чего нарочный сразу отправился, чтобы сообщить, что великий посол поехал верхом. Мы ехали в определенном порядке: серые каретные лошади впереди, за **[86]** ними телохранитель [131] верхом, потом трубачи и литаврщики, все младшие офицеры верхом. Шталмейстер вел свиту; старшие офицеры ехали в санях, я был последним из них. За мной шла лошадь посла, великолепно украшенная; затем шли две пары лакеев, следовавшие за послом, сидящим в роскошной карете в сопровождении Микиты. За ними — сани посла и сани пристава, затем наши слуги не в ливрее, наконец, сани с багажом. Проехав немного вперед, Микита опять послал гонца в город, чтобы сообщить, где сейчас находится посол, и это повторялось несколько раз. Точно

так же к нам из города приезжали более 15 посыльных, прежде чем мы доехали до места приема: один передал, чтобы мы остановились, другой, чтобы ехали медленно, третий подъехал спросить, докуда мы доехали, хотя он и сам это видел, и еще с подобными же маловажными поручениями; когда мы поехали немного быстрее, был прислан гонец спросить Микиту, кто ему советовал ехать так быстро. Наконец, примерно в 3 часа после полудня, нас привезли к месту приема [132]; расстояние, которое мы проехали за 6 часов, можно было бы пройти пешком за 3 часа. Мы очень замерзли от медленной езды; я трясся и дрожал всем телом; у одного из наших долго после этого не сгибались колени. В пути мы топали и бегали, чтобы согреться.

Немецкие купцы верхом встретили посла по дороге. По их словам причина, почему нас так долго задерживали, была в том, что Его Величество поздно вернулся, его еще не было во дворце, а он всегда наблюдал из башенки за прибытием послов.

От места приема мы ехали некоторое время среди вооруженных всадников в форме войск Его Величества: некоторые в красном, другие в синем, третьи в белом. Несколько рот были верхом на белых конях; перед всадниками, кроме знамен, везли барабаны, литавры, трубы, свирели и флейты. Их главы очень гордятся своими дорогими одеждами, у многих в руках были серебряные позолоченные жезлы, на них были высокие меховые шапки и одежда из серебряной

парчи; лошади увешаны тяжелыми серебряными **[87]** цепями и ценными попонами. Через некоторое время, посла встретил посыльный от старшего пристава, который должен был принять посла; у него были с собой царские сани, и он попросил посла сесть в них, чтобы поехать на встречу с приставом, который должен его приветствовать. Посол категорически отказался и заявил, что не выйдет из кареты, пока к нему не придут от имени царя. Посыльный сказал, что подобного еще не было, что так же поступали по отношению ко всем послам, кто бы они ни были. Посол ответил, что и сам знает, как полагается, и что если они ему этого не позволят, то он в своей карете поедет обратно. Тогда посыльный сразу отправился назад; через некоторое время он вернулся и передал, что если посол не хочет выйти из кареты, то его не смогут принять, и тогда посольство не достигнет своей цели. Наконец, после взаимных резких слов, посол вышел из кареты, после чего присланный сразу произнес малый титул, сказав при этом, что царь пожаловал посла этими санями, чтобы въехать в город. Сразу появился старший конюший с 15 белыми лошадьми для въезда нашей свиты [133]. Первая, на которой я ехал, была с серебряной уздой, свита ехала впереди посла, и мы направлялись навстречу приставам; сани, в которых они сидели, тоже приближались. Только здесь начался настоящий спектакль. Вокруг стояло много дворян, вооруженные всадники, были музыканты с трубами, литаврами, барабанами. Весь вопрос был в том, кто из них

первым — посол или пристав — выйдет из саней и обратится к другому. Оба встали, но медлили; как только посол поставил ногу на край саней, русский отступил назад, после чего посол не только отступил, но и совсем сел. "Ха, — сказал русский, — дело плохо", ибо он не хотел признаться, что первым отступил назад. Он не хотел также, чтобы обе стороны одновременно вышли из саней. Дважды посол делал вид, что падает, когда собирался выйти из саней; русский же всякий раз отступал назад и, поглаживая бороду, снова садился. Посол велел сказать ему, что это против правил; тот ответил, что Бог его достаточно научил, чтобы знать, что делать. Эта дурацкая сцена продолжалась более получаса. **[88]** Никогда я не видел комедии смешнее. Нас окружали сотни людей, наблюдавшие за этой сценой. Стало уже темнеть и, чтобы наконец закончить споры, младший пристав подошел к старшему, сел к нему в сани, и тут пришли к соглашению: первым выйдет младший пристав, затем посол, а потом уже старший пристав; так и было сделано [134]. Невозможно рассказать о всех глупых жестах этой встречи, она была похожа на выступление двух гордых враждебных королей в театре на канате. Русские, выйдя из саней, сперва сняли свои шапки, после чего началось произнесение титулов с обеих сторон, все присутствовавшие обнажили при этом головы. Они [русские] читали титул и приветствие по свитку, посол же наизусть. Когда русский титуловал Их Высокомогущества как "Штаты Голландской Нидерландии", посол сказал, что не

знает таких, но не помешал ему продолжать [135]. Зачитав титул, они приветствовали посла, сказав, что Его Царское Величество пожаловали его столь пышной встречей, после чего каждый пристав сел в свои сани, посол ехал в середине. Перед санями ехал царский шталмейстер как проводник, с несколькими запасными лошадьми. Снова началась беготня посыльных: мы должны были то останавливаться, то ехать медленнее, то быстрее. Между тем дворяне, которые в нашу честь ехали верхом, обогнали нас. Много было и татарских всадников, вооруженных щитами, луками и стрелами; я предполагаю, что их было 6—7 сотен, нам же сказали, что их было две-три тысячи. Я видел, что те, которых мы уже миновали, спешили обойти нас, будто их били и подгоняли, и снова становились в строй напоказ; да, мы заметили, что одна и та же одежда некоторых знатных появилась перед нами два раза: то на одной, то на другой стороне дороги.

Было уже совсем темно, когда мы подошли к воротам, здесь нас встретили много солдат с факелами. Приставы объяснили, что царь пожаловал посла встречей с факелами. Посол заметил, что находит Москву красивым городом, на это ему ответили, что царь сделает его лучшим городом в мире. На базаре перед замком [Кремль] стояли те же самые дворяне и рядом множество всадников в полной форме; **[89]** значит, обогнав нас, они снова построились, пока мы еле двигались шагом. И так мы вошли во двор, где находилось приготовленное нам помещение,

примерно в 7 часов вечера, проделав этот путь за девять часов вместо двух.

Пока мы ехали по стране, нас снабжали утром и вечером питанием. Хотя было холодно, это нас не беспокоило; мы ехали днем в санях по три-четыре часа, где под полостью можно было хорошо отдохнуть. Ввиду того, что мы должны были приехать в Москву к определенному времени, наш пристав часто останавливал нас, чтобы мы не ехали слишком скоро. Дорога от Риги до Москвы шла по сосновым лесам, по холмам и долинам, кое-где между ними скрытые нивы. Нет нужды рассказывать об удобствах пути, а о недостатках не стоит писать. В России много народа, деревни большие, не то, что в Лифляндии, но и здесь и там — рабы, в последней — в большей мере; они [лифляндцы] живут в дымных избах, полных черных тараканов, мешающих людям спать. Крестьяне лежат на печах, зимой спят очень долго, когда у них нет работы. По грубости они похожи на дикарей; они нам известны, а также и их страна.

Когда мы остановились в посольском дворе [в Москве], нас сразу заперли, и это затворничество длилось 14 дней. К нам никого и нас ни к кому не пускали; так должно было продолжаться до тех пор, пока мы не увидим светлые царские очи, здесь так принято [136]. Между тем приставы приходят раз или два в день, чтобы справиться, хорошо ли спал посол. Беседы их напоминают беседы наших простых людей, они то разглядывают нашу одежду, то хвастаются собою

и своим царем, и т.д. Одного зовут Семен Федорович Толочанов, он стольник [137], а другого — Иван Иванович Пешков, он дьяк [138].

22 января.

Микита с нами распрощался, посол подарил ему серебряный кубок и чашу с крышкой [139], а он велел в открытую перед собой унести подарки. В первую ночь нашего приезда здесь возник пожар. Приставы на встрече были **[90]** одеты в ценные золотопарчевые платья с жемчугами и камнями; как только они привели посла в его комнату, оба в переднем зале сняли эти платья и надели старые кафтаны на глазах у всех; кто испачкает царскую одежду, того наказывают.

23 января.

Приставы пришли с приказом Его Царского Величества, чтобы им показали все подарки, что и было сделано. Все открыли и тщательно просмотрели, очень внимательно пробовали все съедобное и справлялись о свойствах и питательности. Аккуратно запакованные шелковые мешочки пришлось развязать. Серебро они взвешивали, и так как у нас больше внимания обращали на искусство изделия, чем на его вес, то было сделано много замечаний о легком весе множества вещей; русский не ценит искусство и смотрит только на стоимость. О серебряном жемчужном ларчике они сказали: "Полагается, чтобы он был наполнен драгоценностями"; то же и о других пустых ларцах; умалили они и ценность узкой золотой парчи. Да, они

рассматривали все так тщательно, что даже проверили пробу серебра. Пряности им, правда, понравились, но, когда мы сказали, что они привезены из [Ост-] Индии, кто-то спросил, какая это страна, как далеко от России и как туда попасть, удивились, когда им сказали, что на корабле. Мы наблюдали теперь их поведение: эти, хотя и большие господа, не стесняясь, громко рыгали, при этом всякий раз крестились, будто желая сказать: "На здоровье мне". Когда все потрогали пальцами и ощупали так, как даже самые осторожные купцы не осматривают товар, тогда все подарки были унесены в одну комнату, ее опечатали посольской печатью и поставили своих караульных, которым под угрозой телесного наказания было приказано не осквернять печати; офицеры всякий раз показывали ее вновь прибывшим часовым. Теперь они рассказывали нам о себе, каждый о своем почетном титуле и положении, о значении своей персоны, желая подчеркнуть тем самым милость царя, направившего к нам **[91]** столь знатных людей. Когда русский пристав узнал, что у нас сдохла одна лошадь, он сказал, что по милости царя здесь продаются дешевые лошади и что мы можем купить другую. Лакированные ларчики они приняли за стеклянные; сказали, что все вещи из меди должны были быть из золота, а все оловянные — из серебра, включая даже и замки. О фарфоровых чашках сказали: это глина, у нас ценится дешево. Об инкрустированном столе сказали — это дерево.

Наши купцы в тот же день сказали нам, что не подобает и не полагается, чтобы дары показывали приставам; но дело было уже сделано; они были удивлены также и тем, что посол при встрече допустил неправильное титулование Их Высокомогуществ, будто не зная наказа своего правительства. Еще они сказали, что наши подарки проветриваются, чтобы ветер выдул из них воздух чумы, именно поэтому нас так долго не выпускают со двора и строго охраняют.

25 января.

Приставы велели всей свите выйти из комнаты, будто хотели сказать послу нечто секретное. Вопрос их состоял в следующем: не знает ли посол о мирных переговорах между кайзером и турками? [140] Им рассказали кое-что из газет, но на их просьбу дать об этом письменное сообщение ответили отказом. Эти переговоры вел младший пристав, человек простого положения, но, будучи раньше несправедливо наказан кнутом, он затем был повышен в должности; он говорит немного по-латыни.

Большой посольский двор [141], где мы пребывали, совсем запущен, ремонт только начинают. Когда мы спросили русских, по каким причинам нас так долго держат дома до приема царя, нам не назвали никаких иных причин, кроме: "Такова воля царя". Очевидно, это делают отчасти для того, чтобы подчеркнуть его величие, а также чтобы посол, по обычаю их страны, ничего не

знал о жизни во дворце; тем самым они окажутся в более выгодном положении. [92]

29 января.

Я обратился к одному крещеному еврею, спросил его об обряде крещения. Он мне признался, что валяет дурака, что христианином стал из-за хлеба насущного. Кто хочет креститься, сказал он, должен жить 6 недель в монастыре, там поп обучает его говорить "Господи, помилуй", "смилуйся надо мною", креститься и бить земные поклоны, что он и проделывал по 300 раз в день перед местной монастырской иконой. Каждое утро или ночью, в часы молитвы, священник будит его со словами: "пора молиться" и учит, чтобы впредь он никогда не входил и не выходил, не перекрестившись и не повторив вышеупомянутых слов. Каждый день он должен стоять перед церковью и отбивать поклоны. Когда проходит срок подготовки, его спрашивают, отказывается ли он от своей прежней ложной веры, и если он говорит "да", то его раздевают догола и три раза окунают до пояса в воду, а священник держит свою руку над его головой, затем накидывают ему крест на шею и надевают чистую рубаху. И так он становится христианином и допускается в церковь. Его крестные отцы тоже присутствуют на крещении и оказывают почет новому христианину. Царь тоже одаривает новокрещенных деньгами, сукном, пищей или зерном, в зависимости от их положения, а в дальнейшем обеспечивает их какой-нибудь должностью.

Русские, держа нас как бы вроде заключенных, все время расспрашивали то одного, то другого, почему мы не надеваем наши лучшие одежды, и тихо добавляли: это было бы приятно царю, если мы поносим их или проветрим. Они все еще боялись чумы, как это было и в отношении подарков. Мы ответили, что все это уже давно сделано, но если нас будут еще долго держать в помещении, то мы должны будем снова запаковать наши одежды, так как они портятся от пыли. Но они серьезно попросили этого не делать, надеясь, что вскоре нам будет оказана милость увидеть ясные очи царя. Им было очень приятно, что мы сами проявили такую заботу о Его Величестве, **[93]** вывесив проветривать наши одежды. А если посол соскучился, что так долго должен оставаться дома, то они напомнили, что английский посол [142] должен был оставаться дома три недели, прежде чем его приняли.

31 января.

Посол снова просил приема и выяснял причину его задержки. Он [пристав] сказал, что сообщит об этом, как только придет известие сверху [из Кремля] [143].

Мы узнали, что наши запасные лошади, особенно лошадь посла, поранили во время въезда многих людей, нескольких — смертельно, пострадали также и лошади многих бояр.

1 февраля.

Приставы с обычным приветствием принесли

известие о том, что завтра мы появимся перед царем, и велели приготовить и упаковать подарки. Когда мы радостно заулыбались, что избавляемся от тюрьмы, русский сказал: неудивительно, что мы такие веселые, ибо милость царя большая. Он пожелал нам в добром здравии лицезреть ясные очи царя.

2 февраля.

В назначенный день, в 9 часов, появились приставы, одетые в царские, вышитые золотом парчовые кафтаны, не гнущиеся от жемчужин и драгоценных камней; их высокие черные лисьи шапки вызывали наше удивление. Стрельцы появились с ружьями на боку, по четверо в ряд — 148 человек, чтобы нести дары; все в зеленого цвета одежде. Каждый стрелец нес только по одной вещи, даже и самые маленькие; они шли с подарками друг за другом. Когда настал час приема, шталмейстер царя пришел с санями для посла и белыми лошадьми для свиты. Первая лошадь, на которую я сел, была белоснежная и великолепно украшена вышитым седлом, серебряными уздой и сбруей. Посол хотел, чтобы его карета следовала за свитой, но ему в этом отказали, **[94]** сославшись, что это не по обычаю страны и царь может быть недоволен.

Примерно в половине двенадцатого, по нашему времени, отправились во дворец с подарками. В нашей свите первым был телохранитель верхом, затем двое трубачей, барабанщик и снова двое трубачей, после них отдельно шел шталмейстер,

за ним шли начальные люди и дворяне по двое в ряд, я был последним из них. Секретарь ехал один, держа в вытянутой вверх руке верительную грамоту, завернутую в шелковую ткань. Затем шел царский шталмейстер, за которым следовали трое саней, двое для приставов, средние для посла.

Слуги шли парами перед санями, пажи следовали за послом верхом.

Мы ехали к Кремлю, который находился на расстоянии менее трех мушкетных выстрелов; гонцы мчались взад и вперед: первый доложил, что посол готов, второй, — что он сидит в санях, и т.д. То передавали, чтобы мы остановились, то — чтобы ехали быстрее, затем — снова медленнее. Все это происходило, чтобы подчеркнуть величие царя и чтобы царь не слишком рано и не слишком поздно сел на трон. На всем пути до дверей царского зала с обеих сторон дороги стояли стрельцы. Калмыцкий царевич [144] сидел на каком-то подмостке и смотрел на нас; когда он перед нами не обнажил голову и посол спросил причину этого, русские сказали: "Этот род татар не обнажит головы даже перед самим Богом". Около дворца стояли напоказ со своими подарками персы, они ждали приема после нас; это были крупные купцы, которые приехали сюда с двумястами саней ценных товаров и, по обычаю страны, с подарками царю от имени их шаха. Тут были 8 красивых лошадей, украшенных перьями журавлей, ценные ткани — бархат и шелк, ковры, сабли, серебро и различные бутыли с напитками.

Стрельцы с нашими подарками уже тоже стояли с обеих сторон дороги, вплоть до зала Его Величества.

У Кремля мы сошли с лошадей, посол с приставами вышел из своих саней. Мы шли наверх по двое, с непокрытой головой, посол между приставами. Когда мы подошли к переднему залу, у нас отобрали шпаги [145], у трубачей — их **[95]** трубы. Два боярина — князь Иван Михайлович Барятинский, стольник, и Микита Головчин, дьяк, сразу встретили нас и приветствовали посла от имени царя — перечислили титулы и справились о его здоровье. Не дожидаясь ответа, они проводили посла до царского зала и вернулись обратно. Этот первый зал был набит гостями [146], дворянами и подсоветниками думы, одетыми в царские вышитые кафтаны, твердые от золота, жемчуга и камней.

Войдя в большой царский зал, посол пошел вперед, мы следовали за ним. У входа посла встретил князь Юрий Никитич Барятинский, который повел его к царю, придерживая за мантию. Подойдя достаточно близко, он остановился в 20 шагах от царя. Справа стояла в ряд свита посла, слева — переводчик царя [147] и наш [148]. Алмаз Иванов [149] — думный дьяк — тоже стоял слева от посла; иногда он подходил к царю, чтобы получить распоряжение и передать его послу. Царь сидел почти в углу зала [150] на небольшом троне, к которому ведут три посеребренные четырехугольные ступеньки.

Прежде ступеньки были большие и круглые, на них становились, подходя к царской руке, но теперь царь слишком великий, чтобы кто-нибудь мог так близко подходить к нему. Около трона посеребренные столбы с балдахином, на котором три-четыре башенки, наподобие таких, как у нас на органах, но тоже посеребренные. За спиной царя висела хорошо нарисованная небольшая икона. На нем был, по их обычаю, кафтан, а сверху другой с рукавами, все жесткое от золота и драгоценных камней, и желтые кожаные сапожки. На всех пальцах, кроме большого и среднего, были великолепные кольца с бриллиантами, рубинами и другими камнями. На голове была шапка, из какого материала, я не мог разглядеть, так как всю ее покрывали жемчуга и драгоценности; в руке он держал палочку [скипетр]. С обеих сторон от него стояли по два юных, сильных князя [151] — красивые внушительные мужчины; на них были высокие белые лисьи шапки, одежда из белого дамаста, подбитого горностаем, со свисавшими черными хвостами. У каждого на плече большой острый серебряный топор, с которого вокруг тела висели тяжелые цепи. Они стояли, как изваяния, не шевелясь, не **[96]** моргнув глазом. Лица у них очень белые, я думаю, что это с помощью краски. По фигуре царь очень полный, так что он даже занял весь трон и сидел будто втиснутый в него. Трон и по виду и по размеру был похож на исповедальню. Царь тоже не шевелился, как бы перед ним ни кланялись; он даже не поводил своими ясными очами и тем более не отвечал на

приветствия. У него красивая внешность, очень белое лицо, носит большую круглую бороду; волосы его черные или скорее каштановые, руки очень грубые, пухловатые и толстые. Справа от него стоял князь Яков [152], очень известный и в русском государстве, и в соседних странах, а слева один подобный ему, тоже знатный человек. С левой стороны зала у стены сидели знатные бояре с непокрытыми головами, свои высокие лисьи шапки они использовали как муфты. Позади нас в два ряда стояли дворяне и дети боярские, все одетые в казенные одежды. Около двери, рядом с печкой, — наши слуги.

Стены зала были увешаны коврами с изображениями сцен римской истории [153], потолок разрисован, как небесный свод: около каждого знака зодиака написано его название на русском и латинском языках. Окна по-новому, как у нас в ратуше, — резные и позолоченные; пол покрыт турецкими коврами.

Посол, собираясь говорить, хотел приблизиться к трону на один или два шага, но его удержали за мантию, после чего он сразу начал говорить и при каждом упоминании царского имени кланялся до земли. Царь не сказал ни слова в ответ, за него говорили другие — справились о здоровье Их Высокомогуществ. Когда наш переводчик говорил слишком тихо и робко, царь велел сказать ему, чтобы он приблизился и говорил яснее. Когда закончилось приветствие, состоявшее в основном из комплиментов, царь устами думного дьяка спросил, что собственно привело сюда посла, на

что тот ответил, что не смеет так долго задерживать столь великого монарха и хотел бы говорить об этом на следующем приеме. Когда посол подал верительную грамоту царю в руки, тот лишь прикоснулся к ней, а принял ее думный дьяк; последний отступил, остановился и сказал, что царь пожаловал посла **[97]** подойти к его руке, что и произошло, при этом полагалось сделать три-четыре поклона, прежде чем подойти к царю, и столько же поклонов при уходе от него.

Послу поставили скамеечку, на которой он сидел до тех пор, пока перед царем не пронесли все дары посольства; царь их видел, но не смотрел на них. До их появления посол сказал, что Их Высокомогущества прислали дары в знак дружбы и что он привез и свои подарки в знак вежливости и изъявления долга. Все подарки были внесены, и когда их проносили, то перечисляли по названию в следующем порядке: одно большое зеркало в позолоченной раме, малое зеркало в черепаховой раме; стол, инкрустированный черепахой, на позолоченной ножке; ларец, инкрустированный черепахой, с ценной ножкой; ларец остиндский, лакированный, с подставкой к нему; остиндский лакированный сундук; большой фарфоровый горшок с остиндскими сладостями; большой бивень единорога; два больших слоновых клыка; два лакированных горшка; один ящик с сукнами следующих расцветок: 10 аршин [154] шарлах (багряный), 10 аршин сукна красного, 10 аршин сукна фиолетового, 10 аршин сукна пурпурового,

10 аршин сукна цвета корицы, 10 аршин сукна светло-зеленого, 10 аршин сукна светло-синего, 10 аршин сукна цвета морской зелени, 10 аршин сукна зеленого, 10 аршин сукна белого цвета. Всего 100 аршин сукна весьма высокого качества. Пряности: 1 ящичек с корицей, 1 тючок муската, 1 тючок гвоздики, 1 тючок кардамона, 1 ящик ладана, 6 бутылок разных дистиллированных вод. Еще 6 разных бутылок, 4 фарфоровых умывальных таза. Затем последовали шелк, золотая и серебряная парча: 1 кусок золотой полупарчи, 5 серебряной, 6 — серебряного муара, 3 куска бархата, 2 куска атласа в цветочек, 4 куска парчи, 3 — шелкового муара, 3 — атласа, 4 — итальянского дамаста, всего 31 кусок, каждый по 10 аршин. Еще один тючок мускатных орехов, один тючок белого перца, ящичек бензоиновой смолы (росный ладан). Следуют серебряные изделия: два больших блюда, с позолоченными цветами; один серебряный умывальник, то же — меньшего размера, два канделябра в виде колоколов, две чаши для фруктов, одна большая чаша, два **[98]** кувшина; один сервиз серебряный, позолоченный, из пяти предметов; две полдюжины кубков, одна сахарница, один короб обшитый со специями, одна пудреница, шесть глубоких чашек, шесть канделябров, трое щипцов [155], четыре солонки, две позолоченные серебряные чаши с крышками, небольшая фруктовая ваза с несколькими унциями золота на дне ее, две чаши для лимона, ларчик для драгоценностей, один русский фунт сырого золота, ларчик из янтаря. Все это несли 148

человек. У посла было с собой еще несколько предметов из серебра, чтобы использовать их в пути как подарки для русских господ.

Из вышеперечисленных подарков несколько были поднесены как личные подарки посла.

Перед внесением даров один из князей от имени царя должен был назвать титул Штатов, который русские говорят очень коротко, всего лишь "Генерал голландской и нидерландской страны". Он его не мог выговорить, и все господа заулыбались, даже сам царь закрыл рот рукой, чтобы не видели, что он смеется. Это было его единственное движение, которое я заметил, кроме того, что один раз он засунул пальцы за пазуху. Когда унесли подарки, царь велел сказать, что он жалует дворян и старших офицеров [посольства] подойти к его руке. Моя очередь была первой. Еще стоя на месте, я очень низко поклонился ему, пройдя 3—4 шага, я снова поклонился и в третий раз перед его троном, тогда он протянул правую руку, которую поддержал князь Яков [156], и таким образом я ее поцеловал. Было занятно, когда царь недостаточно вытянул руку и я, чтобы не упасть, хотел опереться рукой о ступеньки и чуть не упал на него, но мне помог князь, который стоял слева от него; нет сомнения, что, если бы царь не вытянул дальше руку, а я свою шею, я упал бы ему на колени. Завершив это, я попятился на свое место с прежними церемониями и поклонами. После меня следовали мои собратья [157], а также наши офицеры, включая и хирурга. После всего

этого посол поблагодарил царя за милость, и мы все, кланяясь и пятясь, вышли из двери тем же путем, которым вошли: мы впереди, с непокрытыми головами, посол между двумя приставами, до **[99]** выхода во двор, где мы снова сели на коней, посол — в атласные сани царя, а каждый пристав в свои сани. Русские тех, кого считают христианами, как нас, хотя и называют еретиками, проводят по церковному подъезду [158]; не христиан проводят окольным путем. Персы все еще стояли со своими подарками напоказ. Лошадь одного из наших приставов разбила у них 10 бутылок с крепкими напитками. Так закончился этот первый прием.

Было около 10 часов, когда мы прибыли к [посольскому] двору, где наши приставы сразу сняли свои красивые кафтаны. Шталмейстер, который ехал перед санями посла, заговорил о подарке для него. Ему сказали, что он может завтра за ним прийти, что он и сделал; ему подарили серебряную солонку. Слуги, которые охраняли лошадей, получили каждый по монете. Приставы поздравили посла с тем, что он имел счастье видеть ясные очи царя, они не сомневались, что царь этой милостью <...> [159]

Вскоре прибыл пользующийся большим уважением князь Петр Семенович Прозоровский-меньшой с "царским столом" угостить посла. Стол накрыли белой скатертью и поставили тарелку, нож и вилку, три-четыре пустых кувшинчика, все из серебра, но металл так потемнел, что едва был похож на серебро. Посол сперва сел со шляпой на

голове, в высоком конце стола; князь Петр справа от него. Когда они сели, нас тоже пригласили сесть. Я сидел против младшего пристава, первым вдоль длинной стороны стола. Посол повелел помолиться перед едой, но русский помешал, сказав, что это он может делать у себя за собственным столом, эта же пища царская, которая уже благословлена. Первым блюдом был жареный гусь, около него стоял шафрановый соус. Одно за другим было подано 70 блюд, которые мы все попробовали. Выпечка была вкусная, но мясо было так сильно нашпиговано чесноком, луком, лимонами и маринованными огурцами, что наши языки не выдерживали. Все было холодное как лед. Среди всего был старый жесткий жареный журавль, много соусов, а в них куски курятины, нашпигованные круглыми жареными шариками, и т.д. и т.д.; короче — вся пища, никогда не виденная у нас. **[100]**

После третьего-четвертого блюда князь велел нам встать появилась большая чаша, примерно в одну пинту, полная испанского вина, смешанного, по-моему, с водкой. Обращаясь к послу, он предложил тост за здоровье царя. Выпив сам, он дал из своих рук такие же чаши каждому приставу. Перед этим он перечислил титулы Его Царского Величества, которые он прочитал по записке, как русские читают все: даже во время приема большие господа ничего не могут сказать наизусть, а смотрят вниз перед собой, когда говорят. Мы должны были опорожнить эти чаши без возражений. Когда покончили с

торжественным тостом, посол сказал, что не может пить столь крепкий напиток, ему станет худо, да, смертельно худо. На это был ответ: "Как это может быть, чтобы стало худо оттого, что пьют за здоровье царя?" После этого князь велел принести большой серебряный ковш красного меда. Посол принял его и предложил тост за здоровье Их Высокомогуществ, от которого князь отказался, говоря, что это будет в свое время, а сперва полагается выпить за здоровье Алексея Алексеевича, сына царя [161]; ведь сына, сказал он, нельзя отделить от отца. Начали громко спорить; посол приводил разные доводы за Их Высокомогущества, которые суверенны, а Алексей Алексеевич только подданный. Ничего не помогло, спор разгорался, они хвастались своим царем и его сыновьями; посол сказал, что Их Высокомогущества тоже пользуются авторитетом, хотя их здесь умаляют, а ведь они тоже короли и принцы, и что было бы против всяких правил вежливости не оказать гостю почета, да и ни один монарх в мире не требовал такого. Но русский повторял свое: они в высшей степени удивлены, что он [посол] отказывается от того, от чего не отказывался даже римский император, или любой принц в мире, — что было неправдой, — и добавил, что они удивлены тем более, что он сидит за "царским столом" и пользуется столь большой милостью царя. Еще князь добавил, что у него только одна голова на плечах. Посол повторил то же самое. После получасового спора сели, ничего не выпив. Посол сказал, что при таких условиях он не выпьет ни капли.**[101]**

Немного времени спустя князь встал и снова предложил тот же самый тост за царевича. Теперь посол принял его, но сразу потребовал еще полный ковш меда и сказал, что раз он принял тост за Алексея, то пусть и они примут тост за Их Высокомогущества, в чем ему снова отказали. Нам между тем дали каждому по ковшу; посол не поднял, а держал перед собою на столе ковш за Алексея, а ковш за Их Высокомогущества поднял вверх и велел нам поспешно опорожнить ковши за их здоровье, что и было сделано. Посол выпил за Алексея после ковша за Их Высокомогущества. Русские выпили тоже, но за царевича, а мы за наш тост. Мы первыми опорожнили наши ковши, и наш переводчик сказал: "Это за Их Высокомогущества, а их тост — за Алексея". Так мы все выразили словами и делом, что пьем за здоровье Их Высокомогуществ. Тогда князь схватил другой ковш и выпил его за здоровье второго принца [162], что мы приняли, после чего он предложил тост за Их Высокомогущества. На это посол заявил, что за них уже пили, но если они хотят второй раз выпить за них, то он согласен; так и было сделано. Наконец выпили чарку крепкой водки за здоровье посла. Порядок тостов князь читал по цедулке.

О беседах за столом не стоит рассказывать. На столе появилось нечто подобное тому, что в Пскове нам подарил воевода [163]. Князь сказал, что по милости Бога и царя он может преподнести такие подарки. В комнате стало жарко. "Это по милости царя", — сказал князь, тогда как это

было из-за толкотни стольких потных людей.

Прислуживающие за столом, а их было столько же, сколько .и блюд, подавали пищу в головных уборах, что также в обычае даже перед царем. По улице же они шли друг за другом с непокрытыми блюдами.

У меня спросили мое имя и имя моего отца. Ни к кому не обращаются по фамилии, а только по имени и отчеству, так что здесь я приобрел имя — Николай Корнельевич. Самых знатных людей страны при обращении называют только своим собственным именем и именем отца. Каждый хвастался своей страной, хозяином и своей **[102]** персоной. Это делали и русские, и голландцы; так, посол похвастался, что у себя дома имел больше власти, чем князь здесь.

Когда настал вечер, они вдруг встали и ушли. Я проводил их до низу, до того места, где встретил их, а посол провожал их до последней двери наверху. Когда князь Петр ушел, приставы сказали, что, по обычаю, следовало оказать ему почет. Об этом мы знали, но не успели из-за его поспешного ухода. Наш переводчик объяснил, что подарок уже подобран и будет отослан к нему домой, что и было сделано. Это была большая, тяжелая серебряная чаша. Потом ушли и приставы, оставив всю пищу у нас. Простую пищу положили в бочки, и мы отдали ее стрельцам. Пиво, хлеб и мед привозили в санях, обитых красным сукном и серебром и запряженных парой лошадей.

3 февраля.

На следующий день приставы, по их обычаю, снова пришли к послу, он поблагодарил за угощение с царского стола и хотел передать свои предложения в письменном виде, но они не посмели принять, так как сперва должны сообщить об этом. Мы стали просить разрешения выходить теперь из дома, но и этого они не посмели, обещав завтра принести ответ. Эти люди, хотя и такие господа, по-рабски не берут на себя ни малейшей ответственности и не говорят ни слова от своего имени.

4 февраля.

Утром они пришли снова и сказали, что нам еще нельзя выходить до тех пор, пока верительная грамота царю не будет переведена. Мы просили, чтобы они постарались ускорить это дело и чтобы мы могли осмотреть их столь широко прославленный город Москву. Разговор зашел о калмыцком татарине [царевиче], которого мы видели, когда ехали на прием. Они сказали, что его страна расположена между Сибирью и Астраханью. До сих пор калмыки **[103]** были самостоятельны, со своим управлением из одного-двух лиц; они некрасиво сложены, глаза маленькие, лица плоские, желтоватого цвета; они язычники и молятся перед деревянными изображениями. Человек, которого мы видели, является вторым лицом в своей стране, сюда приехал и отдает себя в вечное рабство царю вместе со всеми своими подданными. У царя он

просит защиту, которую ему обещали, и он уже пожалован кафтаном из царской казны, так что титул царя теперь снова вырос. Так они нам рассказали, но я очень сомневаюсь, правда ли все это. Приставы расспрашивали посла, слыхал ли он, что германский император создал в своих войсках целые полки длинношеих, очень некрасивых мужчин, с носами длиной в локоть. И в подобные шутки эти добрые люди верили всерьез. После полудня они снова пришли к нам с сообщением, что теперь царь пожаловал нас свободным выходом.

3 февраля.

Я впервые, по здешним обычаям в санях, в сопровождении четырех стрельцов осмотрел слободу, где живут иностранные купцы [164]. Нас поручают стрельцам, и мы как бы в их распоряжении; они же обязаны доставить нас домой, что они честно и выполняют. Люди на улицах должны расступаться, а кто зазевался и стоит на пути, того стрельцы лупят. Первые попавшиеся им крестьянские или наемные сани они захватывают, садятся в них вместе с нами и принуждают возчика возить задаром, куда бы мы ни поехали, и все это делается как по долгу службы царю.

6 февраля.

Посол попросил через приставов вторичный прием у царя. Когда же он сказал, что намерен в полдень немного проехаться по городу, они заявили, что об этом следует сперва доложить и

просить царя, и если придет разрешение, то завтра он сможет выехать. **[104]**

Теперь мы, идя по улицам, заметили озорство русских: в сумерках у некоторых из наших отняли ружья, и нам сказали, будто за одну ночь были убиты 12 человек, им перерезали горло, и что это здесь часто случается.

Посол отправил меня к князю Петру Семеновичу Прозоровскому почтить его большой серебряной чашей. Когда я прибыл к его двору, слуги князя стояли у лестницы с непокрытой головой. Их было примерно 20 человек, они показали мне идти наверх, и я пришел в комнату, где сидел князь. Он встретил меня в середине комнаты, приветствовал и сел за высокий конец [стола], а меня с нашим переводчиком усадил на скамье рядом с ним. Большое число его слуг стояли в конце комнаты; двое менее знатных господ сидели на той же скамье, что и он, но далеко от него. Наши слуги — у конца стола, покрытого ковром. Зал был украшен коврами и шелковыми покрывалами разного вида, в углу на столе множество серебряных изделий стояли друг на друге в 4—5 рядов. Как только уселись, начали пить; чарку за чаркой он принудил нас влить в себя водку, испанского и французского вина мы должны были выпить невероятно много, все из его собственных рук. Для утоления жажды мы беспрерывно должны были опустошать кружку за кружкой пива разных сортов, так что вся эта жидкость здорово ударила нам в головы. Наши слуги не отставали, вместе с нами они получали

вино из княжеских рук.

Беседы велись в соответствии с понятиями и знанием этих людей. У меня спросили мое имя, что у русских обычно первый вопрос, так как, обращаясь к кому-либо, они называют его по имени. Они уже узнали должность моего отца [165], удивились этому и отнеслись ко мне, как они сказали, с еще большим уважением. Спросили также, находится ли Амстердам в Голландии, и еще подобные пустяки. Князь уверял меня в милостивом отношении ко мне царя. Он не хотел принимать чашу, которую я ему привез, пока я не сказал, что это будет большой обидой для посла, если он откажется принять вещь, на которой стоит его **[105]** [посла] герб; в этом я его обманул. Когда мы уходили, он проводил нас до двери своей комнаты, а другие менее знатные господа, бывшие с ним, и его слуги проводили нас вниз.

7 февраля.

На следующий день послу доложили, что до второго приема у царя ему нельзя выходить, а состоится прием в следующий понедельник, и тогда же, 9-го, будет совещание.

8 февраля.

Я посетил царского лейб-медика [166], который теперь находился в немилости. Он рассказывал, как русские думают, что врачи могут исцелять как боги. Он попал в немилость потому, что однажды сказал, что царь такой же человек, как другие,

что исцеление должно прийти от Бога, а от него зависит лишь применение того или иного лекарства. Царь ему редко показывается, они хотят, чтобы медицинское предписание давали, не осмотрев больного. Они очень застенчивы, стыдятся раздеться, и никто не смеет, под угрозой телесного наказания, сказать, чем больны царь или царица. Когда русский видит, что какое-то средство помогло одному, он хочет получить его и для себя, считая, что это полезно для каждого, и то, что раз было прописано, они часто принимают по собственному усмотрению. Никто еще не видел царевича, но этому доктору его один раз показали, однако лишь для того, чтобы в случае его болезни назначить лечение без его осмотра. О глупость! Он должен был обещать, что ни одному человеку не расскажет, что видел царевича и целовал его руки. Тогда же его с любопытством спросили о строении человеческого тела и как это стало известно. Когда же он рассказал о вскрытии трупов, они удивились и испугались; здесь подобных фактов не допустили бы. Сам царь сказал этому доктору, что не допустит подобных вещей, и если бы в его стране такое случилось, то отучил бы от этого. Царь редко принимает лекарства, бояре еще реже. **[106]** Доктор сказал, что медицина никогда не была здесь в большом почете. Однако сам он получает 70 рублей в месяц (на стол) и еще 250 рублей годового жалования, кроме того, ему подарили дом стоимостью в 6 тысяч рублей, а когда царь был к нему милостив, он часто дарил ему по несколько сотен рублей. За каждое кровопускание от тоже

получал прекрасные подарки и вдобавок — пищу и напитки от имени царя, да еще корм на двух подаренных ему красивых лошадей. Ежегодно он получал через Архангельск трое-четверо свободных [от пошлин] саней; теперь же, хотя он часто бьет царю челом и остается лежать ниц, его никогда ничем не жалуют, кроме полагающегося ему жалованья. Вот как опасно служить царю. Пока он еще не может выехать из страны. Рассказал и как вылечил упомянутого калмыка от поноса. Русские уверяли калмыка, что и доктор должен был подтвердить, будто болезнь его от тоски по родине, и что если он хочет вылечиться, то не должен тосковать; приходя к нему, доктор часто заставал его за молитвой; сидя на полу, он читал какие-то листки, похожие на игральные карты, и щелкал пальцами "назло дьяволу".

9 февраля.

В упомянутый день посол был принят царем. Наш въезд произошел как и в первый раз. Нарочные еще чаще двигались туда и обратно, очевидно, царь не был готов к приему, и мы должны были то останавливаться, то снова идти, то быстро, то медленно, и т.д.

В первом зале, как и прежде, около двери двое вышеупомянутых бояр [167] встретили посла и приветствовали его; перечислив титулы Его Царского Величества и Их Высокомогуществ, справились также о его здоровье. После этого они же проводили посла в зал. Как только он вошел, и прежде, чем стал на место, снова зачитали

титулы царя, подчеркнув при этом, что царь оказал ему милость, допустив к себе. Когда посол тоже начал перечислять титулы, собираясь после этого произнести речь, Алмаз сказал, что здесь перед Его Величеством ему больше нечего говорить, а можно лишь **[107]** поблагодарить за милость — "царский стол" и уйти; это он сам лично приказал. Как повелели, так и сделали, и, ничего не успев сказать, мы должны были повиноваться и выйти. Послу доложили, кто будут комиссары [дьяки], с которыми он сейчас начнет беседу. Пока титул царя произносили по-русски и ставили скамеечку для посла, их лица казались не слишком благожелательными. Вот как здесь командуют послами, обращаются как с подданными; он хотел здесь говорить о своем поручении, а его заставили сказать то, что они считают нужным, т.е. благодарить за угощение. Когда посол хотел обсудить ряд вопросов, а потом уже выражать благодарность, Алмаз спросил: "Что он там все еще говорит, Его Величество ждет только благодарственных слов". Царь и вся его свита были одеты, как и раньше, кроме того, что на нем [царе] был надет более простой кафтан и бояр было меньше, чем в прошлый раз; они сидели только в правой стороне зала, а позади нас стояли те, которые были в переднем зале, но и их тоже было меньше, чем прежде.

Зачитав имена и звания дьяков [168], посла привели в зал совещаний. Мы же и приставы должны были оставаться в другом помещении со всей свитой. Приставы между тем сняли с себя казенные

кафтаны и сели с нами. Я пытался расспрашивать о странных обычаях их страны, но они притворялись глухими и не хотели говорить или не знали, что сказать, хотя хвастались тем, что у них есть все, о чем спрашивают, но о чем бы мы ни спрашивали, они отвечали, что все это у них есть, но нам этого видеть нельзя; так они ответили, когда я спросил о библиотеке царя и картах; говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого [169], а также летописи страны и карты; "Только одни наши братья, — сказали они, — имеют туда доступ". Они так ревнивы, что то немногое, что они знают, они не смеют или не хотят сказать; всегда думают, что у них ищут какую-нибудь выгоду. Они тщательно осматривали наши одежды, примеряли на свои головы наши шляпы с перьями, и мы вели малозначительные беседы с этими большими господами, подобно тому, как у нас разговаривают с детьми. О чем бы я ни спрашивал, **[108]** в ответ слышал "да" и "аминь", и больше ничего не мог узнать от них.

Между тем посол вел переговоры с дьяками, которые записывали все, что говорил посол, держа бумагу на коленях [170]; они перебивали друг друга до окончания фразы, все хотели казаться знатоками. Их манера говорить для нас необычна, каждый раз они повторяли: "Это Вы, Яков [Якоб Борейль — посол], сказали, а вот это говорим мы". Однако главное дело не было обсуждено; русские хотели обсудить, но посол не был к этому подготовлен. От имени царя они

выразили недовольство, и вскоре начались пререкания и жалобы на то, что посол не захотел пить за здоровье Алексея Алексеевича раньше, чем за Их Высокомогущества. Может быть, именно из-за этого царь, казалось, был не так хорошо к нам расположен. Повторили, что еще никто не отказывался от тоста за наследников, сравнивали царя вместе с его двумя сыновьями со Святой Троицей, которая состоит из трех лиц в одном существе: Его Царское Величество — господин, Алексей — господин и Федор — господин, и все трое едины. "Как же вы хотите разделить их и между ними втиснуть другие тосты?" Все это оспаривалось доказательствами, но их здесь не признают. В разговоре один из них сказал послу, что они уже давно слышали о нем, как о красивом и крупном человеке (здесь очень ценят внешнюю красоту даже мужчин), и подобно тому, что скоро наступит лето, подымется высоко солнце, вызывая расцвет растений, то они хотели бы, чтобы их страна вырастила таких же мужчин; и подобными пустяками заняли два часа. После заседания поехали домой тем же путем. Приставы снова сняли свои казенные одежды.

Тем временем некоторые из нас осматривали большой колокол [171]. Измерить его не разрешается, боятся, что его заколдуют. Одному прапорщику за нарушение этого запрета пришлось очень плохо. Я же с помощью добрых друзей узнал тайком, из чего он состоит и его размеры. Для литья этого колокола взвесили более 13 500 пудов меди; после того как его

отлили, выяснилось, что в литнике и в форме осталось около 2700 пудов, так что в колоколе осталось **[109]** более 10 800 пудов меди, г.е. более 361 000 голландских фунтов. Кроме того, нашли еще немного невзвешенного серебра и английского олова. Высота его изнутри — шесть русских локтей [172], ширина от края до края тоже изнутри — около 8, язык [колокола] весит 300 пудов, т.е. 10 000 голландских фунтов. На нем вылиты изображения царя, царицы и патриарха, последний — над другими.

Сегодня я посетил знатока области Сибири; он рассказал, что требуется два-три года, чтобы добраться до крайних ее границ, или столбов; это потому, что ездят только зимой и то очень медленно из-за бездорожья; приходится много идти пешком, а багаж тянут собаки на маленьких санках. У людей тогда под ногами доски, чтобы пройти по еще не тронутому снегу и не провалиться. Когда люди очень устают, они тоже садятся на санки. Подобные собачьи упряжки используются и на охоте; употребляют и сани с парусами для езды на равнинных полях; по соболям стреляют стрелами, спереди закругленными. Люди там русской веры, но они очень невежественны. Живут в деревянных избах. Имеется много поселений из высланных царем людей, и чем больше увеличивается там население, тем дальше и распространяется территория царя. Она простирается очень далеко, на ту сторону р. Оби, которая получила название от своих двух устьев: "об" значит обе, т.е. два по-

русски [173]. Там имеются и медные руды, но их не обрабатывают.

Когда сегодня у наших ворот один немецкий трубач сыграл в нашу честь песенку, то его схватили и посадили в тюрьму: никто, кроме наших [русских], не смеет без разрешения играть на трубе, объяснили они.

10 февраля.

Посол снова просил позволения на выход, в чем ему вновь отказали, потому что на это еще не было царского разрешения, которое, как думали приставы, поступит завтра.

Я посетил одного из персидских купцов, он был очень любезен, щедро угостил водкой, пастилой и сахаром. Я курил с ним какой-то белый табак из больших стеклянных **[110]** сосудов, которые они называют кальян. Мы сидели с ним как портные [поджав ноги]; он много рассказывал о своем шахе, его власти и стране, что он такого высокого роста, что в армии он из всех выделяется; еще сказал, что посланцев царя они угощают на серебряной посуде. Весьма презрительно отзывался о людях этой страны. Очевидно, он находил удовольствие в нашем обществе, сказав, "моя душа возвышается, когда я вижу иноземцев и разумных людей, так устал я от здешних скотов". Когда вы зайдете в следующий раз, то приходите не как гости, "а как друзья, как к себе"; перед уходом хотел нам что-то подарить, но мы отказались. Этот перс был вежлив, разумен и учтив, а по галантности далеко превосходил

французских любезников. Русские не допускали, чтобы они к нам или мы к ним приходили.

Сегодня у нас во дворе вспыхнул пожар по халатности нашего повара, сгорел весь верх, но усилиями стрельцов пожар был потушен.

11 февраля.

На следующий день приставы сказали, что они умолили царя разрешить послу выход в сопровождении одного из них. Ввиду того, что старший пристав не мог добиться от посла почетной стороны [174], он остался дома и отправил с послом младшего [175], который теперь и впредь всегда сопровождал посла.

Здесь сейчас масленая неделя [176]. Русские теперь напиваются, как свиньи. Многие валяются на улице. Иноземцы должны теперь очень остерегаться. Это последняя неделя перед пасхальным постом, когда нельзя есть мясо, но едят масло и яйца [177].

10-го я был на свадьбе в Немецкой слободе; жених был родом из тех людей [178], невеста — местная. Свадебный обряд состоит из весьма искусного смешения голландских, лифляндских, польских и русских обычаев: пастор сопровождает невесту к ложу; в ее комнате устраивают стол, женщины и мужчины сидят отдельно. При вступлении в брак молодожены **[111]** выбирают себе на время свадьбы родственников — у кого их нет — для пышности. Музыканты приглашают гостей, а также жениха.

На второй день он, садясь рядом с женой, срывает венец, который висит над ее головой.

12 февраля.

У нас во дворе снова начался пожар, поднялась большая тревога, так как это произошло ночью. Теперь наши ворота охраняют более строго, чем раньше, никого к нам не пускают, кроме только людей нашей нации.

13—14 февраля.

В пятницу и субботу мы видели много пьяных мужчин и женщин, попов и монахов разных чинов. Многие лежали в санях, выпадали из них, другие — пели и плясали. Теперь здесь было очень опасно; нам сказали, что в течение двух недель у 70 человек перерезали горло.

В следующую, т.е. первую, неделю поста все делаются очень набожными; они моются и чистятся, исповедуются и мало выходят; сняв с себя грехи, они не имеют больше оснований для молитвы, поэтому после окончания поста снова грешат, чтобы было о чем молиться. Царь стоит теперь ночи напролет в церкви и бьет поклоны, ест только два раза за всю неделю; он так чрезмерно набожен, что его во время молений можно использовать как кафедру [179], положив ему на спину книгу, из которой читает патриарх.

За эти дни я видел несколько безумных [180], они шли почти совсем голые, на них были только передники на поясе, в эти пьяные дни они скоморошничали; русские считают их святыми,

дают им деньги и сажают на почетные места за столом.

В эти же дни, повидав пьянство и пьяниц, их невыразимые излишества, я решил пойти к главному персидскому купцу познакомиться с ним; он приехал сюда со свитой одновременно с нами. Здесь я увидел давно известную вежливость этих людей, их остроумие, великолепие, а также отведал их **[112]** деликатесы. Сперва мы пошли к одному из членов его свиты; по их обычаю он посадил нас на ковры; многие из них затем присоединились к нам за столом. Они угостили нас табаком из больших водяных бутылок, с длинными тростинками: это белый рассыпчатый приятный табак; каждый по очереди один-два раза глубоко затягивался. Сразу принесли персидские яства: финики, засахаренные персики и абрикосы, изюм с зернышками, пастилу, рыбу их страны, уксус и крепкие напитки. Они вежливо попросили нас все это отведать; спрашивали о нашей стране, а мы — об их стране; знали, что наша компания [181] с ними торговала.

Как только их главный господин узнал, что мы у них во дворе, он сразу прислал нам бутыль персидского вина, такого же, как их шах послал царю, серебряные плевательницы и фарфоровое блюдо с пастилой; а когда мы немного посидели, он прислал просить нас на дружескую встречу к себе. Мы приняли это приглашение, и я взял слово, чтобы приветствовать его. Сидя, он очень низко поклонился, приветствовал нас и пригласил

сесть, что мы и сделали. Мы были в большом зале, значительная часть которого служила столом и покрыта ценными турецкими коврами; он сидел на конце ковра, на голове — богатый тюрбан, одет в белоснежный дамастовый кафтан с золотым поясом вокруг талии. Около него лежала кипа книг, а позади — серебряные изделия, домашняя утварь, одежда, — все совершенно великолепное. При нашем появлении 8—10 человек его свиты встали к стене против стола; когда мы сели, сели и они, на расстоянии от него. Рядом с его большим столом был поставлен столик, покрытый скатертью из серебряной парчи, для нас, потому что мы сказали, что нам трудно сидеть по их обычаю. Мы сели так, что я оказался рядом с ним. Сразу принесли ценные горящие благовония в серебряной конфорке и по табачной бутыли на каждых двух человек, это для нас, а у него самого бутыль была серебряная, у других — медные. Очень дружески он предложил нам курить кальян, остальные тоже курили табак попарно; перед ним и всеми нами поставили серебряные плевательницы. В это же время один из них очень хорошо играл на лютне, **[115]** а нам подносили множество деликатесов и разные напитки; сам он пил воду.

Когда встреча была в разгаре, вошел один из русских скотов, его пристав, справиться о здоровье. Увидев нас, эта свинья сделал кислую мину и гневно спросил, кто мы такие и что мы здесь делаем. Ловкий перс наговорил ему, что мы наемные офицеры на службе царя и из

любопытства пришли сюда. Пристав ушел, но сразу же вернулся и спросил, не из посольства ли мы. Ему снова дали тот же ответ, а этот глупец не мог сам определить по нашей одежде, кто перед ним и что мы за птицы, так как во всей Москве такого никто не носит. И так каждый сидел по своему обычаю. Когда накрывали стол, перед ним [главным купцом] разостлали большую красную скатерть; занятно, как они мыли лицо, руки и бороды, полоскали рот из чаши с великолепным кувшином; мы им тоже подражали. Перед ним поставили очень большое блюдо с горой искусно приготовленного тушеного риса, блюдо вмещало, наверное, два ведра. Затем пришел распорядитель, который стал перед ним на колени и для каждой пары господ зачерпывал по полной чаше риса, который они и мы ели полными горстями; поистине, никогда я не ел вкуснее. Затем появились тушеные куры, которые они руками разделили на всех, они были начинены яйцами, мясом и т.д. Затем подали жареную говядину и баранину с капустой; были и пироги с яйцами и жареным рисом, темно-коричневого цвета рыба, испанская редька, маринованный чеснок и т.д. Все было очень красиво подано; красивы были и их одежды, домашняя утварь; да, все это не уступало голландской опрятности.

Когда кончился обед, сняли скатерть и убрали лакированный сосуд, в котором была наша пища. За столом они не молятся. Затем мы снова мылись, но теплой водой. Когда во время еды мы

пили за здоровье их шаха, они все с большим почтением встали. Хозяин передал нашему послу большой привет. Он пожалел, что не мог выполнить свой долг и лично прийти приветствовать его: русские не позволяли. Попрощавшись, он отправил 7—8 своих господ с горящими свечами проводить нас домой. Я повторяю еще раз, что у **[116]** этих людей больше поучительных бесед, учтивости и добрых нравов, чем у многих легкомысленных придворных юнкеров в Европе.

Последние два дня этой недели пьянства наши приставы не появлялись, также не явились они и в первый день поста.

15 февраля.

Наступил сыропуст [182], и я обедал у одного англичанина. Там мы видели танец группы самоедов [ненцев], которые несколько дней назад были отправлены своими родичами к Его Царскому Величеству; они приехали со 130 оленями. Это дикие люди, питаются они мясом и рыбой. Самоед буквально — это есть себя; они еще язычники, кроме немногих, которых русские учат креститься. Они очень малы ростом, приземисты, с крупными головами и короткими шеями, почти безбородые, волосы черные как смоль, нечесанные, свисают с головы прямо, как скрученные веревки. Одежда из шкур, верхний кафтан шерстью наружу, а нижний — шерстью внутрь, штаны из меха, другой одежды у них нет. Охотятся они с помощью лука и стрел. Когда

голова мерзнет, они натягивают свой кафтан на голову, что очень странно выглядит. Ненцы плясали на одной ноге, хлопали в ладоши, били себя по голове и пели для нас на своем языке; все это казалось нам смешным. В зале висело зеркало, один из них, увидав себя в нем и подумав, что видит одного из своих, крикнул: "Брат, иди сюда!", затем перекрестился и наконец, когда тот все не шел, спросил нас: где же он? Это очень робкий народ; царь однажды создал целый полк из них, решив их видом испугать врагов; они же, еще не встретив врага, все убежали, а некоторые умерли, и сказали прямо, что не хотят воевать. Их женщины одеты почти так же, как мужчины.

Нам сказали, что царь велел оценить привезенные нами подарки, что сделали, несомненно, намного ниже их стоимости, не больше 50 рублей за те, которые стоили 600—700 гульденов [183]; большой фарфоровый горшок с вареньем — 1 рубль, а он стоил 30—40 гульденов. Золото оценивалось только **[117]** чистое, если же в нем были примеси, оно считалось без цены. Фарфоровое блюдо, стоившее 60—70 гульденов, оценили в 10 стейверов [184], стол — 800—900 гульденов оценили в 15 рублей, лакированный горшок — 30 стейверов и т.д. Ничего этим людям не нравится больше, чем чистое серебро и золото, а искусство изделия они не ценят. Нам сказали, что поэтому и царь появился перед нами не в самом богатом платье; говорят, он смотрит не на качество, а только на размеры подарка. Перед

другими же он сидел в короне на большом троне со скипетром и державой.

Царь расспрашивал своих докторов, как толковать недавно появившиеся кометы, и я узнал, какой странный и сомнительный ответ они дали [185].

17 февраля.

Когда я нанял учителя русского языка, мне запретили приводить его в наш двор, следовательно, запретили учиться; вот какие это тупые скоты: сами невежественные и другим не позволяют чем-то заняться для развития ума; Алмаз сам наложил этот запрет.

Несколько дней назад я рассказывал, что меня угощали персы; теперь я принял некоторых из них у нас на посольском дворе, хотя и с большими трудностями: мы должны были сами лично сопровождать их по улице и оказать давление на наших русских охранников — стрельцов, которые принудили нас ограничить время их приема одним или полутора часами и пригрозили, что заставят гостей уйти, если мы не отпустим их вовремя. Их старцы никогда не пьют вина. Когда они произнесли тост за здоровье наших Высокомогуществ, они в знак вежливости выпили до ногтя [186], а на наш тост за здоровье их короля они выпили не до дна. Когда мы подняли тост за здоровье их главного купца, они сперва выпили за нашего посла. Я заметил, что им было очень трудно сидеть на скамьях, как мы, и они часто подтягивали ноги. Наши караульные

стрельцы просили не передавать приставам, что персы были у нас, и не допустили, чтобы мы проводили их домой.[118]

20 февраля.

Приставы пришли с приказом от царя, чтобы посол передал им свою докладную записку, и они доставят ее в приказ. Посол отказался это сделать, он хотел сам передать ее дьякам и с ними обсудить. Разгорелся спор; они говорили, что это приказ их большого господина, спросили посла, знает ли он, кто они такие, чтобы им отказывать в этом; посол спросил их то же самое. Они уже начали говорить об обратном пути посольства, почему и надо торопиться. Посол сказал, что они не должны так неуважительно обращаться с ним, что Их Высокомогущества столь же влиятельны в своей стране, как царь в своей, и их тоже следует уважать и почитать; и если они не разрешат ему самому доложить свои дела выше, то он предпочтет уехать обратно без результата.

21 февраля.

После этого на следующий день они пришли с ответом, что посол через три дня будет иметь беседу с дьяками. Значит, несомненна истина: с этим народом так: чем круче месишь, тем тесто лучше; теперь они были вдвое вежливее, а посол, напротив, не скрывал своего возмущения. Русские, даже без царского на то приказа, обращаются с иностранными послами невежливо, думая, что этим они возвеличивают своего царя;

и если такое удается, они докидывают начальству, надеясь получить за это благодарность. Такова политика этой страны, отсюда так плохо обходятся здесь со всеми посольствами.

22 февраля.

Здесь был большой праздник. Всю ночь и весь день звонили колокола: был день рождения царевича Алексея Алексеевича, и он совпал с днем, когда проклинают всех нечестивых [187], как они говорят, т.е. турок, татар, католиков, евангеликов и всех, кто желал или желает зла этой стране. **[119]** У дворца на большой площади перед собором устроен помост, покрытый красным сукном, где показывается царь в короне, рядом патриарх, а теперь митрополит [188], епископы, архиепископы и всех рангов духовенство с крестами. Нет недостатка в книгах, по которым вышеупомянутое проклинание происходит со многими словами и церемониями; все это продолжается около двух часов. Здесь участвует царь со всеми своими знатнейшими князьями и боярами.

По окончании этих церемоний царь устраивает для своих приближенных обед. Он принимает их в своем зале, но сидят они за отдельными столами. Когда он в хорошем настроении, то сам часто подает им ковш, что является большой милостью; нередко он в шутку выплескивает вино на их бороду и одежду, мимо рта. Говорят, что тогда знать там необузданно шумит и орет, как у нас

дети в латинской школе, когда учитель вышел, и все хором лопочут, как утки. Часто им велят замолчать, на что они не смеют пикнуть, но постепенно снова переходят на повышенный тон. Тем, кто по положению пониже, посылают пищу домой.

Этот обряд проклинания, который происходит открыто перед всеми, нам, однако, не показали, иначе я сказал бы об этом больше. Когда я выскочил из посольского двора без охраны, капитан нашего караула послал вслед двух стрельцов, чтобы заставить меня вернуться; я был уже почти у ворот Кремля, но, когда пошел дальше, они призвали на помощь кремлевский караул; и так мы вернулись. Как бы мы ни пытались тайно ускользнуть, нам это не удавалось, они всегда следовали за нами. Я видел, что во всем городе церкви и часовни были полны народу и в дверях их сотни духовных лиц, которые обменивали кресты и иконы [189]; все крестились.

Теперь нашему послу удалось выехать развлечься. Младший пристав Иван, наш провожатый, был наверху у царя, на богослужении; наши караульные послали за ним. Как только кончилась служба, он немедленно пришел и сопровождал посла, который не может выйти из дома без провожатого, а мы — без стрельцов, так мы здесь связаны. Правда, я крепко поспорил с этим приставом, сказав, что **[120]** обычно лица, сопровождающие свиту посла, не следуют за ними в места, куда все могут

свободно ходить, что это против правил остального мира и что я, свободный человек, прибывший из столь далекой страны, чтобы увидеть ясные очи царя и все великолепие, о котором говорят в мире, должен лишиться всего этого потому, что нас отовсюду отстраняют, не разрешают осмотреть ни Кремль, ни здания внутри его; мы лишены возможности выходить из города и осмотреть пригородные места, дома, и т.д. и т.д. Он извинился, не зная, что ответить, кроме "таков наш обычай". Вокруг нашей кареты шли нищие, прося подаяние ради Бога и доброго царя. Здесь видно много слепых, я это приписываю дыму в банях.

24 февраля.

В назначенный день сегодня посол вместе с нами, как и прежде, был привезен в приемный зал Кремля для беседы с дьяками. Ввиду того, что теперь у них пост, никто не играл на трубе и не били в барабаны, также и наши молчали. Перед приемным залом посла встретил дьяк, который произнес обычные титулы и добавил, что царь приказал ему принять посла вежливо. По прибытии в приемный зал перед обсуждением началась та же песня; дьяк говорил: "Великий Государь прочел Вашу грамоту, и в ней сказано," — и т.д., поэтому он назначил этих дьяков, и он назвал свое имя и других. Посол изложил свои дела в письменном виде, и дьяк обещал действовать. Русские заговорили об обратной дороге; они охотно отправили бы нас и зимой. Посол сказал, что он еще не намерен уезжать, так

как ожидает почту с родины.

На обратном пути из Кремля мне удалось увидеть их богослужение через открытые двери церкви: иконы размещены одна над другой до самого верха, кое-где между ними горели свечи [190]. Священник стоит перед аналоем, похожим на алтарь, с обеих сторон зажжены большие свечи; сам он стоит спиной к народу и читает; он одет почти как католический священник. Все стоят, а при определенных словах люди бьют поклоны; священник читает поучения кого-нибудь из церковный отцов; **[121]** они очень любят Григория. В середине церкви я увидел большую серебряную церковную люстру [191] с горящими свечами. Эта церковь находится в Кремле, и мы должны были пройти возле нее; по просьбе русских, посол, проходя мимо, обнажил голову. Когда русские увидели, что за нами шла собака, они быстро закрыли церковные двери и схватили ее; если бы она успела забежать в церковь, то осквернила бы ее [192].

В тот же день состоялась русская свадьба, и мне рассказывали, что когда у невесты все хорошо, то ей и гостям наливают [вино] из позолоченного ковша, после того как молодожены встали, полежав полчаса вместе; но если у невесты оказался недостаток, то наливают из ковша с дыркой, и из него все выливается; пока они лежат, гости кричат жениху: все ли хорошо? Постель и подушка молодых из оленьих шкур, а у простых людей покрывало из овечьей шкуры. Жених первым отправляется в постель, а невеста

должна прийти к нему сама. Перед этим невесту сажают на бочку с семенами, покрытую шкурами. Отец невесты, в присутствии гостей, начесывает ей волосы на лицо, затем стрелой с железным наконечником делает ей пробор; отец начинает, а все присутствующие заканчивают ее прическу, постепенно открывая ее лицо. Каждый кладет ей на голову денежный подарок.

Русские во время обедов и праздников ведут за столом очень неподходящие беседы, как мужчины, так и женщины, без всякого стеснения перед другими. Мне сообщили достоверные свидетели, что самые знатные господа, т.е. самые знатные после царя, о которых я умалчиваю ради их чести, говорят за столом со своими супругами о таких вещах, о которых обычно умалчивают; немцы, присутствовавшие при этом, были поражены.

Мне показали русское прошение-челобитную: по их обычаю сперва наверху пишется имя царя, затем — "Во имя Святой Троицы" и т.д.; прошение написано на длинный узких цедулках, склеенных вместе сибирским клеем. Внизу истец ставит свое имя, прибавляя "ваш раб"; так должны писать царю все, вплоть до самого знатного [193], и даже тесть царя, к которому ни его дочь, ни царь не обращается иначе, как **[122]** только по имени. Прошение заканчивается словами: "Будь ко мне, бедному, милостив".

26 февраля.

Уловкой оставив стрельцов и просто одетый, я

направился ко дворцу, чтобы его хорошо осмотреть; я пробрался почти во все их приказы. В дворцовом приказе было около 300 писцов, они сидят в маленьких комнатках по 4-6 человек в каждой и пишут на свитках, лежащих на коленях. Я осмотрел и кухню, и весь двор, и помещение царя и царицы. Перед Ильей Даниловичем [194], тестем царя, я бил челом, присоединившись к немецким офицерам, чтобы среди них ближе подойти к нему. Прошел весь дворец неузнанным, иначе ни в Кремль, ни во дворец стрельцы нас не пускали.

1 марта.

Мы приняли причастие. После полудня послу показали несколько ненцев: они все пали ниц перед ним, плясали и пели для него; перед ними поставили мясо, которое они жадно проглотили, напились водки. Когда я спросил, сколько им лет, они сказали, что не знают никаких лет. Они молятся перед изваяниями, но говорят о Боге; на просьбу помолиться по-своему они ответили отказом. Они молятся странным образом.

2 марта.

Сюда приехал польский посланник [195] со свитой из 16 человек. Его приняли не слишком пышно.

4 марта.

Мы видели, как он ехал наверх [на прием к царю]. Его верительную грамоту, как и нашу, несли перед ним. Он ехал со свитой на собственных лошадях, что здесь считается

позорным [196]. Одет он был в красный атлас, сидел на коне гордо и изящно; его тщательно охраняли; пристав ехал справа **[123]** от него и постоянно смотрел ему в лицо, следя за тем, куда он смотрит. Когда он проехал мимо нас и увидел, что мы не русские, т.е. без длинных кафтанов, он спросил: "Кто это?". Русский ответил ему. В то же время появились посланники казаков, а также греков и черкесов. По внешности это красиво сложенные мужчины, с приятными жестами и нравом, хотя и грубо одетые; их одежда — из овечьих шкур шерстью наружу, у некоторых черная, у других белоснежная, шапки из того же материала; шерсть блестит, как шелк, очень тонкий и ценный, а черная шерсть не уступает по красоте бархату. Говорят, что у этих людей самые красивые женщины в мире, из них шах персов выбирает себе жен. Еще на прием к великому царю пришли ненцы, а также калмыки из Восточной Сибири, прилегающей к Катаю [197], у них самостоятельный князь. Говорят, они приезжают сюда, чтобы предложить свои услуги царю от имени их князя Тайчжи Мончака. Этот Тайчжи женат на черкесской татарке, племяннице Григория Синсилевича, царевича черкесов, теперь он князь; через этот брак черкесский князь пытается добиться тесной связи с Россией. Эти люди [калмыки] одеты в грубые шкуры овец и других животных, иногда, но редко — в шитые кафтаны из шкур разных диких зверей. Они носят в ушах большие кольца, иногда продетые и через нос. Теперь же, когда они ездят к царскому двору, им пожаловали красные кафтаны; у самого

главного из них висит на груди медная коробочка с их идолом. Это люди небольшого роста, плотные и желто-коричневого цвета; лица у них плоские, с широкими скулами; глаза маленькие, черные и сощуренные; голова бритая, только сзади с макушки свисает коса. При ходьбе они прихрамывают, так как ноги у них кривоватые от постоянной езды на лошадях. Это хорошие всадники, в бою употребляют лук и длинные ножи. Когда они закончили свои дела у царя, им подарили вышитые кафтаны, которые им тут же при царе надели. Все эти нации были выставлены перед Посольским приказом, чтобы польский посол, проходя мимо, увидел, кто и сколько приезжают покорно приветствовать царя. Мы стояли оттуда тоже недалеко. Калмыки между тем курили трубки, говоря, что без нее не могут жить. Я просил узнать, **[124]** видали ли они таких людей, как мы; они ответили, что не видали, но у них есть братья, которые были в Индии, в Китае и в других странах, и те там встречали таких людей, как мы.

Все эти упомянутые нации приходили и уходили от царя со свитками в руках. Поляк, грек и казак были уведены тем же путем, что и мы, но остальные, не христиане, должны были идти окольным путем, чтобы не осквернить церковь, находившуюся рядом. Это было впервые, что мы свободно стояли в Кремле, но так как мы пришли индивидуально и капитан у ворот еще не знал приказа, то хотел нас выгнать, тащил меня и других наших за платье, пытаясь отогнать нас как

скот, очень невежливо. Я разгорячился, угрожал побить его и сказал, что мы уйдем только, если он вынесет нас отсюда, после чего он сразу отправился наверх жаловаться и там узнал о приказе и разрешении.

6 марта.

Я посетил одного друга, туда же пришел человек, чей дядя до отца настоящего царя [198] был царем. Сейчас его дела плохи, ибо здесь заходящее солнце не в почете [199].

7 марта.

Под видом купца я был у царевича Тайчжи Йалба Доиса, вышеупомянутого калмыка; к нему меня привел, ради моего друга, пристав калмыка, при условии, что я никому не буду говорить об этом. Мы пришли с товаром, чтобы пристав, в случае обнаружения нас, имел оправдание; это были украшения, серьги. Двор Тайчжи охраняется караулом, никто не может прийти к нему без этого пристава; Тайчжи — человек очень некрасивый, коричневато-желтый, с плоским широким лицом, лоб у него высокий, черные волосы, сзади коса. Он протянул нам руки, посадил нас и сразу собственноручно подал нам два раза чашу. Его уже одели по-русски. Речь его звучит очень странно: клохчет, как индюк, а когда внимательно прислушивается к разговору, то храпит, как свинья. В комнате, где мы сидели, стало очень жарко; он **[125]** снял шубу, обнажил грудь и бесстыдно чесался при нас; его тело и лицо в прыщах, как у ощипанного гуся. Этот

правитель, который у себя на родине может привести на поле боя 30 тысяч человек, теперь был предан своим дядей и с его коварной помощью вывезен русскими из своей страны во время боя. Здесь его держат как пленного; он же, говорят, предлагает царю все, что у него есть, за что будет пожалован титулом князя-царевича. Может быть, он примет русскую веру, иконы уже висят в его комнате, он уже умеет креститься, и тогда он станет русским придворным, подобно другим крещеным татарским князьям. Калмыки, которые, как сказано выше, третьего дня ехали ко двору, это люди из его народа; они могут (как мне передали) собрать 10 тысяч человек против Крыма, и Тайчжи думает, что будут обсуждать и эти его дела. Тайчжи — это его титул, что означает как бы главный управитель; его имя — Йалба, а Доис — имя его отца. Прежде он имел другое имя, но он все время болел и, считая, что причиной болезни является имя, переменил его. На некоторые вопросы он отвечал, что еще молод и мало что слыхал. "Наша страна, — сказал он, — простирается до страны Могола", думаю, что он имел в виду хана [Монголии], а эта страна простирается до Китая; сказал, что его отец и дед с этим же Моголом были в Китае; он кое-что знал о Китайской стене и слыхал, что туда приезжают такие люди, как мы. Несомненно, это были португальцы; спросил, бывал ли я там и был ли в степи. Тогда я охотно расспросил бы его о дороге, но из-за русского не посмел. Он показал мне свою местную письменность в продолговатой молитвенной книжечке, тщательно написанной;

они читают и пишут, как у нас. Затем показал мне еще другую книжку, тунгусских калмыков, по содержанию подобную первой, но письмо имело совсем другой вид и читалось справа налево. Странно, что толмач, который хорошо понимал его язык и отчетливо слышал, как он читал, не понял содержания книги; он завернул свои книжечки в платок и обмотал их лентой, очень крепко, крест-накрест. Бумага похожа на ту, которую привозят из Турции. Под его правой рукой висела на кожаном ремешке коробочка, где он хранил свиток своих молитв, **[126]** который ежедневно вынимал, и, держа в руках прямо перед головой, стоя на коленях, 9 раз кланялся до земли. Он хотел узнать у меня, как мы молимся Богу. Я показал: сложил руки вместе и стал на колени. На мой вопрос о его вере он ответил, что молится Богу, который наверху; не знал он ни о Христе, ни о Магомете. У него были с собой странного вида четки, в виде мелких бусинок, по которым он отсчитывал молитвы Богу. У них имеются монашки и монахи, если их можно так назвать, но нет монастырей, так как там ни у кого нет домов; один из самых важных их обычаев, который они соблюдают, состоит в том, что те [монахи] отрезают косу. Женщины и мужчины одеты одинаково.

Когда они женятся, то жен покупают за лошадей: кто больше даст, тот ее и получит. Каждый берет столько жен, сколько хочет, и может отпустить их, но тогда уже женщины не могут [вторично] вступать в брак. Когда я спросил, как же они

потом кормятся, он сказал, что они тогда делаются блудницами. Свадьба у них состоит в том, что поп их благословляет и торжественно призывает к согласию. У великого хана одна вера с ними [калмыками].

Тайчжи сказал приставу, что хотел бы, чтобы его собратья, приехавшие теперь сюда, пришли к нему, но русский его обманул, сказав, что он [Тайчжи] пожалован очень многими рублями, те — гораздо меньше, поэтому они не могут его посетить. Самое смешное из всего — это его жалоба приставу, что больше он не может обойтись без женщины. Пристав резко ответил, что к нему никого не пустят. При расставании Тайчжи взял нас за руки, так же как при нашем приходе; он дружески просил, чтобы завтра мы снова пришли. Это и я хотел бы, но не смог.

6 марта.

Приставы пришли с приказом, что наш вестник [200] может получить для Их Высокомогуществ грамоту и уехать; этого посол и требовал, но русские неохотно пошли на это, так как не собирались признать за правительством Нидерландов и правильный титул. Корбет сразу поехал в приказ; приняв **[127]** грамоту, он сказал, что не сомневается, что она написана как подобает, он покажет ее послу и с ним обсудит. Он велел везти ее перед собой на лошади, а сам сел в сани одного сотника на почетную сторону. Сразу принесли теперь и подарки царя: для него [Корбета] — один тиммер [от 40 до 60 шкурок]

подкладочных соболей, 4 соболя для его юнкера и 2 — для переводчика и слуги. Когда посмотрели грамоту, то увидели, что обращение старое: "Почетным регентам Нидерландии и Голландии" и две строчки [текста ответа] написаны внизу. Печать царя и весь его титул были на обратной стороне листа. Не медля, посол вызвал приставов, и, когда они появились, начались споры. Посол сказал, что очень удивлен подобной надписью, она не направлена Их Высокомогуществам и только Его Царское Величество отказывает в том, в чем не отказывает ни один монарх или страна, и если царь сомневается во власти Их Высокомогуществ, то он [посол] готов это показать и доказать, но такое обращение не смеет принять, это стоило бы ему и вестнику головы, и чтобы царь никогда не посылал таких грамот или послов с подобными верительными грамотами — ни грамота, ни посол не будут приняты; если такое обращение и принимали раньше, то это делалось лишь для поддержания дружбы. Пристав сказал, что жалеет посла, так как знает, что пока ничего не может быть изменено и что посол вводит новшества. Он, однако, не сомневается, что царь пожалует Штаты требуемым титулом при отъезде самого посла. А сейчас дать вестнику то, о чем так долго спорили, было бы бессмысленно. Однако он обещал все передать и завтра принести ответ, что и было сделано. Ответ был таков, что царь не желал изменить что-нибудь в этой грамоте, и если курьер не возьмет ее с собой, то ничего хорошего посольство не добьется. Русский сказал еще, что

посол был первым, кто отказывается от послания Его Царского Величества. На это посол ответил, что царь может делать что хочет, но что он отправит курьера без этой грамоты, которую пошлет обратно царю. Русский сказал, что она не будет принята. **[128]**

Ничего нельзя было поделать, и посол решил и обещал сохранить эту грамоту с надлежащим почетом, после чего он немедленно в почетном конце комнаты положил подушку, накрыл ее шелковой тканью, а на нее поместил грамоту со всем уважением и почетом. Здесь требуют с особым уважением относиться к написанному от имени царя, и эту грамоту нельзя класть на непристойное место или носить ее за поясом. Кто в присутствии посла сделает ошибку при произнесении имени царя, того лишают головы, кто ошибется при написании его имени, того лишают руки. Никто не смеет сесть на письмо, где стоит титул царя. Поэтому русские и наши немцы всегда носят свои прошения на груди.

7 марта.

Я посетил митрополита из Газы [201], который прислан сюда иерусалимским патриархом, чтобы помочь решить церковные споры. Это старый почтенный человек. Он одет по греческому обычаю, носит очень длинную бороду, белую от старости. На груди у него висит маленькая коробочка, знак его ордена и духовного сана. Когда он выходит, перед ним несут его посох. Он пользуется у царя большим, уважением. Это

человек большой учености, хорошо говорит по-латыни, а также на древнегреческом языке. Он сидел, окруженный старыми теологическими книгами, угостил меня вареньями, пирогами и водкой. Мы беседовали с ним об армянских, греческих и грузинских христианах. Он долгие годы жил в Риме у иезуитов, путешествовал по Германии и другим странам. Сперва он серьезно думал, что мы купцы, как мы и притворились. Но, когда выяснилась моя причастность к послу, я извинился за притворство: это ведь произошло из страха перед русскими. Тогда он нас еще любезнее пригласил навещать его, чем мы доказали бы ему нашу дружбу. Он проводил нас к выходу, сам, по их обычаю, идя впереди нас.

После полудня я поехал за город. Посмотрел двух огромных медведей из двух царских домов развлечений, принадлежащих один царевичу, а другой — царице. Это **[129]** деревянные дворцы, весьма внушительные здания, большие и, несомненно, красивые. Охотничий и соколиный дома я тоже посмотрел, но только снаружи: иноземцам не разрешается войти внутрь.

9 марта.

Два дня спустя пристав пришел от имени царя и просил посла показать письма от других монархов мира, в которых те титуловали бы Их Высокомогущества упомянутым титулом. Но посол не смог их показать.

В тот же день наш шталмейстер был предательски смертельно ранен двумя ранами. Преступник был

схвачен, по обычаям страны ему отрубили пальцы ног, заковали в цепи, и вскоре он будет отправлен как ссыльный в Сибирь.

10 марта.

Господин Корбет, еще в санях, отправился на родину; большинство из нашей свиты проводили его за ворота. В тот же день сюда привезли 300 саней с пленными татарами, на каждых санях сидели 4—5 человек. В эти же дни уехал также и польский посланник, и тогда многих из знати посадили в башню за то, что они при его отъезде не приоделись в лучшие одежды. Я также видел, как один крестьянин по неосторожности около лавки икон удовлетворил свою естественную потребность и был крепко избит кнутами; .его заставили сунуть эту грязь за пазуху и целовать это место.

11 марта.

Приставы просили посла, если у него есть еще какие-то дела к Посольскому приказу, не откладывать их, а подавать.

Я снова посетил, теперь вместе с нашим пастором, митрополита из Газы. Он много рассказывал нам о положении его церкви. Сказал еще, что не знаком с нашей верой, так же как мы не знакомы с его верой, почему и пожелал, чтобы мы осведомили друг друга. У них исповедуют старое **[130]** греческое, т.е. Восточное, учение о крещении и в церковных церемониях и в быту. Они предпочитают лучше умереть, чем даже в

мелочах отступить или изменить что-либо в своем учении. Это из-за опасности турецкой веры, которая легко могла бы отвлечь их от своей собственной. Они не верят в чистилище, но молятся за умерших, так как считают, что в раю и в аду есть лучшие и худшие места. Иконы они почитают в память изображенных на них святых, мысли которых пробуждали души [202]. Они считают, что Святой Дух от Сына не исходит, они признают решения всех церковных Соборов [203]. Он показал незнакомые нам разные греческие книги; они написаны на греческом языке: как на древнем и среднем, так и на современном. Короче говоря, он открыл нам всю их религию. Русские, говорит он, имеют с ними одно богослужение, немного отличаются лишь внешние церемонии. Русские не считают армян христианами, однако армяне читают проповеди, здесь же никто этого не умеет [204]; эти [русские] крайне суеверны, те — нет. Русский рассчитывает на блаженство с помощью добрых дел, а армяне к тому еще — и веры. Русский простой человек думает, что иконы — это сам Бог, и поэтому он обязан оказывать им божественный почет, а он [митрополит] понимает это иначе, и т.д. Одним словом, греки понимают свою веру и по ней живут, хотя это та же вера, что и у русских.

13 марта.

Приставы неожиданно, без предупреждения, пришли к послу. Царь соизволил немедленно пригласить посла на совещание. Посол сильно удивился, так это было неожиданно, поспешно.

Сказано — сделано. Подали лошадей и сани, и мы отправились наверх по старому обычаю, кроме того, что теперь стрельцы не стояли на пути, а только во дворе и то прибежали туда очень беспорядочно; они извинились, что не могли так быстро их собрать. После многих окольных разговоров и длительных споров они спросили, не имел ли посол поручения предложить посредничество между Польшей и царем, на что посол прямо ответил отрицательно. Это **[131]** было бы, продолжали они, приятно царю и не только ему, но и полезно всей коммерции. Они думали, что нидерландский посол таким посредничеством мог бы дать царю доказательство друужбы. Это была только просьба, и так как посол не имел такого поручения, то скоро разошлись. Правда, это предложение было сделано чрезвычайно осторожно и вежливо.

14 марта.

Я верхом объехал вокруг всего города; притом что лошадь дала быстрым шагом, это заняло целых три часа; два раза переехали реку Москву, а Неглинную и Яузу один раз. Вал [Кремля] очень запущен, частокол из бревен упал. С одной стороны видны несколько неупорядоченных бастионов из земли, с другой стороны много деревянных башенок, а с третьей — вал, но это плохой бруствер. Вокруг него идет канава — сухой ров.

15 марта.

На следующий день, когда пришли приставы, я просил разрешения снаружи осмотреть железные рудники. Они ответили, что это не маленькое дело, но при случае доложат об этом царю. Насколько ревнивы эти люди, ведь все эти рудники открыты и обрабатываются иноземцами.

Когда они услышали, что у меня в комнате были гости, они сказали мне: "Ну, Николай Корнельевич, как это вы так жадны, что и нас не пригласили?" И это всерьез! Какая вежливость! Я, едва зная, что на это ответить, извинился, якобы думал, что у них пост, но что я всегда готов накрыть стол для них у себя в комнате, когда только они пожелают.

17 марта.

17-го здесь руками палача были казнены примерно 120 человек, кроме тех, которые кнутом или иначе были наказаны. Одного, я видел, сожгли заживо. Это был монах, который обокрал свой монастырь, и, как русские сказали, он и **[132]** колдовал своим крестом. Здесь был сложен костер в виде домика из квадратно уложенных друг на друга бревен; вокруг и внутри "домика" полно соломы, примерно на два фута высоты. Страдалец влез туда наверх сам, свободно, ничем не связанный, перекрестился на все четыре стороны и сказал присутствующим — "прости" (прощайте). Затем палач поднял одну или две балки, и монах прыгнул внутрь, а над его головой сдвинули балки. Как только палач слез, зажгли солому с четырех сторон одновременно, так что

"домик" сразу вспыхнул. Монах крикнул только раза два, заметался в огне и задохнулся от дыма. Это было ужасно, через щели видны были муки страдальца. Размер этого "домика" был примерно 12 футов в квадрате, немного выше человеческого роста.

На том же месте у двух-трех человек были отрублены руки и ноги, а затем голова. Одни потеряли руки, другие — ступни; жуткое зрелище. Ничем не связанные, они ложатся на землю и кладут голову, руки или ноги на два бревна. Затем подходит палач с маленьким топориком и отрубает сперва руки и ноги, а затем голову. Тот, кто читает приговор, это простой писец, он стоит на скамье, без всякого караула и стражи. Здесь же прибавилось еще третье исполнение [приговора]: одного человека повесили на высокой виселице. Как покорно подымаются эти люди, когда их собираются пожаловать петлей! Все не связаны, сами идут наверх к палачу, который набрасывает им на шею толстую лубяную петлю и, после взаимного целования, вздергивает их. Не успеешь оглянуться, и дух уже вон, без всякого труда палача. Они крестятся, пока руки двигаются. В другом месте я видел еще двоих повешенных, у которых отрубленные руки и ноги были пригвождены к виселице. Еще в одном месте женщине вырезали язык. В общем, то здесь, то там вешали, обезглавливали и т.д. Кнутом бьют, прогоняя по улице. Странно происходит тут правосудие: люди едва за два часа до смерти

узнают, что умрут. Потом приходит поп, который их кое-как благословляет, с ним же они едут в санях к месту казни. Приговоренный держит в руке горящую свечу; каждый, кто хочет дать милостыню, покупает ему у священника восковую **[133]** свечку. Когда он уже мертв, эти свечки горят для него, затем их гасят и собирают. Кто хочет, бросает на тело один-два пятака для жены и детей; пока я стоял около виселицы, пришел ребенок повешенного просить милостыню. Да, жены и дети часто наблюдают это правосудие.

Эшафотов здесь не употребляют, только скамьи, на которых стоит писец с двумя помощниками, и перед ними без особого труда происходит казнь прямо на улице. Мертвые тела бросают в ямы за городом, где раз в год над ними служат панихиду и поминают их.

Еще одну женщину осудили быть заживо закопанной в землю. Она была виновна в смерти мужа, и таково было наказание за это. Напротив, того, кто сломает жене шею, даже не бьют кнутом. Наказания преступников здесь очень жестокие и неправомерные: нюхателям табака разрезают ноздри, пьющих вино и покупающих его из запретных [не казенных] кабаков бьют кнутом. Кто описку сделает в титуле царя, хотя бы в одной букве, того лишают руки. Кто неуважительно прикоснется к иконе, лишается жизни или ссылается, если это русский, а немца либо лишают жизни, либо обязывают совершить обряд перекрещения. Кто стрелял в ворону, сидящую на крыше церкви, того бьют кнутом.

Кто-то стрелял вблизи помещения царя, это стоило ему правой руки и левой ступни. За разные преступления лишают человека глаза, носа или уха, разрезают щеки или лоб. Должников бьют по голеням. Кроме того, что сжигают людей, их бросают живых и связанных в огонь для пытки и оттуда вынимают. Кто имел дело с коровой, того привязывают к ее рогам за мужской член и так кнутом гонят по улицам. Самое обычное наказание — это ссылка в Сибирь, куда попадают тысячи. Если муж совершает преступление, за которое его ссылают, то жена и дети должны отправиться с ним.

В тот же день, когда происходила эта трагедия, один изверг из нашей свиты отрубил, тоже одному из наших, нос, так что тот висел, держась только за маленький кусочек кожи.

17-го посол вызвал приставов очень рано и просил доложить, что считал бы несправедливым, если англичанам **[134]** возобновят привилегию, против нас направленную, по которой только они могут вывозить вар [деготь для судостроения]. Эту просьбу в письменном виде они взяли с собой, чтобы передать царю. После полудня они вернулись с известием, чтобы посол приготовился завтра попрощаться с царем. Это звучало странно для ушей посла, так как он еще не получил ответа на свои предложения. "Это вы можете получить потом", — сказали они. Посол спросил пристава, на каком языке будет получен ответ и, если на русском, то потребуется время для перевода. И еще сказал, что нигде в мире так не

обращаются с послами, что это против всякого разума и справедливости, что он чувствовал себя во власти царя, но чтобы пристав знал, что посол прислан от суверенного государства, которое он представлял. Пристав сказал: "И не гневите нашего царя". Они, видно, были очень недовольны тем, что посол так резко отказал им в просьбе о посредничестве; князь Юрий Алексеевич Долгорукий [205] поэтому и сказал: "Зачем нам дольше задерживать посла? Он получит наш ответ на свои письма, раз он нам так резко отказал", и т.д.

18 марта.

Пристав пришел сказать, чтобы посол явился завтра, т.е. 19-го, пред глазами царя для прощания. Ну как это странно звучало для нас, когда еще не был получен ответ. Однако это должно было произойти, и мы слышали теперь, что почти готовы все ответные грамоты Генеральным Штатам со старыми надписями.

Сегодня на Илью Даниловича было наложено сделать 800 земных поклонов во дворце [206].

19 марта.

В упомянутый день, в 10 часов, приставы пришли к послу, чтобы проводить его к царю для прощания. С ними была карета для посла с шестью дымчато-белыми лошадьми и обычные белые лошади для свиты. Приставы тут же присоединились к послу и усадили его в карете с правой **[135]** стороны, чему посол был удивлен,

так как по своему рангу старший пристав никогда не хотел ехать с ним и всегда сажал его в санях в середине. У них высшая почетная сторона — это первая с правой стороны. Стрельцы стояли в большем числе, чем прежде.

Когда посол пришел наверх, думая, что идет к царю, как думали и сами приставы, то оказалось, что его подвели к комнате совещания, где уже собрались дьяки. Перед первым залом по обычаю произнесли титулы Его Царского Величества для приема посла Голландско-Нидерландских Штатов. Затем подошел один дьяк, который проводил посла в комнату совещания. Там он снова произнес титул и сказал, что Его Царское Величество велел этим дьякам (он перечислил их имена и титулы) вести переговоры. После рукопожатия все сели: посол с одной стороны стола, три дьяка в высоком конце, Алмаз против посла, писцы и толмачи стали вокруг.

В переднем зале, где находились дворяне, сейчас было полно дьяков [секретарей приказа] и гостей в великолепных казенных одеждах и в высоких шапках. Они сидели и болтали, как у нас крестьяне в трактире; жесты такие же: один сидит на скамье, другой на ней лежит, а третий подбрасывает свою шапку. Друг друга называют блядиным сыном или сукиными детьми, наваливаются один на другого, сидя просто рядом на скамьях; их было около 40 человек. И беседы их не лучше: у меня спросили, когда начнется морской бой между нами и англичанами, граничит ли наша страна с Англией, воевали ли мы с ними

на суше и т.д., и другие дурацкие вопросы.

Между тем на совещании с послом дьяк произнес титул посла и сказал, чтобы он теперь с царем прощался, что ответная грамота готова, но с обычным титулом, за исключением одного слова. Если раньше писали "От светлейшего...", так царь пишет и своим князьям и рабам, и это словечко "от" является знаком собственности, то теперь оно было опущено и написано: "Мы, светлейший... почетным регентам Голландии и Нидерландов" [207].

Посол, однако, отказался принять такую грамоту, дома это стоило бы ему головы, так как выходило за пределы **[136]** полученной им инструкции. Посол сказал, что находится во власти царя, который может делать все, что хочет, но он считает странным отказ русских, потому что никто не делал из этого спорного вопроса, а что Штаты действительно "Высокие и Могущественные", он готов доказать тем, что лучше ему уехать без всякой грамоты. Они сказали: "Вы ищете немилости царя, и вы ее получите отказом. Никогда ничего подобного не случалось с нашим Великим Господином; знаете ли вы, где находитесь? И до сих пор, Ваше Превосходительство, никогда такого не требовали и даже против словечка "от" не возражали. Если приедете домой без грамоты, то это не будет вам к выгоде и не будет одобрено у нас. Может быть, царь и признает для ваших Штатов этот титул, когда его послы к нам приедут; ну какую же услугу вы нам оказываете? Разве мы не за деньги

вывозили оружие из вашей страны? Разве мы прежде не дарили тысячи фунтов селитры вашим регентам?" [208]

Они хотели передать царю все здесь сказанное, на что потратили полчаса. Вернувшись, они сказали, что посол не увидит больше очи царя и может уехать без грамоты. Посол ответил, что, к сожалению, не может принудить царя и что он говорил только по поручению; он возражал против столь странного обращения с людьми, которые считаются друзьями царя; такое нигде в мире не слыхано, чтобы отправить посла, не дав ответа "ни да, ни нет". На это они обещали, что посол еще до отъезда получит письменный ответ. Посол прибавил, что ему лучше быть в немилости царя, чем в немилости Их Высокомогуществ. "Вот что, — сказали они, — хотя турки или римский император дают вашим Штатам эти титулы, наш царь сам себе господин, делает, что он хочет, и не применяется ни к кому, а вы, очевидно, хотите его принудить". Посол это отрицал, он только просил, а теперь все предоставляет воле царя; он знает, что царь самодержец, но здесь, а не у нас; мы, правда, называли царя, по его просьбе, великим князем Литвы, хотя он ею не владел.

Итак, мы должны были вернуться, и нам не была оказана честь взирать на ясные очи царя и получить пищу с его стола, который был уже готов. Посол сам открыл дверь и **[137]** ушел, не попрощавшись. Русским он сказал еще, что у них, наверняка, давно не было посла, с которым бы так плохо обращались. Его Царское Величество

хотел навязать его хозяевам бесчестие, на что не имеет власти.

Мы прошли через церковный подъезд, где стояла группа греческих священников с подарками для царя. Это были весьма искусные изделия красивой резной работы по дереву, одна очень древняя книга, много икон, святая земля и резная работа с изображением страданий Христа — Страсти Господни; все эти предметы связаны с богослужением.

Очевидно, царь был сильно разгневан на нас за то, что ему, как выше говорилось, отказали и не предложили нашего посредничества в мирных переговорах, о чем некоторые из наших купцов уговаривали царя — о желательности этого посредничества. Еще я думаю, что кое-кто из зависти рисует наши военные дела в мрачном свете, говоря русским, что англичане теперь съедят нас целиком без остатка. А шведский комиссар Адольф Эберс наговорил русским, будто ему неизвестно, что другие страны признали титул "Высокомогущественные" за Генеральными Штатами. Это он мне в пьяном виде сам рассказал.

Действительно, если бы дороги были сколько-нибудь годны, мы должны были бы через три дня уехать. Нас уверяли, что если бы мы не попали в немилость царя, то сегодня он нас угощал бы в своем дворце; послу угрожали, что о его поведении сообщат. Во время упомянутого совещания посол сказал, что не *может* принять

подобную грамоту, а перевели, будто он сказал, что не *хочет* ее принять, что здесь звучит весьма обидно. Поэтому они и были сильно разгневаны; после, однако, все было выяснено.

20 марта.

Посол, сказавшись больным, попросил приставов к себе и сказал им, что дружески просит о скором прощании и окончании дел; он сожалеет, что столь неприветливо был принят и что приехал в эту страну; очень просил передать это царю, что приставы обещали сделать.**[138]**

Я узнал теперь, что все, что у нас во дворе случалось или было сказано, даже те слова, которые посол говорил за столом, передавались выше. Никто к нам не приходит, чтобы об этом не узнали; это делают толмачи, они либо сами слышат, либо узнают от слуг, которые стоят за столом. Я видел много доказательств этому: так, мне предложили, что расскажут все, о чем мы говорили несколько дней назад за нашим столом, даже и то, что было сказано накануне. Предметом разговора был, мне кажется, Юпитер на небе, который казался довольно крупным; этот тупица русский принял это за комету и предсказал из этого явления многое к своей выгоде.

23 марта.

К послу пришел дьяк Лукиан Тимофеевич Голосов [209] и сказал, что царь разрешил дать Штатам Голландии и Нидерландам требуемый ими титул, но что пока еще в ответной грамоте будут

придерживаться старого написания. С первым послом, которого царь пошлет, привезут новый титул, а сейчас его не дают, чтобы не казалось, будто посол принудил царя к этому. Кроме того, он сказал, что в скором времени посол предстанет пред ясными очами царя, получит на все положительный ответ, ибо теперь он опять в милости у царя. Посол опасался, что посольство пришлют не скоро [в Голландию]. На это дьяк сказал: "Скоро". Раз такова воля царя, ответил посол, то с неправильной грамотой он мог бы привезти и правильную и тем быстрее закончить дела. Дьяк обещал все передать царю; этот господин был очень вежлив. Очевидно, как велика была недавняя немилость, так велика казалась теперь милость. Все хорошо, прекрасная погода!

Может, и не так уж удивительно, что русские столько спорят о титуле "Высокомогущества" Голландским Штатам. На их языке такое название дается разве только Богу; они не называют так и своего царя, так что этот титул кажется им очень странным. Упомянутый дьяк очень хорошо говорит на латинском языке, поэтому его здесь называют латинским **[139]** дьяком, и он единственный, кто в этой большой стране занимается латынью и приобрел в этой области ученость, кроме белорусов [украинцев]; у тех кое-где встречаются ученые. В Киеве имелась хорошая Академия [210], поэтому некоторые из тех, кто жил в Киеве, а также бывшие в Польше в плену понимают и говорят немного по-латыни.

В тот же день шведский комиссар посетил посла, чего раньше он не мог сделать; даже генерал-лейтенанта царской армии голштинца Баумана не допускали к нашим воротам.

В этот же день я узнал от двух-трех русских из самых знатных, как они обиделись за то, что Их Высокомогущества дали привилегию своим торговым компаниям плыть в Китай через Вайгач: "Ну разве вам мало того, что вы пересекаете все моря? — сказали они. — Вы хотите посетить еще и земли царя? Царь вам в этом помешает" (боятся за Сибирь), и т.д. и т.п.

24 марта.

Посол через пристава просил ответа на свою памятную записку, скоро начнутся религиозные — пасхальные — дни, во время которых он мог бы заказать перевод и проверить его, а также дать свой ответ, если что неправильно. Приставы дали несколько менее грубый ответ; они считали, что посол, получив вчера хорошие вести, снова находится в милости у царя. Посол сказал, что он не знает ни милости, ни немилости, что ничего не справедливого он не говорил и не требовал и что вчерашнее было не так уж хорошо, могло быть лучше, и т.д.

В эти дни мы опять услышали, что царь и его люди сердились на Его Превосходительство [посла] за то, что он отказался от посредничества, и еще за то, что в некоей памятной записке он сказал: "Если этого не произойдет, то мои Высокомогущественные

Господа будут вынуждены поступать в этом деле по их усмотрению". Речь шла там о привилегии, которую русские предоставили англичанам на вывоз вара. Еще нам сказали, что польский посланник недавно высказался или проговорился, что если бы мы им предложили **[140]** посредничество, то они не отказались бы от него и это было бы приятно.

И сегодня многие знатные, впавшие в немилость, были высланы в Казань и Сибирь.

Примерно в это время отправился отсюда в Псков воеводой один из наших дьяков, Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин, так что с нами теперь остались только князь Иван Семенович Прозоровский, Иван Афанасьевич Прончищев и дьяк Алмаз Иванов.

27 марта.

Посол отправил секретаря в Посольский приказ с просьбой закончить текущие дела, но получил ответ, что посол может не грустить: до Пасхи он все равно не получит ответа.

Сегодня я узнал, что [ногайские] татары восточнее Казани во многом схожи с евреями; несомненно, это когда-то вывезенные племена [евреев], сохранившие старинные обычаи: они не едят свинины, совершают жертвоприношения по древнему обычаю, их жрецы получают десятину, правосудие проводят таким же образом и так же становятся "нечистыми", совершают обрезание, имеют по древнему обычаю скинию [211], у них

тоже в обиходе псалмы Давида и книги Моисея, да они и говорят, что происходят от евреев. В Крыму живут такие же люди, они убежали от тех же, и у них тоже наблюдаются остатки иудаизма; это рассказал нам один из их рода, который здесь на службе.

27-го был день рождения царя. Ах, с каким великолепием его празднуют! Все были в самой лучшей одежде, так же были убраны лошади. Колокола звонили по всему городу. Для богослужения царь с большой пышностью отправился к одному монастырю; всё было занято вооруженными солдатами, каждый держал в руке маленькую палочку. Перед ним [царем] ехали самые знатные, такие как Алмаз, князь Прозоровский, каждый в отдельных санях; большинство с непокрытой головой, что здесь у знати в обычае, хотя еще так холодно. Впереди ехали епископы и митрополиты, по пути они всех благословляли. Прямо перед санями царя несколько **[141]** знатных ехали верхом, вокруг них шли стрельцы, одетые в белое. Лошадь царских саней вели дворяне; она была пышно убрана перьями, соболями и попонами из золотой парчи. На царе была высокая черная лисья шапка, кафтан камчатого шелка, украшенной драгоценными камнями; четыре красивых, молодых князя стояли на полозьях царских саней; двое, стоящих на запятках, держат полость, которая наполовину прикрывает его. Все четверо, повернув лицо к царю, стоят неподвижно, как изваяния, не смея

шевельнуться. Другие шесть или восемь господ следуют верхом, за ними большое количество саней, затем группа невооруженных всадников. Сложенными руками царю протягивали челобитные и, если он прикажет, их принимают. Каждый должен, когда царь проезжает мимо, бить челом, что и мне пришлось сделать. В церквях, полных людьми, молились за жизнь и здоровье царя. Перед его санями несли несколько предметов, которые используются в церкви, такие как кресло, ножная скамья, ковер, чтобы стоять на нем, и т.д. Всё участие царя в богослужении состоит в том, чтобы стоять перед алтарем, где происходит служба, и время от времени класть поклоны. Он очень набожен: на этой неделе он уже два раза был в церкви. После окончания службы все веселые, и царь жалует многих своим столом и кормом, что досталось и на нашу долю. Когда на часах было 3—4 после полудня и царь со службы вернулся домой, к нам пришел князь Петр Семенович Прозоровский [стольник], а за ним его люди с пищей и напитками; их было 108 человек, и они принесли 64 блюда, 24 кувшина с напитками и бочку пива. С обычными церемониями накрыли стол скатертью; у каждого — тарелка, вилка и ложка, солонка, два позолоченных пустых кувшинчика. Князь сразу дал в руки посла хлеб длиной более 1,5 локтей, наподобие торта у нас. Это хлеб в честь дня рождения царя. Посол и один дворянин сами поставили его на стол. Затем поставили большие хлеба странной формы, это было первое блюдо. Перед тем как сесть, посол просил, чтобы ему не

давали меда и испанского вина, а только русское и французское вино, что ему и обещали. Но когда сели, то они не сдержали слова, оправдываясь тем, что "таковы наши **[142]** обычаи". Короче, мы снова должны были против воли неприлично напиться: пили полными ковшами испанское вино и мед. Когда кувшинчик в 1,5 пинты, который мы все с большим уважением получали из собственных рук [князя Петра], был опорожнен за здоровье царя, то русские выпили за здоровье старшего сына царя, а мы — за Их Высокомогущества. Затем русские выпили за здоровье второго царевича — Федора и после этого белый мед за Штаты Нидерландов и Голландии, а мы — за второго царевича. Но какой же это был неправильный порядок тостов! Мы говорили: "Да хранит Бог надолго жизнь наследника", они же: "за здоровье Штатов", затем "за здоровье посла". Когда посол предложил поднять братину [212], т.е. осушить чашу в знак и пожелание доброго союза и т.д., князь отказался, говоря, что это уже подразумевалось при первом бокале. Это отчасти было и правдой, но на самом деле он отказался потому, что не смеет произнести тост, где имя царя будет вновь упомянуто после того, как пили уже за других, или если тост не был записан в его свитке, который он беспрестанно вытаскивал из рукава, прежде чем заговорить. А когда посол хотел предложить еще какой-то, то это осталось не выполненным, может быть, именно потому, что такого не было в свитке.

Все блюда были приготовлены без рыбы, мяса, масла, яиц, молока [213], однако все разнообразное. Во многие блюда входили горох, изюм, рис, ячмень, растительное масло, лук, чеснок, гречневая мука, были и пшеничные пироги, грибы, сладкие лимоны и т.д. и т.п. Действительно, многое было вкусно приготовлено и — не откажешь — красиво оформлено; были и разные соки и соусы и запеченные в тесте яблоки. Приставы сидели на прежнем месте с правой стороны. Платье на них было из багряного сукна, а те места, где обычно находятся петли, были обшиты жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Так же и воротник, который у нас оценили бы выше 5—6 тысяч рублей.

При уходе приставу подарили большой колоколообразный подсвечник, который он без возражения принял и велел нести перед собой. Смотритель винного погреба, который **[143]** пришел с едой, получил в подарок серебряную чашу, слуги —монеты.

Ночью здесь вспыхнул большой пожар, и много господских дворов сгорело.

28 марта.

В субботу перед Вербным воскресеньем царь по обычаю угощает своих князей и бояр до полного их опьянения, хотя сам он очень воздержан; он подает им чарки, и тогда они должны их осушить, даже если бы это стоило им жизни; теперь он особенно благочестив: стоит целыми ночами в

церкви и бьет поклоны, ест в это время раз в 2—3 дня и то немного, посещает монастыри и подает заключенным подаяния.

Еще в пятницу, перед Вербным воскресеньем, посол тонким намеком спросил, нельзя ли посмотреть великолепное шествие царя в воскресенье. Долго он не мог решиться на эту просьбу, хотя и очень жаждал видеть это; он считал, что русский должен сам предложить ему; я же, чтобы прощупать и выведать, не предложат ли они сами, сказал: "Какое это будет великолепное зрелище — в воскресенье увидеть царя во время церемонии, и как хотелось бы это увидеть". Они ответили: "Дай Бог, чтобы вы это увидели", и т.п. Наконец младший пристав сказал на ухо нашему переводчику: "Если посол желает видеть воскресное торжество, то пусть сам попросит". Это тайно передали послу, и все было сделано.

В субботу, после полудня, пришел Семен Федорович Толочанов, наш старший пристав, передать послу, что царь из особой милости разрешил ему взирать на его ясные очи в Вербное воскресенье; и он обещал заблаговременно уведомить и проводить его.

29 марта.

В Вербное воскресенье утром он, очевидно, несколько ошибся во времени, прибежал в большой спешке и хотел, чтобы мы сразу поехали с ним, а так как карета еще не **[144]** была готова, рассердился и испугался, сказав, что если

мы не поторопимся, то ему угрожает немилость царя. Мы поспешили к назначенному месту. Мы стояли у стены Кремля, близко от высокого полукруглого помоста, на который поднялся царь. Здесь же стояли две большие пушки, покрытые красным сукном; внизу — лавки и погреба. Царь ушел уже из дворца и находился в Иерусалимской церкви [214], где он присутствовал на богослужении в течение примерно получаса. В эти дни полагается, чтобы царь принимал причастие вместе с верующими. Он отправился в церковь с целой процессией, а затем с нею же к упомянутому помосту, где происходила церемония. Часть духовенства — митрополиты, епископы — шла впереди, часть — позади царя. Кресты, хоругви, иконы, книги и много церковной утвари несли впереди. Каждого митрополита вели два человека, так же и царя. Прямо перед ним шел митрополит из Газы, одетый роскошнее всех: на его голове была золотая митра, риза без рукавов из золотой и серебряной парчи расшита жемчужинами и бриллиантами. Позади шли самые знатные, все одеты в богатое платье, украшенное драгоценностями из жемчуга и бриллиантов. Вокруг шло много попов и монахов, все с пальмовыми ветками в руках; мне кажется, что это были ветки ивы с почками. Царь был в золотой короне, наверху которой — крест из бриллиантов. Вокруг шеи — воротник сплошь из драгоценных камней, полагаю, в 60 тысяч рублей; говорят, что его мантия из золотой парчи весит два пуда, т.е. 80 фунтов. В правой руке он держал скипетр, не менее ценный. Под звуки

пения он поднялся на помост, покрытый коврами. В середине стоял аналой, на который положили Евангелие в переплете, отделанном золотом, и с золотой застежкой. Помост был тот самый, на котором стоял царь, отправляясь в Ригу [в 1656 г.]; он получил благословение патриарха, когда служил ему аналоем [215]. Здесь дежурили 5—6 самых важных священников, пока царь находился еще в Иерусалимской церкви; все время они крестили друг друга и целовались.

Все стали на свои места на помосте. Никто, кроме его преосвященства, царя и тех двух, которые поддерживали его **[145]** под руки, не могли вступить на это священное место. У митрополитов на голове весьма занятные шапочки [митры]. Царь стоял прямо против главного митрополита, который занимал место [отсутствовавшего] патриарха; рядом с ним — греческий митрополит из Газы. Царь три раза перекрестился перед Евангелием и, как только поднялся, отдал свой скипетр и снял корону, которую положили на золотое блюдо; после благословения митрополит дал ему в руки иерусалимскую ветвь [216], затем такие же ветви были вручены сначала митрополиту из Газы, затем архимандритам, епископам и т.д., потом и знатным людям; они подходили к нему, целовали его руку и благословляли друг друга. Когда иерусалимские ветви были розданы, митрополит стал раздавать цветущие ветки вербы, вместо пальмовых; остальные ветки побросали народу. Каждый, кто имел какое-нибудь положение, получал их, также

и солдаты, которые окружали царя. В это же время читали главу из Евангелия на эту тему. Я заметил, что царь несколько раз почесывал лицо и голову, что является привычкой многих русских; один человек около него, которому тоже дали ветку, держал в руке носовой платок. В разгаре представления царь позвал Алмаза, который, по их обычаю издали, получил приказ отправить Лукиана Тимофеевича [Голосова] к послу, чтобы от имени царя справиться о здоровье и обещать "корм" с царского стола. "Бог да сохранит здоровье Его Царского Величества, я здоров", — сказал посол и поклонился, а за ним и все мы. На миг царь поднял глаза на нас. Персы, которые стояли рядом с нами, тоже были пожалованы половиной такого же "корма", как и мы.

После чтения, благословения и раздачи веток настало время привести осла. Двое юношей [217] подошли к столбу, где на привязи стоял осел или конь, весь покрытый белым холстом [218], и сказали его "хозяину", что конь нужен Господу. Коня в течение целого месяца кормили только один раз в день и учили его проходить этот путь медленно, шаг за шагом; в течение последних трех дней его почти совсем не кормили, чтобы он не испачкал дорогу. "Хозяин", после полагающихся вопросов и ответов, отпустил лошадь, и юноши **[146]** подвели ее к помосту, где стоял царь. Лошадь накрыли тремя-четырьмя попонами разного цвета. Получив благословение митрополита, царь сошел с помоста и взялся за длинную шелковую

веревку на шее коня. Его преосвященство [в данном случае митрополит] по приставленной лестнице взобрался на коня и сел на него боком, держа в правой руке крест, а в левой — книгу. Прежде чем сесть, он благословил людей, которые все очень благочестиво кланялись, что выпало и на нашу долю. Солдаты упали лицом наземь и остались лежать в таком положении, пока царь не скрылся из виду. Это было странное зрелище: видеть, как целые полки лежали ниц, покрывая своими телами базарную площадь.

Царь шел на расстоянии примерно одной сажени впереди коня, которого он вел, царя же поддерживали те же двое, <...> [219], также с обеих сторон вели и коня. В процессии шли священники с песнопениями, а за ними миряне; несли кресты, хоругви, горящие кадила, херувимов [220], книги, иконы. Все двигалось в своем определенном порядке; вся дорога от помоста до внутреннего двора дворца была заполнена попами и монахами. Коврами и большими кусками разноцветной ткани был устлан путь, по которому шла процессия; молодые люди, лежащие ниц, придерживали края ковров.

Впереди процессии двигалось сооружение [широкая низкая телега], на котором стояло дерево, а около него и на нем сидели дети, распевавшие Осанну. Срывая с дерева веточки и яблоки, они разбрасывали их. Это сооружение тянули четыре лошади в красных попонах. Шествие двигалось к церкви в Кремле, а оттуда ко дворцу царя. В этой церкви, мне кажется,

служили благодарственный молебен. Теперь царь получает от патриарха, т.е. митрополита, 99 рублей за то, что вел коня. Мы стояли перед всеми этими людьми, и нас спросили, есть ли столько народа во всей нашей стране? Вопрос требует ответа, и я шутя ответил, что мы здесь представляем весь мужской пол Голландии и только женщины остались охранять дома. А мне кажется, что когда в Амстердаме происходит казнь, то людей **[147]** присутствует в полтора раза больше, чем сейчас в Москве.

Когда мы пришли домой, прибыл обещанный "корм" из 64 блюд и, соответственно, напитков. Теперь была рыба, а именно: осетр, очень крупная семга, щука, красная и черная икра, стерлядь, морской язык [рыба косорот] размером, наверное, 2 фута в квадрате, все с разными приправами; были паштеты, пироги с икрой, другие начинены чесноком и луком, большие пироги и печенье из толченой рыбы, которые сильно пахли, грибы в масле, печень, жаркое из осетра. Всю эту снедь привезли три юнкера; они просили, чтобы посол соизволил принять все своими руками, что и было сделано. Старший из них, державший речь, получил серебряную чарку, а двум другим юнкерам, как мы думали, слугам, поскольку они молчали, дали по рублю, но они отказались их принять и ушли недовольные.

Разница между "кормом" и "столом царя" в том, что в последнем случае угощать приходит приближенный царя. Во всех этих сложностях мы должны были сами разбираться. Эту пищу

присылают из трех приказов: один дает выпечку, другой — напитки и третий — рыбу.

30—31 марта.

В понедельник утром молитвенный колокол звонил позднее, так же как и во вторник, чтобы люди лучше отдохнули от прошлого утомительного богослужения.

В последний день этого месяца я говорил с ногайским заказанским татарином и выяснил, что то, о чем выше [221] сообщалось, правда: он сам был обрезан, закалывал овец и ел мясо ягнят, у них есть Библия, и они, как и магометане, считают Христа пророком, верят в воскрешение из мертвых, почитают и Магомета и т.д. Их религия, как я замечаю, это смешение христианства, иудаизма и учения Магомета, от каждого что-то имеется. Они хорошо сложены, у них приятные лица, не такие плоские и желтые, как у других татар.**[148]**

Посол хотел выехать развлечься, но получил отказ, так как сейчас, в пасхальную неделю, неуместно идти к царю с такой просьбой, а без его разрешения это невозможно.

2 апреля.

Вблизи мы видели калмыков, о которых уже было сказано, они были в своей собственной одежде из волчьих шкур,, шерстью наружу; это кафтаны до земли, но сзади высоко подрезаны, чтобы удобнее было сидеть верхом на лошади, шапки тоже из меха, украшенные конскими хвостами; в

ушах — очень большие кольца, с которых свисают кораллы. Вокруг шеи — цепь из мелких круглых бусинок, грудь открыта, ноги и ступни, как сказано выше, очень кривые; они постоянно ездят верхом и поэтому ходят с трудом.

В этот же день Его Царское Величество посетил церковь; из смирения он был плохо одет. Всю ночь с четверга на пятницу он стоит в церкви и бьет поклоны перед иконами, в это время звонят во все колокола; говорят, что он посещает и заключенных, многих отпускает, других одаривает и даже всем полякам [военнопленным] подарил новые кафтаны; еще говорят, что царь послал многим беднякам и монастырям пищу и питье.

3 апреля.

В страстную пятницу я опять видел царя в шествии от дворца к главной церкви [Успенский собор в Кремле]. В этот день торжественно несут иконы, реликвии и особенно — одежды Христа, ради чего, главным образом, это шествие и происходит. Одежду эту все целуют в церкви, реликвии моют, благословляют и освящают. Все главные иконы святых и реликвии, такие как черепа, руки и ноги умерших святых, книги, резные древности, иконы, кресты и хоругви, были взяты со своих постоянных мест и перевезены в собор [Благовещенский], чтобы они там встретились с одеждой Христа и как бы благословили друг друга. Рано утром, в **[149]** третьем часу, началось шествие. Впереди шел

священник, который нес высокую хоругвь с изображением рождения Христа. За ним несли несколько больших крестов и рядом С ними два предмета, наподобие больших медных шумовок (рипиды], с изображением херувимов и серафимов. За ними снова несли несколько крестов; вокруг и впереди шли дети в белой одежде с горящими свечами в руках. Затем следовал главный митрополит, который держал икону, прислонив ее к своему лбу; его вели четыре человека. За ним шел митрополит из Газы, его тоже вели, и он таким же образом нес икону. Впереди несли упомянутую одежду [Христа] и большую икону "Страсти Господни"; перед ней шли двое и кадили ладаном. За митрополитом шло целое шествие монахов, и каждый из них таким же образом нес икону и священные реликвии. За митрополитом и главным духовенством несли их шапочки [камилавки], как признак их сана, среди них 8—10 певчих пели по записям. Все шли с обнаженными головами, даже священники, которые никогда не снимают эти шапочки. Я увидел, что у них волосы на макушке были сбриты; они были в церковном одеянии, но из простого материала. После важных и знатных паломников следовали священнослужители более низкого звания, человек 25, по двое. Они держали над головой золотые ящички [мощехранительницы], похожие на наши ящички для свечей, в них лежали священные предметы. За ними шло еще примерно 30 человек, каждый нес на голове фарфоровое блюдо, говорят, с освященным хлебом. Присутствующие смотрят на

все это с большим благоговением и почитанием, все время крестятся. В это время были слышны все колокола Кремля. Когда все эти были уже в церкви, туда последовал царь со своими приближенными, очень плохо одетый [222], в старом шерстяном кафтане темно-коричневого цвета, сшитом как у священника: книзу заужено, сзади висит кусок ткани; на груди отвороты из простого меха. Он шел с обнаженной головой, волосы не причесаны и повязаны красной лентой, как у нас иногда носят сапожники. Его поддерживали под руки; он держал в руке посох, шагал медленно. Подойдя к двери, он, стоя, два раза перекрестился перед иконой Божьей Матери, находящейся **[150]** над дверью. В церкви они проводят несколько часов за молитвами. Несомненно, царь очень набожен; говорят, что он никогда не бывал пьян, живет очень целомудренно и, кроме того, что он не признает других женщин, он и от собственной жены вовсе воздерживается во время поста; да говорят еще, что и с ней он редко встречается, не более 4—5 раз в году, однако обычно ежегодно получает ребенка. Царь еще и очень щедр и милосерден, русские его почти обожествляют, а иноземцы хвалят и любят.

В Псков тоже ежегодно приходит икона Богородицы из Печоры, но приходит не сама она, а другая от ее имени; она же постоянно находится в глубоком подвале монастыря, куда никто не смеет прийти, кроме священников; вот какая она святая!

Сегодня после полудня я осмотрел царский сокольничий двор, но видел его только снаружи. Это большой красивый дворец, построенный, по обычаю страны, из дерева. Никому не разрешается туда войти, даже русским, кроме слуг, которые ухаживают за соколами. Когда мы попросили разрешения войти туда и предложили деньги, то сторожа сказали: "Сохрани нас Бог от этого, даже если бы вы предложили мешок с деньгами". У каждого сокола — свой слуга, и если с соколом что-нибудь случится, то слуга будет наказан кнутом или палками. Монстерхаус [223] и охотничий дом мы осмотрели тоже только снаружи; последний — тоже очень красивое здание, оно расположено на склоне горы, на берегу реки; это очень большая огороженная территория, с лесом, где водится разная дичь. Для развлечения царя имеется и большой пруд с рыбами. Когда мы спросили сторожей, какие там животные и рыбы, мы получили ответ: "Чтобы ответить на этот вопрос, у нас дня не хватит; почему вы спрашиваете об этом?" Эти люди очень ревнивы и боятся, что выдадут тайну, даже в таких мелочах. Под страхом телесного наказания там запрещено вблизи стрелять; они даже не смеют снаружи разглядывать эти здания или объехать их вокруг, чтобы не вызвать подозрения.

Сегодня я видел еще подобные сады для гуляний, а также места молений, со стоящими в поле крестами. Кроме **[151]** того, я ездил в Марьину рощу [224] — владение князя Якова [Черкасского],

которая служит немцам в Москве увеселительным парком, там есть беседки, стоят столы и скамьи из глины.

4 апреля.

С пятницы на субботу царь снова был в церкви. Утром громко стреляли, радостно отмечая праздник Благовещения [225]. На рассвете царь посетил "могилу Христа", как они говорят [226], и молился в церкви, где происходило богослужение. В этот же день я видел татар со стрелами и луками на плечах; они настреляли целые телеги дичи.

Вечером, накануне Пасхи, я снова посетил персов и с пользой беседовал с ними. Они спросили меня о нашей вере и так же ли у нас говорят, как у русских, что есть три бога, имея в виду Святую Троицу, и как мог у Бога быть сын, если у него нет ни плоти, ни кости? Они посмеивались над иконами русских, говоря: "Ну как же эти христиане считают своим Богом картины [иконы], которые можно разорвать?" Они сказали, что поклоняются одному Богу, а остальные — это его пророки и любимцы, как Моисей, Давид, Соломон, Исайя, Магомет, Али и Христос; им можно молиться не потому, что они боги, а потому, что они любили Бога. Я видел, как они с четками в руках молились Богу, говоря: "Господи, помилуй нас"; сказали, что у них есть священные книги, где описана история, начиная с сотворения мира; земля была создана в воскресенье, и т.д. и т.п. Определенно, эти люди рассуждают хорошо и

довольно разумно.

5 апреля.

В день Пасхи, до полудня, я снова видел царя, роскошно одетого, который с большим благоговением вышел из собора в Кремле, в процессии со всеми своими приближенными. Впереди шла большая группа бояр, за ними духовенство: главный митрополит шел впереди, его вели двое, митрополит **[152]** из Газы следовал за ним, затем еще одно важное духовное лицо и целая толпа духовенства, которая опять несла кресты и священные реликвии, мальчики в церковной одежде шли с восковыми свечами в руках; на небольшом расстоянии следовал царь и часть знати за ним; он был одет в кафтан из золотой парчи, держал скипетр в руке и шел с непокрытой головой. В середине процессии, немного позади царя, шел почти голый юродивый, на нем были только тонкие короткие штанишки и холщовая тряпка, наброшенная на плечи; таких здесь считают святыми, и им оказывают большой почет; их часто сажают среди знати на почетное место за столом, а хозяйке дома велят подавать им водку и целовать их.

Затем царь, в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие — из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремена из серебра или великолепно позолочены, узда и

сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2—3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла да и сами лошади были не менее великолепны.

В этот день есть обычай раздачи яиц, он очень здесь распространен: царь жалует ими своих начальных людей, старших слуг и наших купцов, раздают их и среди народа. Каждый дает другому яйцо, говоря: "Христос воскресе", это значит — Христос восстал из мертвых и целуют друг друга, а кто получает яйцо, тот отдает его, целуясь, другому. Этот обычай означает, что подобно тому, как из неживого яйца происходит живое существо, так и мессия восстает из мертвых. Каждый здесь так делает, и в поцелуе не откажет ни одна, какая бы ни была знатная дама, хотя бы и на улице. Мне тоже случилось целовать многих важных дам: и иноземных и русских девушек. Женщины из простого народа часто кричали нам: "Христос воскрес!" и посылали воздушные поцелуи. Когда посол в карете ехал в церковь, подошел некий князь и поднес ему яйцо с обычными пожеланиями. **[153]**

6 апреля.

В понедельник и вторник посол был в пригороде в церкви, где в последний раз наш пастор читал проповедь.

7 апреля.

Ну какая теперь снова началась пьянка! Кончились святые дни. Улицы были заполнены

пьяными: многие лежали в грязи, как свиньи, без сознания, другие вплоть до рубахи все пропили, отдав все в казну царя; да, мы встречали сани, полные пьяных женщин. Бояре тоже не зевали; они шатались по городу, а многие с трудом удерживались на конях. В пасхальную неделю непрерывно звонят во все колокола; звонить разрешается всем, сколько хотят, в знак радости и ликования. Когда я и еще несколько из наших пошли погулять, один пьяный изругал нас самыми непочетными словами, и мы велели стрельцам, которые шли за нами, вытащить его из дома; стрельцы положили его наземь и в наказание поддали ему бердышом и алебардой, а потом заставили просить пощады и благодарить за милосердие. Да, если бы мы не заступились за него перед стрельцами, его бы наказали палкой и кнутом. Стрельцы имеют здесь большой авторитет в мелких делах, если они кого-нибудь захватят, они сами его и наказывают. Иногда русские дразнят иноземцев, которые живут в слободе на речке Кокуй: "Кыш на Кокуй, поганые!" Если это случается и поблизости есть солдаты, то они сразу могут их отдубасить. Попы и священники в эту неделю ходят со своими святынями, крестами и иконами по домам, благословляют живущих и. не брезгуют угощением и водкой. Мы встретили группы священников, которые, вместо церковных, пели пьяные песни.

8 апреля.

В среду, после Пасхи, генерал-лейтенант Бауман пришел приветствовать посла; он из голштинских

офицеров на русской службе; под его началом, пожалуй, 40—50 человек: капитаны, майоры и подполковники. **[154]**

8 ночь на четверг я увидел на небе комету, на вид размером 16-17 локтей, русские думают, что это означает счастье и мир для них. Царь велел двум людям, которые понимают в естественных науках и небесных телах, сделать из этого предсказание. Они дали очень забавный и сомнительный ответ.

Здесь каждый день сейчас очень хорошая погода: ясная и теплая, но ночью сильно морозит, тихо и совсем безветренно.

9 апреля.

Вместе с нашим пастором я посетил митрополита из Газы. Он много рассказывал нам о вере греков. Когда мы сказали, что радуемся тому, каким уважением митрополит пользуется со стороны царя, около которого всегда может находиться, что его венчают золотым венцом и во время церемоний он во главе священников, он ответил: "Мы вынуждены, хотим этого или нет, идти в ногу с нравами и религиозными обычаями этого народа". Он рассказал нам, что в Вербное воскресенье в присутствии царя читал проповедь на латинском языке для царевича Алексея Алексеевича, супруги царя и других их детей. О проповеди его уведомили только, когда он уже пришел во дворец и их всех благословил. Тема его проповеди касалась сравнения некоей императрицы в Новом Риме [Константинополе] с

Ее Величеством, когда к императрице пришел епископ из Иерусалима, пожелал ей счастья, благословил и поздравил ее с будущим плодом. Этот рассказ он использовал, чтобы сказать, как он счастлив, что сам может видеть ее плод, благословить ее и пожелать счастья и что, хотя он не пророк и не сын пророка, однако он может предсказать ей, что от такого одаренного сына будет только добро и благо. Он наговорил ей еще подобной лести, а нам сказал: "Кто хочет быть приятным великим мира сего, должен льстить им". Затем он обратился к наследнику, благословил его, расхвалил все его добродетели, пожелал ему счастья и по примеру его великого отца быть столь же благочестивым, благословенным Богом, ученым, предусмотрительным и т.д. — все в духе подобной лести. По его **[155]** словам, наследника, которому лет 13—14, очень красивого лицом и телом, еще до сих пор никто из простых людей не видел [227], даже бояре должны были оставаться вне здания [во время этой проповеди]; об этом он просил нас молчать. Рассказал еще, как патриарх обвинил его в том, что он по-волчьи воет с волками, принимает у себя евреев, лютеран и кальвинистов; под последними он имел в виду нас. Очевидно, как бы тайно мы к нему ни приходили, русские все же об этом узнавали. "Правда, — сказал он, — я ведь веду с вами только честные и благонравные беседы по обычаю ученых всего мира — поддерживать дружбу. Несмотря на все, приходите ко мне, как часто захотите", — и сразу же пригласил нас на будущий понедельник; для

себя приготовил письменную защиту от обвинений патриарха, в которой должен был оправдаться за наш приход. Подарил нам, по русскому обычаю, яйца и заодно рассказал о происхождении этого обычая: "Когда распинали Христа, Елизавета принесла в Иерусалим яйца, а они чудом стали красными, как бы обрызганными кровью Христа. С тех пор у греков стало обычаем дарить крашеные яйца и при этом целоваться".

В память Святой Троицы дал мне три яйца и угостил нас роскошным обедом, сказав: "Будем веселы, ибо Христос воскрес". Спросил наши имена: когда я сказал свое, засмеялся: "Вы русский, потому что те очень любят святого Николая, теперь вы вписаны в моем сердце". Он радовался нашим посещениям, потому что никогда не мог или не смел общаться с подобающими ему людьми. Много говорил о добродетелях святого Николая, которым я должен был следовать: "Он покровитель моряков, а вы, голландцы, — моряки и должны его почитать"; очень удивился, увидев кресты на одном из наших рисунков голландской церкви, так как думал, что мы отвергаем всякую внешнюю память о Христе. Но мы его уверили, что мы хорошие христиане, в чем он, по его словам, не сомневался; просил передать большой привет послу и, если только его должность и русские, на чью невежливость он очень жаловался, разрешат, хотел бы сделать ему визит, и т.п. В этот же день я пошел к одной русской даме, поцеловал ее и подарил яйцо.**[156]**

10 апреля.

Рано утром пришли приставы с обычным поручением; когда посол сказал, что намерен завтра идти в гости, они потребовали дать письменно имя этого купца, чтобы показать "наверху" и назначить пристава для сопровождения. Я же тайком и неузнанный отправился в тот же день "наверх" в простой одежде [228] и увидел, как самые лучшие царские мастера, каждый с лучшей своей работой, явились перед царем; преимущество имели иконы, затем серебряные изделия, изготовленные по древнегреческому обычаю, потом оружие: великолепные мушкеты, ружья, пистолеты, стволы, стрелы и луки, латы, головные уборы, ручные ружья, самострелы, ларцы и т.д.

На следующий день царь появился из собора, направляясь к своему дворцу: был день рождения царицы. Несли свечи и факелы, хоругви, кресты и иконы; вместе с царем шло высокое духовенство, все великолепно разодеты; снова рассылались большие хлебы. [См. 27.III.1665 г.]

В полдень посол со своей свитой отправился обедать в другой "двор"; пристав должен был сопровождать его. После тоста за царя русский хотел произнести тост за здоровье царевича, но удалось отговорить его, очевидно, его освободили от обязанности соблюдать этот порядок тостов; зато он не хотел пить теперь из той же большой чарки, из которой уже пил за здоровье царя. Это был последний день пьянки; в эту неделю

остановилась вся торговля, каждый только веселился; теперь все должны снова очищаться [от грехов].

13 апреля.

В полдень, примерно в 1 час дня, по нашему счету времени, царица родила сына: сразу по всему городу зазвонили колокола, что продолжалось около двух часов. Каждый выражал большую радость, все бежали в Кремль, гонцы носились как бешеные по городу, чтобы всем князьям и боярам передать это известие и пригласить их "наверх"; **[157]** каждого, кто первым приносит эту новость, хорошо вознаграждают. Из приказа пишут об этом во все города царской территории, как бы далеко они ни были расположены, и устраивают там праздник, и молятся Богу за здоровье маленького царевича.

Не прошло и часа после появления ребенка на свет, как князь Петр Семенович Прозоровский приехал от имени царя сказать, что царь дал ему имя Семен Алексеевич. Здесь обычай называть детей по имени святого того дня, когда родился ребенок, либо дня накануне или следующего после рождения, какое больше нравится. Крещение происходит позже: крестным отцом будет монах из соседнего монастыря; кто раз был крестным отцом одного из детей царя, будет им и у других его детей. Царю не позволено входить в комнату жены, ибо там "нечисто" до тех пор, пока митрополит ее снова не освятит. Ни один мужчина не должен находиться при родах; Илья

[Милославский] и Алмаз [Иванов] охраняют дверь. За рекой Москвой живут целые улицы купцов и лавочников, которые доставляют Ее Царскому Величеству все необходимое в таких случаях; из жен этих купцов выбирают кормилицу. Князь сказал, что для нас большая милость, что нам так быстро сообщили о рождении ребенка; это действительно так и было; когда он, выпив за здоровье царя и за счастье новорожденного, уходил, ему подарили большой серебряный кубок, который он без возражения принял.

Я опять наблюдал, как царь вышел из церкви, где поблагодарил Бога за разрешение жены от бремени. Он шел с непокрытой головой и с лентой вокруг головы. Из своего дворца он направился к двум монастырям, вблизи ворот замка, чтобы там, отбив поклоны, воздать благодарение и, возможно, дать обет. Перед его приходом обкурили ладаном и благословили лестницы и площадь в монастыре, по которым он должен был пройти. Царь сидел на большом красивом сером коне, увешанном большими цепями из тяжелых золотых или позолоченных серебряных звеньев. Между звеньями кое-где висели прикованные к ним образы орла и святого Георгия. Седло было покрыто красным **[158]** бархатом, расшитым драгоценными камнями, с шеи лошади свисала большая кисть, длиной 1/2 аршина, сплошь из жемчужин и золота. Собираясь сесть на лошадь, царь сперва перекрестился три раза, поднялся по лесенке и

взял узду в правую руку. Когда он слез с лошади, седло покрыли попоной, твердой от драгоценностей. Теперь он был одет в красный кафтан, с ценным воротником, вышитым двумя рядами очень крупных круглых жемчужин; на углах воротника были драгоценные камни. На голове была шапка из соболя и бархата, тоже расшитая жемчугом и драгоценными камнями. На лошади он весьма ловко держался и хорошо правил. По всему городу звучали трубы и свирели.

14 апреля.

Мы посетили греческого митрополита, и он показал нам стихотворение, сочиненное им на греческом языке по случаю рождения Семена Алексеевича; оно касалось святого Семена, который в Персии был убит тиранами, и еще о комете, которая показалась теперь на небе. Русские считают это предзнаменованием счастья, и на это явление он удачно намекнул: "Мы вынуждены льстить великим мира, — повторил он, — хотя я знаю, что эти вестники являются вестниками не добра, а зла".

Еще я видел царя в великолепной карете, когда он ехал из города, где в церкви отслужил благодарственный молебен.

После полудня нас пожаловали пищей и напитками с царского стола, но не "угощением" [229], чтобы мы веселились по случаю рождения царевича. Пища состояла из мяса и выпечки, разных напитков, соусов и супов, жареной дичи,

кусков лося и оленя, лебедей, гусей и журавлей. У них нет вертелов, все приготовляют в духовых печах, так же и хлеб, выпеченный в различных формах. Все шло через руки приставов; посол сам принимал. Вносили пищу и напитки 110 человек; привезли много пустых серебряных чарок, кувшинов, а также чаши и обычные ковши, их **[159]** поставили напоказ у стен комнаты, пока мимо проносили пищу. Из царских напитков посол поднял тост за здоровье царя и новорожденного. Русский [пристав], думая, что тому налили более крепкое вино, вырвал чашу из рук посла и попробовал. Посол подарил смотрителю погреба, который пришел с пищей и напитками, серебряный кубок, а слугам — деньги. Пристав Семен был недоволен, что ему ничего не подарили, и этого не скрывал; да он даже пожаловался на это и, больше того, к вечеру прислал сказать, что недоволен и что сам скажет об этом послу, и у царя наверху не умолчит, что его так обидели: человека ниже его по рангу одарили, а его — нет; и если бы теперь посол захотел ему подарить хоть пуд серебра, он его не принял бы. Но потом он одумался, хотя и видно было, что он продолжает гневаться: он невежливо попрощался, скроил неприятную мину, не мог перебороть себя и как попало нахлобучил шапку. Посол обещал, что на прощание одарит его вдвое больше; пристав все же остался недоволен. Князь Петр тоже ожидал большего подарка за это извещение [о рождении царевича]. О всех подарках заявляют во дворец [230]. Посол спросил, нельзя ли ему самому устно поздравить царя с

новорожденным, как это делают в других странах. Ответ был таков: "Какова воля царя, так и будет". Он [посол] снова просил дать ответ для скорейшего окончания дел.

15 апреля.

15-го посол поехал обедать к Мюльдеру [231], опять в сопровождении младшего пристава. Была среда, у них день поста, поэтому он [пристав] с нами не ел, довольствовался одним русским хлебцем с селедкой и икрой. Они очень строго соблюдают пост, не хотели есть с тарелок, на которых лежал наш хлеб. Когда мы пили за здоровье царя, он пил за здоровье всех трех сыновей царя сразу, чтобы не пить за них после тоста за Их Высокомогуществ. Посол поднял тост за здоровье хозяйки дома; на это он обиделся и весь **[160]** день дулся: "Я хотел выпить с вами за дружбу, — сказал он, — но теперь вижу, что вы надо мной смеетесь". У русских не принято оказывать почет хозяйке, т.е. пить за ее здоровье. Всякий раз, когда мы смеялись, он думал, что смеются над ним.

16 апреля.

Я был на обеде у митрополита из Газы, он угощал нас щедро, по греческому обычаю почти все блюда из рыбы, так как их духовенство воздерживается от мяса. Все было вкусно приготовлено, со многими специями и изысканными соусами; обносили 7-8 раз. Сначала подали конфитюры его страны; четыре вида хлеба в изобилии лежали на столе, каждый взял

себе большие куски; были и хлеб с начинкой из сыра, и разные напитки. Когда начался обед, он произнес "Отче наш" по-гречески и благословил пищу. На столе было много серебра, стоял большой чеканный крест. Митрополит рассказал нам много занятных историй из своей деятельности и о том, как ему случилось быть послом у римского императора от имени трех князей одновременно: Ракоши и князей Молдавии, и каким он пользуется авторитетом у царя, и т.д.

На следующий день снова был большой пожар, несколько дворов сгорело дотла; тушить пожар здесь почти невозможно, единственное средство — снести соседние дома.

18 апреля.

Посол поехал развлечься за город. По пути мы видели, как соколы налетали на чаек и чибисов. Осмотрели и то место, где русские приняли останки своих давно умерших святых из монастыря на Белом море; там стоит большой крест с изображением Христа, часовня и т.п. Недалеко оттуда стоит другой крест, где некий митрополит упал мертвым, когда останки вышеупомянутых святых должны были привезти в Москву [232]. **[161]**

Когда посол сказал, что охотно посмотрел бы зверинец царя, пристав ответил, что не смеет даже близко подвести его туда без разрешения.

20 апреля.

Я посетил Аверкия Степановича Кириллова, первого гостя, которого считают одним из самых богатых купцов. Он живет в прекраснейшем здании; это большая и красивая каменная палата, верх из дерева. Во дворе у него собственная церковь и колокольня, богато убранные, красивый двор и сад. Обстановка внутри дома не хуже, в окнах немецкие разрисованные стекла [витражи]. Короче — у него все, что нужно для богато обставленного дома: прекрасные стулья и столы, картины, ковры, шкафы, серебряные изделия и т.д. Он угостил нас различными напитками, а также огурцами, дынями, тыквой, орехами и прозрачными яблоками, и все это подали на красивом резном серебре, очень чистом. Не было недостатка в резных кубках и чарках. Все его слуги были одеты в одинаковое платье, что не было принято даже у самого царя. Он угощал нас очень любезно, беседовал о недавно появившейся комете; русские об этом рассуждают неправильно. Он показал нам книгу предсказаний будущего [233], переведенную на русский язык, будто в ней истинные предсказания, и спросил мое мнение об этом.

У русских принято пить за здоровье царя либо при первом, либо при последнем тосте; и мы это здесь испытали на себе: когда не могли или не хотели больше пить, обязаны были еще выпить, так как царь все же должен долго жить. В этом [тосте] никто не смеет отказать; русским отказ стоил бы жизни или немилости царя.

В этот день царь находился на соколиной охоте в

сопровождении, наверно, тысячи людей. Я видел, как он ехал в карете, запряженной шестью лошадьми, и еще шесть лошадей вели впереди. Было много людей с лопатами и метлами, они шли впереди, расчищая дорогу. Многие ехали **[162]** верхом с привязанными к лошадям маленькими клетками. Когда царь проезжал мимо тюрем, заключенные подымали жалобный плач. Два раза в этот день у нас во дворе возникал пожар.

22 апреля.

Я опять был у митрополита из Газы и, чем дальше, тем больше убеждался в большой учености этого человека; теперь он доверительно рассказал нам об отношениях между ним и патриархом: когда он был прислан греческой церковью к царю и, придя к нему, произнес речь на латинском языке, то патриарх отказался слушать его на столь дьявольском и еретическом языке. Но так как задача состояла в том, чтобы примирить Никона с царем, то грек сказал: "Чего же вы хотите, на каком языке я должен говорить? Вы ведь немой на всех языках, кроме русского, буду ли я говорить на греческом, латинском, итальянском или на языке моей матери!" Патриарх, однако, ничего не хотел слушать, считая только русский язык христианским. Тогда митрополит сказал: "Нет, варвары и то слушают посланников, и вы должны меня выслушать!" Еще он рассказал, как патриарх тайно послал в Грецию человека дурной славы, чтобы оклеветать его там, и как этого человека в Киеве схватили и в оковах привезли сюда, и как патриарх связался

с людьми, которые прежде были у митрополита на службе и выгнаны за воровство. Завидуя его учености, его обвинили перед царем в ереси и в изучении латыни, на что он ответил: "Тогда выходит, что все наши церковные отцы, которые оставили нам столь добрые дела, тоже еретики?" Услышав это, царь оправдал митрополита. Он показал нам еще и книгу, присланную для царя из Греции, как нечто священное и драгоценное: в ней были очень древние красивые картины, тщательно нарисованные по древнегреческому обычаю на пергаменте, по размеру ин-фолио [234], на них были пророчества Даниила, откровения Иоанна, вид первой церкви, а также показаны раскол церкви, деятельность первого христианского императора, деяния Магомета и, наконец, его **[163]** гибель; последнее, сказал митрополит, тоже дано в виде Пророчества, но неизвестно, чье оно. Рядом со всеми этими изображениями для истолкования их были помещены греческие стихи. В конце книги находился список иероглифов, т.е. знаков, и каждый из них означает слово; ему поручили перевести эту книгу и истолковать ее. Царь высоко чтит эту книгу, и кто знает, во сколько тысяч она оценена. Не подумайте, что наши неосвещенные руки могли дотронуться до нее или что мы осмелились просмотреть ее в присутствии русских. Этот господин, однако, знает жизнь, он не только богослов, но еще и политик, воспитанный в школах иезуитов.

Примерно в это же время некоторые здесь

сочинили, что средь бела дня видели на небе комету. Об этом пишет из Кремля начальник Холстен начальнику Ван Стадену, будто видели страшную комету в виде змеи с головой как у орла, вокруг шеи полумесяц, на спине кровавая звезда или большая раковина с двумя грифами, а в ней семь кровавых звезд, на конце хвоста — два орла, между раковиной и крылом жезл с красной звездой.

25 апреля.

Из приказа пришло сообщение, что после полудня латинский дьяк Лукиан Тимофеевич [Голосов] привезет послу ответ, что и произошло. Он [дьяк] шел рядом со старшим писцом Памфилом, несшим в руках по виду книгу, которая и была ответной грамотой; они сказали, что их прислали сюда Его Царское Величество и бояре, чтобы передать послу ответ и теперь его подписать, что и было сделано; он писал свою фамилию по всей книге, на каждой странице по букве, а в конце книги подписался полностью; они сказали, что это полный ответ, изменений не будет, и от имени царя обещали, что нас в скором времени отпустят. Некоторые статьи ответа были тут же на месте переведены, например статья, где сказано, что царь обязался в дальнейшем, но не сейчас, дать Их Высокомогуществам требуемый титул, также статья, в которой они обещали в этом году не давать англичанам **[164]** дегтя. Затем по просьбе дьяка пили за здоровье царя и его сыновей; при этом дьяк привел сравнение Святой Троицы с царем и его сыновьями. Покончив с

этим, он хотел выпить за здоровье Их Высокомогуществ во имя дружбы и потому, что это его долг; при этом он высказал много любезностей. Посол же отказался, сказав, что у нас такой порядок не принят, но что он охотно выпьет за здоровье кого-нибудь другого, кого дьяк пожелает [235]. Поняв, что ошибся, он очень смутился, покраснел, не держал больше никаких речей и ушел. Этот господин говорил довольно хорошо по-латыни; еще до его ухода мы спросили, как же так получилось, что русские приняли греческую веру, но не приняли их муз. Он поблагодарил посла от имени царя за расположение, проявленное в том, что при рождении царевича Семена посол выпил за его здоровье.

Вскоре после его ухода пришел пристав, который титуловал теперь правительство Генеральных Штатов Их Высокомогуществами. Посол снова притворился больным, на случай если в ближайшие дни ему пришлют паспорт, наговорил ему, что хочет полечиться, после чего снова выпили за здоровье царя. Русский пил за посла, чтобы он здоровым мог лицезреть ясные очи царя и уехать вполне удовлетворенным. Мы все пили за здоровье Их Высокомогуществ и после этого за царевичей, на что пристав почему-то согласился.

26 апреля.

В воскресенье, когда у нас была проповедь, пришли приставы сказать послу, что во вторник он сможет увидеть ясные очи царя и получить

разрешение на отъезд; спросили, сколько нам будет нужно подвод и каким путем мы поедем. Ожидая окончания проповеди, они увидели на посольском дворе лошадей некоторых воинских начальных людей, которые были в это время у нас в церкви [236]. Они выставили за ворота их лошадей и слуг и заперли ворота с приказом никого не выпускать. Дело касалось старшего лейтенанта Хакета, которого они здесь заметили: его искали, так как он хотел уволиться, и они боялись, что он уедет вместе с **[165]** нами. Оказывается, переводчики обо всем доносили: кто у нас бывает, и что у нас происходит, и даже какое у нас богослужение. Посла попросили прислать Хакета в Посольский приказ, но посол отказался: "Как же это я могу людей, приходящих к нам в церковь, арестовать и привезти к вам? Он вам нужен, привозите его сами". Начались громкие споры; русские упрекнули посла, что он хочет тайком вывезти из страны царских служащих, чего у него и в мыслях не было; да посол даже не знал об их спорах. Хакета, как только он вышел из двора, крепко выругали и увезли в приказ, причем никого не выпускали с нашего двора, пока его не взяли, да еще угрожали, что могли бы вытащить Хакета и со двора. Посол ответил, что они могут это сделать и со всеми нами, мы в их власти, но это противоречит праву народов. Так принуждают здесь наемных офицеров: высылают их из города, насильно держат в армии, кончился ли срок их службы или нет; не щадят больных и даже хромых, которые все равно ведь не могут

служить.

27 апреля.

Я слышал, что будет крещение младшего сына царя, был день святого Семена. Говорили, что в этот день для старшего сына царя будут отобраны 3000 молодых стрельцов в его будущую гвардию.

В эту ночь снова возник пожар в нашем дворе: весь верх выгорел, но благодаря старанию караула и наличию воды, которую ставят в бочках на всех крышах, пожар погасили.

На следующий день посол, по-прежнему ссылаясь на свою притворную болезнь, не вышел к столу и, как больной, надев халат, послал за приставом. Когда тот пришел, он посетовал на свою болезнь и, сказав, что не знает, сможет ли завтра явиться перед царем, просил отсрочку на один-два дня. Пристав сразу отправился к Алмазу за ответом; тот передал, что не смеет явиться перед царем с такой просьбой, с чем пристав и вернулся. Посол ответил, что если сможет, то явится, но против болезни сделать ничего нельзя; пожаловался **[166]** он и на вчерашнее насилие по отношению к Хакету, когда его слуг и лошадей выгнали со двора и заперли двор; это оскорбление касалось и его [посла]: хотя двор принадлежит царю, однако, пока он здесь находится, это свободное место; он хотел обжаловать это и просил еще, чтобы пристав замолвил словечко за старшего лейтенанта Хакета, чтобы его освободили из тюрьмы и дали увольнение. Посол считал, что подобная просьба справедлива, что тот, как

мужчина, честно отслужил срок своей службы и теперь должен получить паспорт, чтобы вернуться на родину; посол готов за него поручиться, что он не сбежит. Еще посол сказал, что хотел бы, прежде чем явится перед царем, иметь беседу с дьяками по пунктам, на которые не дан ответ, и по некоторым другим, не совсем понятным. Пристав сказал, что такое едва ли возможно, но уверил посла, что его не отпустят, пока не будет ответа по всем вопросам. Однако полученный ответ настолько плох и несправедлив, что они были сами смущены, но, не желая сдаваться, говорили: "Это не наша воля" — или: "Это будет сделано, но не сейчас, а в другое время, когда будет удобно". Немало убаюкивают неправдой, и все это весьма смешно выглядит в их странном стиле, подобном приказу; лишь на некоторые пункты получен положительный ответ; повторяются все время слова: "В вашем письме сказано" и т.п. Приставы снова спрашивали, сколько нам будет нужно подвод.

В этот вечер по всему городу в продолжение целого часа был слышен страшный плач: это заключенные просили о помиловании.

28 апреля.

Настало утро, когда посол должен был проститься с царем. Пристав пришел к нему во втором часу справиться о его здоровье. Посол сказал, что чувствует себя еще очень нехорошо, что больше хотел бы лежать, чем вставать; но, несмотря на

это, готовится, чтобы явиться перед царем. Он попрощался, казалось, на один час, но вскоре вернулся с известием, что царь пожаловал посла приемом через два дня.**[167]**

Посол поблагодарил его за заботу, а царя за милость и сказал, что сегодня хочет пустить кровь. Эта отсрочка нужна была ему для перевода и проверки бумаг, почему он и притворился больным.

29 апреля.

Здесь снова был большой праздник, праздновали освобождение Москвы от поляков [237]. Рано утром во втором часу я видел, как освящали воду в реке. Митрополиты, архимандриты, епископы и большая группа священников стояли над водой на помосте; было много крестов, кадил, икон, священных покрывал, опахал с херувимами и т.д. Много раз обкуривали и крестили воду, опускали в воду кресты, читали из Евангелия, молились за царский дом и совершали тому подобные церемонии. Когда все это закончилось, все начали умываться, обливать лицо водой, теперь уже святой. Это было странное зрелище: одновременно столько тысяч людей торопились первыми зачерпнуть воду и умыться. Некоторые с берега бросались в воду, взрослые и малые; многих детей раздевали и окунали в воду по три раза, также и больных. Когда это было закончено, все шествие с духовенством и знатнейшими людьми обошло Красную стену [Кремля], кадили, освящали и благословляли ее. Оттуда шествие

направилось к помосту, на котором стоял царь в Вербное воскресенье, и там снова продолжались некоторые церемонии. То же самое одновременно происходило вокруг Белой и Земляной стены, где находилась группа священников, присланная для освящения и этих стен. Лошадей царя тоже повели к реке, чтобы и их напоить святой водой.

30 апреля.

Посол думал увидеть ясные очи царя, но пришел приказ, что воля его [царя] такова, что это событие произойдет 1 мая. Это дало возможность послу посетить сегодня шведского комиссара; его сопровождал Иван, наш младший пристав, в присутствии которого не смели говорить ни о **[168]** каких делах, вещах или именах, не смели пить за здоровье отдельного лица, а пили за всех трех властителей вместе, чтобы не давать повода к обиде ни одному [238]. Однако мы опьянели, а русский больше всех, он целовал меня раз десять в лоб и щеки; все время бил поклоны передо мною, надеясь в Голландии еще увидеть меня.

1 мая.

Согласно данному приказу, посол получил у царя прощальный прием. Как и прежде, дорога была занята стрельцами, тоже и базарная площадь и двор Кремля; по-моему, теперь их было еще больше. Посол был принят как обычно, он благодарил царя за честь, оказанную ему как послу Их Высокомогуществ, и за ответ, который ему дали на представленные им бумаги, но так как он не все еще понял и не все ему было ясно,

то просил разрешения выяснить некоторые статьи в беседе с дьяками. Царь передал, что велел боярам просмотреть его бумаги и дать ответ, получит ли он еще беседу с дьяками для подробного обсуждения. Одновременно царь, точнее царь вместе с Алмазом, передал в собственные руки посла ответную грамоту Их Высокомогуществам и повелел ему, когда он приедет в Штаты Голландии и Нидерландов, бить поклон перед ними от его имени, т.е. приветствовать их. После этих слов посол подошел к его руке, а затем и мы, в прежнем порядке; он сидел на том же троне, но одет был иначе; на его правой руке я увидел два очень красивых кольца с бриллиантами и рубинами; на шапке лежала корона сплошь из драгоценных камней и жемчужин, необычайно красивых и крупных; на мантии были петли тоже из благородных камней и жемчугов, кафтан обшит по краям полосой жемчуга шириной, пожалуй, в кисть руки, и на углах внизу были драгоценные камни.

Когда подходили к руке [царя], посла пожаловали тем, что он мог сидеть на скамеечке; когда это закончилось, царь сам спросил Алмаза обо мне, и тот сказал, что Великий Господин Царь и Великий Князь и т.д. справляется о моем, **[169]** Клааса, здоровье. Я сразу отбил поклон или, скорее, приветствовал его, пожелал царю долгой жизни, поблагодарил его за милость и сказал, что по милости Бога я здоров. От толмачей я узнал, что он долго обо мне говорил и внимательно

наблюдал за мной, когда я подошел к нему; эта честь была оказана только мне. Затем Алмаз сообщил, что посол пожалован царским столом. При выходе приставы сказали послу, чтобы он поклонился боярам, на что он крикнул громко, чтобы сперва те ему кланялись; они сразу поклонились, прежде чем им успели перевести эти слова, а он чуть кивнул им головой. Я же кланялся им вежливо, как и они мне. Бояр было не так много, как прежде. С правой стороны царя стоял князь Яков [Я. К. Черкасский], с левой — Илья [И.Д.Милославский]. Вскоре, когда мы были уже дома, прислали обещанный "стол", там было 10 блюд; с ними пришел князь Петр. Боже милостивый! Как зверски много они заставили нас выпить меду и испанского вина. Не успели еще набить рот, как начался спектакль. Была пятница, день их поста, поэтому все блюда были из рыбы. Среди блюд были такие, которые прибыли из самой Астрахани, и все же еще свежие и вкусные; почти все рыбы нам неизвестны. Когда пили за здоровье царя, снова возникли резкие споры и перебранка с обеих сторон и опять на старую тему: они хотели пить раньше за царевича Алексея, мы же — за Их Высокомогущества. Водка бросилась всем в головы. Посол говорил, что это несправедливо, и что они нас ругали мужиками, и что почитали Их Высокомогущества только титулом почетных регентов Нидерландских Штатов и т.д., что настанет время, когда они нас лучше узнают, имея в виду — когда мы победим наших соседей [Англию]. Но он [князь Петр] истолковал это иначе и весьма плохо. Пристав

Семен выступал с речью, а князь молчал; но посол сказал, что ему [Семену] распоряжаться нечего, что он здесь значит меньше, чем его страдник, т.е. раб, что его и не приглашали, лучше бы он молчал, а говорил бы князь. Когда чаша пошла вкруговую, они встали и подняли ее за Алексея Алексеевича, а как только мы получили чашу, то выпили со словами: "Это за Их Высокомогущества"; тогда они сели и надели **[170]** шапки, и так — всякий раз. Это выглядело очень смешно: русские обвиняли посла в неблагодарности, дерзости, да они и знали, что у него нет такой инструкции, что он первый, кто отказался выпить за наследника, и что во время первых обедов он не возражал. Но оба последние высказывания были неправдой. Коротко: ссорились и оскорбляли друг друга, весьма усердно выступая каждый в защиту своих хозяев. Обе стороны были сильно разгорячены, лица красные, все их жесты выдавали внутренний гнев.

Слишком долго вспоминать все сказанное. Когда этот удар прошел, посол отказался от еды: "Мне дали достаточно проглотить", тогда русские не захотели больше пить ни за чье здоровье, так как посол отверг тост за Алексея Алексеевича перед тостом за Их Высокомогущества. Но, когда через некоторое время немного успокоились, русский все же поднял тост за второго царевича, а потом и третьего; мы пили за здоровье царевичей, не называя их по имени, а они называли. Это мы делали для того, чтобы они не узнали, за какого

царевича мы пьем. Было забавно слышать, когда мы пили и громко кричали: "Это за Их Высокомогущества" или "за царевича", а они в то же время: "Это за того и того", и все это над одной чашей. Когда все это прошло, пили круговую за здоровье посла. При прощании страсти несколько улеглись; выказывали хотя бы внешне дружбу. Однако купца, который был приглашен и сидел рядом с нами за столом, они ругали собакой, блядиным сыном и т.п., будто это он подстрекал посла. Я просил князя поблагодарить царя от моего имени за милость, оказанную мне, о которой сам князь сказал, что я должен быть рад такой милости. Князю опять подарили серебряный кубок, каждый из двух стольников получил по чашке стоимостью 3—4 рейхсталлера [1 1/2 —2 рубля]. Грамота, переданная послу, была титулована старой надписью.

Я рассказал о царе на троне и о всей связанной с этим суете. Теперь я рассказал бы, как в следующую ночь наш дворецкий Хендрик де Конинг простился с этим миром. Его унесла лихорадка; но этот путь нам всем известен, никому не миновать его, поэтому я пропущу эту трагедию. **[171]**

2 мая.

Несколько дюжин стрельцов, одетых в новую форму, появились перед царем с пожеланием счастья в связи с рождением сына. Упомянутого Хакета принудили к новой клятве.

Когда здесь кто умирает, то из дома умершего никто не смеет появиться в Кремле перед царем или в его приказах в течение трех дней, поэтому наши приставы сообщили через толмачей, что пока тело [Конинга] находится в нашем дворе, они не могут прийти к нам, как в место нечистое, и просили, чтобы мы немедленно перевезли тело в другое место, откуда его можно будет похоронить; им необходимо поговорить с послом, чтобы он велел своим людям приготовить все в дорогу и составить список нужных подвод.

Между тем посол, по обычаю нашей страны, отправил двоих из наших пригласить соотечественников на похороны. Из русских пришли истопники, дровосеки и кухонные слуги поклониться телу умершего и помолиться за упокой его души, по их обычаю просили у него прощения, жалели о его смерти, спрашивали, как это он вдруг так умер, отчего и т.д.

Вечером 2-го тело увезли к дому Арденуа [239] в слободу, чтобы оттуда его хоронить. Его положили в русский гроб, который поставили на телегу, за ним шли наши трубачи, пажи и стрельцы; шталмейстер и хирург следили за порядком.

3 мая.

Я с нашим пастором посетил Лукиана Тимофеевича [Голосова], которого называют латинским дьяком, потому что он говорит по-латыни. Очень дружески он угощал нас и называл братьями; сказал, что очень рад поговорить с

людьми, которые понимают по-латыни, просил продолжать дружбу и поддерживать ее взаимной перепиской. Когда каждый из нас подарил ему по паре книг, он подарил нам по паре соболей — каждому, угостил по русскому обычаю и просил, чтобы мы из наших рук дали ему выпить, что мы и сделали. Его **[172]** сыночек, ребенок лет шести, тоже пришел бить челом перед нами и поднести нам чарку; в нашем присутствии и ради нас он пожаловал всех своих слуг испанским вином и водкой из своих рук и сам вливал им вино в рот, они же за это кланялись нам в ноги; сказал, что очень рад милости царя ко мне, который справлялся о моем здоровье и долго наблюдал за мной. Я нашел, что дьяк очень богобоязнен; так, при нас он целовал Библию раз десять! Дома у него повсюду иконы. Он рассказал нам, как благочестив царь, который знает почти все из священного писания, в чем он [дьяк] его часто проверяет; еще рассказал, что царь питает любовь к свободным искусствам и языкам, но намеренно не дает изучать их ни своим детям, ни своим рабам. Мы жаловались ему на нашего пристава Семена.

4 мая.

После полудня мы все под тихий барабанный бой поехали в слободу, где находилось тело нашего гофмейстера, чтобы похоронить его. Гроб, на котором лежала его шпага, несли капитаны и майоры. Впереди шли наши литаврщики, одетые в черное, за ними печально следовали трубачи, исполнявшие под сурдинку траурную мелодию.

Позади них ехал посол в карете, перед которой шли слуги, а рядом пажи. За каретой, пешком и верхом, следовало множество военных разных рангов, шли почти все наши соотечественники, но много и местных жителей. При похоронах здесь не соблюдают определенный порядок следования, едут сами по себе. Пока несли гроб, несколько раз по указанию генерал-лейтенанта [Баумана] стреляли из пушек; и так его похоронили без обычных здесь похоронных церемоний. После похорон все пошли пешком к дому Арденуа. Носильщиков угостили щедрым обедом, гости выпили за него одну круговую. Здесь не принято носить траурную одежду, т.е. одеваться в черное, достаточно надеть черную повязку, как это сделали носильщики и многие из нас. Но как необузданно здесь пьют! Стыдно было за то, как все это происходило! Никогда в жизни на праздничном обеде я не видел, чтобы столько **[173]** пили, как на этом траурном. Наш пристав так налился медом, что едва сидел в карете, боялся близко подойти к могиле и даже не зашел на кладбище; наши слуги и стрельцы тоже не промахнулись.

В этот день пришли приставы и серьезно спросили посла, что означали его слова за последним столом: "Русские скоро увидят, что это за голландцы", это и царь нашел очень странным, а также и то, что посол проявил неблагодарность в ответ на большую милость и почет, оказанные нам: никогда ни одного посла так роскошно не угощали и никогда никто не оказывался столь

неблагодарным и резким. Еще сказали, что царь предоставил бы Их Высокомогуществам требуемый титул, если бы посол выпил за здоровье царевича Алексея по его достоинству. Посол на все ответил очень вежливо: во-первых, он имел в виду, что мы надеемся победить наших соседей — англичан; во-вторых, по поводу чести, оказанной нам здесь, он знает, как обходились с ним и с другими послами, но ведь и он должным образом поблагодарил царя за прием; а за здоровье Алексея он не мог пить [до тоста за Их Высокомогущества], так как это было бы против его инструкции и несправедливо, а также потому, что русский посол в Голландии не хотел пить за здоровье Их Высокомогуществ до тоста за Алексея. Никто не может на него обижаться за то, что он отстаивал честь своих хозяев и следовал должному распорядку.

Затем посол просил палатки и кареты для предстоящей дороги. Пристав ответил, что палаток нет в городе, так как бояре с ними находились в поле. Зная, что это неправда, посол поймал его, сказав: "Так как я знаю, что палатки есть в казне у царя, то, может быть, он соблаговолит дать их нам напрокат или продать". Приставы обещали, что посол скоро получит ответ на свои запросы, но не на совещании с дьяками, а из Посольского приказа. Теперь посол понял, что кое-что было плохо переведено, и это причиняло вред обеим сторонам; так он им и ответил, и они обещали положительный ответ. Милость царя послу и его свите пришла сегодня утром; это

были: для посла три [174] тиммера соболей, оцененных ими в 100, 60 и 50 рублей и две пары соболей по 7 и 10 рублей; офицерам — каждому из 13 человек — по четыре пары соболей, оцененных по 5 рублей пара. Младшим офицерам — по паре соболей в 5 рублей. Так русские это оценили. Тот, кто привез все это, получил в дар бокал стоимостью 50—60 рублей, носильщики — деньги.

В этот вечер, когда вино отуманило мозги нашего младшего пристава, он всячески ругал своего товарища: что тот был очень невежлив, оговаривал нас "наверху" и все передавал в самом худшем свете, стараясь вызвать вражду между нами и русскими, и т.д. Теперь же он хотел во что бы то ни стало сам пойти тайком к царю или Алмазу и все по правде рассказать; в присутствии Семена он ничего не мог сказать. Меня он просил продолжать дружбу, писать ему письма, также и его собрату — латинскому дьяку. Он говорил, что теперь узнал, какие мы друзья; после этого он пал к моим ногам и целовал меня.

5 мая.

На следующий день утром посол поблагодарил пристава, точнее, через него царя, за дары ему самому и его свите. Но пусть они изволят знать, что ему хорошо известно, что других послов, да даже послов Их Высокомогуществ, в прежние времена одаривали гораздо щедрее. А они еще хвалят милость царя к нам! Посол просил передать это в Посольский приказ, и чтобы в

будущем посол Его Царского Величества и у нас тоже не рассчитывал на большее, он не будет, как прежде, одарен ценными золотыми медалями, но говорит он это не из скупости и не потому, что желал бы получить больше: он теперь больше и не принял бы, а только предупреждает на будущее.

Приставы напомнили послу, что он теперь получил полный ответ на свою памятную записку и не надо ожидать более подробного ответа или опять подавать запрос. Начали говорить об отъезде: "Хорошо, — сказал посол, — так как вы думаете, что я не получу ответа, и медлите с передачей бумаг, то я **[175]** сам перешлю их в приказ и узнаю, какова воля царя, который, Правда, отказал мне в совещании, но позволил обсудить дела в Посольском приказе. Если же он и тогда не захочет дать положительный ответ и воля его такова, чтобы я вернулся без результата, то я только прошу, чтобы он письменно подтвердил, что не хочет дать ответ и решать по справедливости". — "Мы здесь находимся, чтобы сказать, что дела Вашего Благородия закончены, — ответил пристав, — и пусть этого будет достаточно", и т.д., и с этим они ушли. Посол отправил бумаги в приказ, где они были приняты.

6 мая.

Приставы снова пришли и сказали, что милость царя еще последует, на что посол ответил, что ему достаточно присланных соболей, он не желал большего, просил передать Алмазу, что не будет

больше принимать даров; но так как Иван Пешков привел смешное оправдание и боялся немилости царя, то он все же принял дары, когда их привезли: это были еще 5 тиммеров соболей, очень красивых, намного лучше предыдущих, для посла, а для нас, старших офицеров, — каждому по паре соболей, по 4 рубля. Вот как мы оказались правы, первый подарок был якобы особой милостью царя, а второй подарок — настоящий. Я узнал от их толмачей, что, когда посол жаловался на скудость дара, они развернули свои свитки и увидели, что их послы получали у нас значительно больше: поэтому и пришло это дополнение. Получим ли мы палатки и кареты, необходимые для нашего скорого отъезда, ответ еще будет в дальнейшем, но отъезд уже назначен на понедельник, через 8 дней, это будет 18 мая.

Посол продал своих каретных лошадей князю Барятинскому, который, будучи не очень при деньгах, задержал расплату на два дня. Когда же князь Яков [Я. К. Черкасский] попросил посла продать ему этих лошадей, тот сразу тайно послал их ему. Это вызвало большие споры: Барятинский считал себя сильно оскорбленным, особенно потому, что сказали, будто у него не хватило денег; он внучатый племянник **[176]** царя, и его в присутствии царя уже поздравили [с приобретением лошадей]. Мы узнали, что несколько русских солдат и один немецкий офицер, служившие у поляков, были захвачены в плен на Украине и привезены сюда.

ЗАМЕТКА О НЕБОЛЬШОЙ ПОЕЗДКЕ, КОТОРУЮ Я СОВЕРШИЛ, ПОКА МЫ НАХОДИЛИСЬ В МОСКВЕ, В [НОВЫЙ] ИЕРУСАЛИМ, ГДЕ ЖИВЕТ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО ПАТРИАРХ РОССИЙСКИЙ

Н. Витсен [240]

5 мая.

Убедившись в том, что на нашу просьбу идти куда-нибудь нам отказывают — либо прямо, либо с увертками, — я дерзнул тайком предпринять поездку в Новый Иерусалим, который строит патриарх [241].

Вместе со мной был Еремиас ван Тройен [242]. Мы выехали после полудня, а чтобы избежать подозрений, отправили багаж, ружье и все прочее вперед за ворота. Две даровые подводы, также корм и постоялый двор нам предоставили в пути патриаршие монахи. Вечером, в темноте, мы прибыли к большому монастырскому дому в Чертово. Там мы поели, переменили лошадей и в ту же ночь доехали до монастырской деревни Нахабино. Проспав два часа, встали и утром в 7 часов приехали в Иерусалим.

6 мая.

Земли здесь кругом хорошо обработаны и густо заселены. Монастырь стоит в 10 милях от Москвы. Ночью в пути мы слышали, как жутко выли волки; они были очень близко от нас; на утренней заре мы видели лисиц и слышали пение многих птиц. **[177]**

Монастырь, который они называют Иерусалимом [243], издали похож на русскую крепость. Имеет 10—12 башен [244], или брустверов; расположен довольно близко от быстро текущей реки [Истры], которая теперь [с помощью искусственного канала] полностью его окружает. Вокруг вся земля разрыта и временно покрыта бревнами, рвы сухие. У ворот стоит довольно высокая деревянная башня, по их обычаю, искусно украшенная резьбой; в ней висят часы с боем; на возвышении [245] стоят 5—6 пушек и висит оружие караульных стрельцов, их десять; царь прислал тридцать, но двадцать отослали обратно. Перед воротами монастыря большой двор, где находится гостевой дом, куда Его Преосвященство помещает тех, кто его посещает или приезжает сюда — не монахов. Там же рядом находятся кузницы, литейная для отливки колоколов, кирпичный завод, конюшни, малярии, лавки, каменотески, а также жилища для рабочих. В этот передний двор проходят через большие ворота.

Когда мы приехали, нас принял один из его юнкеров [246] и секретарь Дионисий Иванович, он родом из Риги, был в Польше пленным, а теперь перекрещен. Нас повели в упомянутый дом для гостей, где сразу накрыли стол и застлали скамьи ковриками. Когда настало время Его Преосвященству вернуться с молитвы, мы приготовились явиться и бить перед ним челом. Привели в порядок привезенные дары, чтобы показать ему. Стрельцы держали их, стоя рядом с нами. Это были: пуд жидкого масла, т.е. 40

фунтов, 5 голов сахара, 2—3 пакета с пряностями, мешочек с семенами и большой ящик, который мы оставили на повозке и так ему показали, он был полон луковицами, цветами, рассадой, кустами роз и ягод. Нельзя пренебрегать подарками для высоких лиц, особенно если имеется к ним просьба либо хотят их посетить или прийти к ним в гости. Итак, мы стояли со всем этим добром в открытую у крыльца, ожидая его. Когда он приблизился, мы все трое очень почтительно били перед ним челом, а встав, предложили ему свои подарки, которые он охотно принял и, рассматривая, очень нас благодарил. На его крыльце стоял большой белый камень. На него он сел, чтобы беседовать с нами, а мы стояли **[178]** перед ним под открытым небом с обнаженными головами. Он расспрашивал нас о многом, о ходе нашей войны [с Англией] и о том, как отпускают нашего посла; когда мы ответили: "Плохо", он сказал: "Вот теперь так и идут дела, когда меня там нет и они лишены моих благословений, всех они делают своими врагами, включая татар. Когда я еще находился в Москве, всегда меня обвиняли в подобных неудачах; но кто же теперь виноват?" После этого он стал расспрашивать нас о положении большинства государств в мире.

Надо знать, что этот патриарх, вызвав немилость царя, самовольно ушел со службы, забрал свой священный посох и тайком уехал из Москвы. Теперь он живет далеко от Москвы в добровольной ссылке. Обо всем этом слишком

долго рассказывать. Но ввиду того, что Никон такое священное и высокое лицо, царь не может или не хочет его наказать и пока оставляет ему все церковные доходы [247].

Поговорив с нами, он пошел наверх, где снял свое одеяние: шапку с крестом из жемчуга, ценный посох и парчовую полосатую ризу; надел подобное же, но более простое. На груди его висела серебряная позолоченная коробочка [248], на одной ее стороне изображен Христос на кресте; в ней он хранит знак своего сана.

Когда он шел из своей церкви, его сопровождало много попов и монахов; на всех были греческие клобуки [249], как и у него самого, все были в черном. Каждый, мимо кого он проходил, бил головой о землю до тех пор, пока он не прошел. Многие подавали челобития, т.е. прошения; некоторые он велел принять, другие — отклонить.

Вернувшись, он продолжал с нами беседу. Велел подарить нам пять жбанов, т.е. ведер, живой рыбы, в большинстве мне неизвестной. Сказал, что хочет прислать нам своего повара, чтобы приготовить рыбу по нашему обычаю. "Этому новичку, — сказал он, указывая на меня, — наверно, еще не нравится наша пища". Ему наговорили, что я купец, только что приехавший; я же так нарядился, чтобы быть неузнанным [250]. На слова Никона я поклонился и сказал, что все, что Его Святейшество велит сделать, будет мне приятно.**[179]**

Потом Никон просил нас посадить привезенные

семена и рассаду; это и началось. Я тоже принялся за работу при нем, да он и сам участвовал в посадке и высказывал одобрение. Их неумелость и незнание были нам смешны; мы столько наговорили им о пользе этих семян и растений, что редька и петрушка получили лучшие места. Его сад был плохо ухожен, и земля неумело подготовлена, с таким незнанием дела, вряд ли лучше, чем у местных жителей; его садовники знали не больше, поэтому мы казались мудрыми земледельцами, распоряжались и повелевали в присутствии патриарха.

После этого мы пошли в упомянутый гостевой дом вне монастыря и сели за накрытый стол. Перекрещенные угощали нас. Мы ели из серебряных тарелок; на стол поставили 3—4 алебастровых кувшина. Перед нами ставили одно за другим 10—11 блюд, все из рыбы и деликатно приготовленные, некоторые по-польски. Мы пили хорошее пиво и, по обычаю монастыря, ели ржаной хлеб. Так как была среда — их постный день, то на столе не появилось ничего молочного.

После обеда мы осматривали церковь и колокольню, которые он [патриарх] строит по образцу церкви в Иерусалиме, над гробницей Христа. Все в тех же размерах и так же расположены, но колокольня здесь выше [251]. В прошлом году здесь работали 1500 человек; кроме мастера, каждый получает по 6 стейверов в день, и это продолжается уже 7 лет. Считаю, что размер [церкви] несколько больше половины нашей ратуши в Амстердаме. Нет нужды

рассказывать много о сооружении: я ссылаюсь на книги и журналы, где описывается храм в Иерусалиме; это — то же самое. Низ построен из белого мягкого камня, а верх из обожженного красного кирпича; белый камень обтесывают, и на него кладут кирпичи.

Церковь, кроме одного этажа, уже построена, а колокольня совсем готова [252]. Многие часовни уже освящены, и в них нас не пустили; неосвященные открыты для всех. Гробницу Христа, хотя уже освященную, я все же видел через щели [253]. Вокруг гробницы стоят 12 колонн; это большая часовня в середине церкви. Но если в Иерусалиме ангелы сидят перед гробницей у опрокинутого могильного камня, то здесь они нарисованы на стене, а надгробный камень лежит на **[180]** полу. Позади стоят 4 высоких столба, которые будут поддерживать мощный свод [254]. Вокруг, а также и под землей уже построены часовни: одна в память пленения Христа, другая — в память Иоанна [Крестителя], третья часовня — Благовещения, всего часовен 14—15 или больше. Я не дал их описания, потому что о них можно прочитать.

Одна часовня, по названию Голгофа, стоит высоко, к ней можно подняться и снаружи; она уже освящена и очень почитается ими. Нам разрешили осмотреть ее через дверь. Но когда монах, который нас сюда привел, ушел за чем-то и мы стояли одни перед дверью, я вошел внутрь часовни, а сопровождавшего меня купца оставил караулить. Осмотрел все: алтарь, иконы, резные

фигуры, книги и т.д., даже вошел и в святая святых [алтарь] как бы сказать, т.е. в то место, где попы ведут службу, куда и русским, кроме священников, не разрешено входить. Этого никогда во всей Московии не случалось; это и очень опасно, да, некоторые, кто делал подобное, были вынуждены пройти перекрещение. Однако любопытство и хорошая выпивка подзадорили меня. Когда поп возвращался, меня предупредили, и я отступил. Он открыл царские врата, чтобы мы увидели то, что я уже видел. Изображение Христа на кресте, искусно вырезанное из кипарисового дерева, висело над алтарем. Крест сделан такого же размера, как и найденный крест Христа. На двери алтаря нарисован император Константин со своей женой, которая нашла крест [255].

Колокольня по форме и размерам такая же, как Ивана [Великого] в Москве, а по высоте — почти как наша башня Яна Роденпорта в Амстердаме [256], два красивых колокола висят внутри: на верхнем вылиты святые всего года; говорят, что в них влито много золота, на нижнем — Царь, его жена, сын и патриарх. Недалеко от Нового Иерусалима будет построена церковь под землей, под названием "Обретение Креста", и еще одна, подобная ей.

На это строительство понадобится еще 3—4 года. Но что я могу сказать? Русские строят и отделывают, мастера — поляки, а распоряжаются немцы. Но работа ведется очень небрежно. Известь не приготовляют как требуется, кирпич

[181] обожжен слишком мягко и рассыплется еще до окончания строительства; ничего не покрывают и не берегут [от непогоды]; все рамы и даже столбы, да и целые стены обваливаются, поломаны и портятся. Я советовал им все покрывать досками, лучше приготовлять известь, иначе не будет прочной работы. То, что в Иерусалиме из мрамора, здесь из камня и кирпича. Каждую зиму недостроенное здание теряет 1—2 фута, что можно было бы предотвратить, если бы работу прикрывали. Коротко говоря, — русские гораздо лучше умеют использовать дерево, чем строить каменные здания. Часть здания, уже готовая, покрыта землей, а она ведь пропускает влагу. Жалко видеть, как столь ценную работу, красу и гордость России, так запускают.

Кроме этой строящейся церкви, внутри монастыря имеется еще деревянная церковь, а вокруг нее кельи для монахов. Когда входишь в ворота, то на левой стороне стоит большой замок, или скорее дом. Это жилище самого патриарха. Рядом с ним небольшой сад, впереди — караульная сторожка, а позади, на валу, церквушка. Кругом склады для извести и кирпича, нужные для строительства. Стены вокруг монастыря, размер которого примерно с наш Дам [257], из дерева, с 8—10 деревянными бастионами, но они сплошь закрытые, без бойниц; это для того, чтобы монахи через них не поднимали водку [258]; они [бастионы] не пропорциональны и не на одинаковом расстоянии друг от друга.

Ежедневно в хорошую погоду патриарх, вместе со всеми своими монахами, приходит по два-три раза в день помогать строить. Позади, напротив передних ворот, стоят еще одни маленькие ворота. За ними, у вала, стоит большое колесо, которое вращается водой и колотит лопастями белье при стирке.

После полудня мы отправились гулять с ним самим [патриархом]. Он очень прост в обхождении и любознателен. Спрашивал нас и особенно меня о многом, в том числе: так ли красиво в нашей стране, как здесь? Велел для нас звонить в большой колокол и шутя спросил, такие ли в Амстердаме колокола? Привел нас на свою пасеку. "Вы, немцы [259], — сказал он, — хорошо умеете считать, высчитайте-ка, сколько пчел в моих ульях?" **[182]**

У этого человека нехорошие манеры, он опрометчив и тороплив, привык часто делать некрасивые жесты, опираясь на свой крест [крест на посохе]. Он крепкого телосложения, довольно высокого роста, у него красное и прыщавое лицо, ему 64 года. Любит испанское вино [260]. Кстати или нет, часто повторяет слова: "Наши добрые дела". Он редко болеет, но перед грозой или ливнем чувствует себя вялым, а во время бури или дождя ему лучше. С тех пор как он уехал из Москвы, теперь уже 7-8 лет назад, его головы не касались ни гребенка, ни ножницы. Голова у него как у медузы, вся в густых, тяжелых космах, так же и борода.

Затем он привел нас в свой скит, куда очень редко кто попадает. Это каменный домик, в нем 16 комнаток, среди них две молельни. Мы все осмотрели. У него там и комната для научных занятий; но кроме русских и славянских книг, других я не видел. Лестницы очень узкие, похоже на лабиринт. Наверху площадка с часовенкой, похожей на беседку. Снаружи она белая, на вид как садовый домик у нас. "Пустынь" [скит] Никона лежит на островке, окружена водой [261]. По примеру Христа Никон уединяется здесь на <...> дней раз в году [262].

Вне этого монастыря, называемого Иерусалимом, вокруг него, размечены местечки на таком же расстоянии, как они в действительности находятся в Иерусалиме: Вифлеем, Кана, гора Олифетум, сад Гефсиманский и т.д. На некоторых [здесь] стоит только крест, на других — часовня, хотя там [в Иерусалиме] — деревни и деревушки. Здесь же вне монастыря еще пять-шесть больших рыбных прудов.

мая.

На следующий день утром он пригласил нас послушать его певчих и посмотреть богослужение. В назначенный час мы опять поджидали его в монастыре, и, когда он шел в церковь, мы появились перед ним и били челом. Здесь принято являться с низким поклоном каждое утро перед тем великим, к кому имеешь дело или просьбу. Он сразу велел привести нас в церковный портал, откуда мы могли видеть

церковные церемонии и слушать пение, которое он приказал **[183]** исполнить специально для нас. Как велено, так и сделано. Мы прошли в церковный притвор, и, так как дверь, по велению патриарха, оставили открытой, мы видели и слышали все. Церковь снизу доверху увешана иконами, алтарь отгорожен иконостасом и имеет три выхода; средний — самый большой, и сюда, как сказано, никому нельзя входить, кроме духовенства. Его используют священники, и то только тогда, когда идет важная служба, как, например, при выносе тела Христа [263]. Великолепные кресты и иконы висят против алтаря на стене. Вся церковь в свечах, также и перед каждой иконой свеча, зажигая которую, монах всякий раз крестится. Против алтаря стоят два аналоя, их переставляют в церкви по надобности, с них священнослужители читают по церковным книгам. Прямо против того же алтаря стоит высокое кресло для патриарха, но теперь он почти все время стоял, как стоят и все другие.

Трудно точно описать богослужение, хотя я и все видел, так как не понимал их языка и не знал значения многих церемоний. То, что видел и мог запомнить, я опишу. Вначале один дьякон читал нараспев много молитв, обращаясь к святым и к Богу. После некоторых слов он останавливался и замолкал; тогда все монахи начинали петь "Господи, помилуй", и это продолжалось, наверное, полчаса. Затем с амвона он молился за всех умерших царей, патриархов, митрополитов и святых русской церкви, а также за нынешнего

царя и его семью. При назывании каждого имени все громко нараспев произносили пожелания и литанию [264], одновременно крестясь и делая поклоны. После этого спели "Аллилуйя" и "Кирие Элейсон" [265]. Дьяк продолжал стоять лицом к патриарху с опущенной на грудь головой, он облачен в ризу [стихарь], это кусок ткани, свободно висящий с плеч до земли.

В это время мальчик лет 12, уже монах [послушник], вышел на середину церкви и стал нараспев читать из Евангелия. Два монаха такого же возраста поддерживали эту книгу. Покончив с чтением, они с большой торжественностью отнесли книгу и положили ее на аналой, стоявший в середине церкви. Из книги стал читать упомянутый дьякон, подложив под нее длинную полосу своей ризы [ленту-орарь]. Часто **[184]** он ошибался при чтении, и тогда патриарх поправлял и его, и мальчика (здесь редко кто умеет хорошо читать), а кто ошибался, тот за каждую ошибку бил челом. Читали одного из праотцев церкви. Затем все вместе долго и хорошо пели. Эти белорусы [украинцы] особенно хорошо понимают музыку. Затем сам патриарх громко читал "Отче наш" и "Верую".

Священник, который пока стоял внутри алтаря, где он по временам выполнял свою роль, вышел оттуда, держа в высоко поднятых руках книгу, думаю, это было Евангелие, за которой несли кадила, большие свечи и кресты; перед этим все кланялись, а патриарх, мне кажется, поцеловал книгу. Затем патриарх открыл Евангелие, которое

стал читать священник, стоя перед открытым средним входом в алтарь. Между тем в знак почтения все сняли свои клобуки. После чтения священник с книгой отправился в алтарь; и снова все молились за умерших царей, а также и за настоящего.

После этого священник принял в алтаре причастие и вышел с просфорой на блюде; он нес это блюдо, накрытое драгоценным покрывалом, на голове, а с рук его свисали кадила. За ним другой священник нес в чаше вино. Когда святыню обносили, все кланялись, пока все не унесли обратно в алтарь, где была выполнена остальная часть обряда [266]. Для причастия они употребляют выдержанное красное вино, в которое опускают хлеб, вырезанный треугольными кусочками из целого хлеба. Я видел, как священник много раз благословлял вино с хлебом [просфору], при этом произносил длинную молитву и часто крестился вместе с присутствующими, но так как это происходило внутри алтаря, то я не все мог хорошо увидеть.

Как только церемония и причастие священнослужителей в алтаре закончились, оттуда вышел один и очень торжественно поднес патриарху оставшиеся куски просфоры и вино, а тот дал по кусочку и глотку каждому монаху, и они, осеняя грудь крестом, складывали обе руки так, чтобы ничего не уронить [267].

Затем снова пели и при этом делали много странных причуд с поклонами и скрещиванием

рук. Никто не проходит мимо Его Святейшества без очень низкого поклона; все **[185]** оказывают ему большой почет. Один раз во время этого представления патриарх встал и поцеловал висевшую на стене икону, изображавшую Страшный Суд. Затем в третий раз молились за царей. По большим праздникам патриарх сам служит, и тогда все происходит гораздо великолепнее и церемоний больше, но почти всегда и всюду происходит примерно то же самое, что я рассказал. Когда обносили тело Христа, я слышал, как один монах сказал другому: "Посторонись, сукин сын!"

Когда все это закончилось, началось другое необычное богослужение за упокой души недавно умершего в Москве господина. Это они называют "помянуть усопшего" [панихида]. Молились Богу за него с пением, чтением и поклонами, опять кадили ладаном. Но что самое любопытное: в середине церкви поставили стол, а на нем — свечи и полное блюдо каши [кутья] из вымоченного, очищенного и толченого ячменя или пшеницы, залитой медом. Это в память покойного, которому как бы предлагают ее, хотя он не ест; когда блюдо с кашей постоит там некоторое время, его уносят в алтарь, где, как я слышал, кашу съедают священники. Помянув покойного, прочитав опять молитвы и получив благословение Его Святейшества, все расходятся. Все это длилось более 2 часов.

Пока мы находились в Новом Иерусалиме, где никто не знал латыни. Его Преосвященство,

узнав, что я понимаю латинский язык, предложил мне перевести присланные ему из Иерусалима и находившиеся у него в церкви надписи; он хотел иметь такие же надписи здесь, но переведенные на русский язык, чтобы показать их людям. Я перевел их на голландский язык, кто-то другой — на верхненемецкий, с него на русский. В переводе с голландского языка это звучит так: "С этого изваяния страдающего Христа враги-еретики позорно и с безбожной жестокостью сбросили голову в году MDCXI [**1611**]. Но и вы так часто дерзко подымали голову против него, вашего Бога и спасителя! Восстановите же вы покорным внешним унижением и искренним внутренним обращением, ради вас самих и ради них [еретиков], поруганную честь Христа, отнятую врагами. Здесь, где прежде **[186]** господствовали еретические заблуждения, они теперь побеждены, искоренены, как захваченные враги, и повешены трофеи в память победы, прославляя его [Христа] могилу. Мы поклоняемся тому месту, где стояли его ноги".

У этого патриарха были обожженные большие пустые горшки с широким туловом и узким горлом [голосники], их вставляют в стены церкви для звука. Патриарх позволил нарисовать свой портрет, но теперь он не смеет повесить его, боясь клеветы, будто он возводит себя в сан святых. Еще мне сказали, что недавно патриарха обвинили, будто он не молится за царя, и, хотя это неправда, ему очень угрожали, и даже некоторые митрополиты пытались отравить его.

Патриарх расспрашивал меня об альманахах, что они теперь предсказывают, особенно альманах Фурмана, а также спросил, что я думаю о комете. Сказал мне: "Дела царя теперь худые, потому что он лишен моих благословений". Рассказал, что его хотели побить камнями за то, что он велел оказывать иконам поменьше почестей, "и если бы вы что сказали, я был бы еретик". В его Иерусалим русские приходят уже на богомолье.

У него 20—25 человек дворцовых юнкеров. Они должны следить за тем, чтобы рабочие, большинство которых перекрещенные, усердно трудились.

В его монастыре всем запрещено пить водку из-за монахов, которые ее слишком любят и тогда плохо ведут службу. В каменных алтарях видны маленькие сточные отверстия, из них вытекает вода, когда священники, собираясь принять причастие, сперва умывают руки. Когда приходит время для еды, все рабочие кричат: "Христос воскрес" — Христос восстал. С этими словами они заканчивают работу. Недавно несколько митрополитов, как нам там рассказали, пытались отравить патриарха.

Было раннее утро, и мы уехали, после того как еще раз отдали поклоны патриарху у его крыльца и поели. Теперь был мясной день, но монахи никогда не едят мяса. Мы ели опять из серебряной посуды. Подали 10-12 блюд; с собственного стола патриарха нам прислали 6—7 блюд из рыбы **[187]** и молочных продуктов,

несомненно, хорошо приготовленных. Это было необычной милостью. Были рыба в сухарях, молоко с яйцами и мукой и т.д. Когда мы уезжали, он [патриарх] подарил нам хлеб, наверное, локтя полтора в диаметре. Мы получили подводы в дорогу, куда сложили наши вещи и питание. По пути мы посетили владельца стеклодувного завода Койета [268]. Вечером мы спали на том же месте, где ночевали по пути сюда. Утром 8 мая еще до рассвета мы попали вовремя в Москву, и никто не узнал, где я был.

9 мая.

В субботу [269], до полудня, приставы пришли и сказали, что памятная записка [посла] переведена, но нечего ждать на нее ответа; посол указал на очевидную несправедливость этого; пристав понял и обязался передать в приказ; поэтому посол еще надеялся на ответ.

После полудня я посетил нашего младшего пристава Ивана Ивановича [270]. Он меня по здешнему обычаю хорошо угостил, представил свою жену.

Князь Барятинский, с которым посол сперва договорился о продаже своих лошадей, теперь раза два проехал мимо нашего двора, чтобы похвастаться своей каретой с шестью лошадьми, разукрашенными перьями, попонами и т.п., а на некоторых из них были шляпы; он приказал открыть ворота [посольского двора] и, хитростью выманив нескольких наших людей, сказал им: "Почему вы не держите слова?" Это разозлило

посла; он сразу послал за приставом и заявил ему, что, если поступок князя не будет исправлен, он сам отомстит и подобным же образом оскорбит. Пристав сразу захватил одного или двух стрельцов, которые открывали ворота.

10 мая.

В воскресенье я был у ротмистра Эггарти на свадьбе, скорее для того, чтобы ознакомиться с обычаями страны и великолепием этого дня у немцев, чем из-за удовольствия от обеда. Теперь пристав опять привез сообщение, что **[188]** докладная записка, которую посол снова подал, хотя и была переведена, но ответа не будет, так как посол уже знал волю царя.

11 мая.

В понедельник посол отправил своего секретаря [271] в приказ к думному дьяку Алмазу с просьбой дать ответ на его записку и получил такой же ответ, а именно, что послу еще с Лукианом [272] послали решение бояр и дьяков, в которое внести изменения уже невозможно. Посол просил, чтобы ему письменно ответили, что не хотят дать резолюцию на его запрос.

Шведский комиссар [А. Эберс] во время выпивки сказал мне, что, когда его спросили о титуле Их Высокомогуществ в Штатах, он ответил, что этого не знает; почему так ответил, — не знаю.

В понедельник приставы заявили послу, чтобы он не рассчитывал на палатки и кареты, т.е. русские повозки, в пути он сможет достать крестьянских

лошадей и телеги, и более ничего. На это посол ответил, чтобы и они в будущем не ждали от нас кораблей, и теперь он верит, что у царя нет требуемого.

Утром 11-го пристав сказал, что доложил царю о вызывающем поведении князя Барятинского у наших ворот, но князь заявил "наверху", что это произошло случайно, что ворота открывали, когда со двора выехало несколько повозок. На это посол сказал: "Если он меня не оскорбил, то я и не оскорблен". (Однако все это произошло!)

Теперь, в начале мая, почти все наши немцы отправляются в Марьину рощу развлекаться; особенно вчера, 10-го.

13 мая.

Царь приказал устроить смотр всем своим пехотинцам. Они прошли через площадь Кремля, мимо дворца, а царь смотрел на них из окна. Я же направился туда тайком и видел, что все они на внутренней площади дворца, воткнув в землю свои секиры и держа мушкеты в руках, три-четыре **[189]** раза били челом перед царем, которого они не видели. Их начальные люди держали речи перед царем и поздравляли его с рождением сына, а им жаловали кафтан или шубу, каждому по заслугам и должности, стрельцов пожаловали каждого рублем; эти подарки обошлись вместе в 18 тысяч рублей.

Посол простился со шведским комиссаром и генерал-лейтенантом [Бауманом].

Когда сегодня у нашего пристава вино взяло верх, он открыл нам, почему послу отказали в палатках и каретах, — виноват был князь Юриан [Ю. А. Долгорукий]; пристав называл его блядиным сыном и чтобы его мать и т.д.; да еще он сказал: "Здесь важные господа испортят все, а нас потом посылают за моря, чтобы исправить испорченные ими дела"; говорил, что письменно изложил все в нашу пользу, но князь Юриан Алексеевич Долгорукий все опять испортил; мало хорошего сказал он и о своем товарище [приставе С. Ф. Толочанове], что тот тоже был плохим посредником и все передавал в худшем для нас свете.

14 мая.

Посол был на обеде в слободе у Арденуа опять, как и всегда, в сопровождении своего телохранителя. Во время обеда Семен — старший пристав — прислал сообщить, что и его тоже следует пригласить, он хотел бы прийти, но не из-за посла, а ради хозяина дома. Хозяин, однако, сделал вид, что не слышит; он знал, как подобных скотов надо угощать, но все же передал: ворота открыты, улица широкая, хочет — может прийти, не захочет — может не приходить как не приглашенный. Пристав пришел, сел за стол, напился пьяным и уехал один, не желая ехать с нами из-за ранга. Его товарищ опять говорил о нем мало хорошего: что он горд, не захотел с нами ехать. Вечером Семен передал Арденуа, что надо устроить банкет; ему ответили, что нет женщин и поэтому банкета не

будет, но если он хочет что-то получить, то завтра утром посмотрят, останется [190] ли что-нибудь для него; так же он поступил и в других местах.

15 мая.

Посол снова настаивал на том, чтобы получить ответ на свою памятную записку. Пристав пообещал, но сомневался в результате. В этот же день они спросили, намерены ли мы в понедельник уехать. Посол ответил, что ни одного часа не задержится, если ничего не сможет добиться, после чего в этот же день пришли подводы.

16 мая.

В субботу посол снова послал в приказ за ответом, но там притворились глухими. Один из наших толмачей, крещеный еврей, бывавший в Амстердаме и в Италии, сказал в пьяном виде одному русскому, который у нас на посольском дворе ругал голландцев людьми без короля: "Что? Голландцы могут сделать больше, чем царь и польский король вместе взятые, они повсюду бывали и хорошо известны". Это было сразу передано, и ему стоило трех-четырех рублей, чтобы вымолить молчание того, кто об этом знал, иначе он наверняка получил бы кнут или ссылку.

17 мая.

Когда приставы в последний раз пришли к нам, посол подарил каждому из них по большому серебряному кубку, что они охотно приняли,

уверяя посла в своем добром отношении; жалели, что не все кончилось как хотели бы, но что это не их вина, и т.д. Когда они ушли, Семен прислал толмача с просьбой к послу, нет ли для него шляпы; ему подарили красивую шляпу. Князь Яков прислал одного из дворцовых юнкеров пожелать послу счастливого пути. Посол отправил одного из наших к нему с ответным визитом. Князь хотел подарить ему две золотые монеты, но он не взял. Посол отправил князю в подарок простые сбруи от проданных ему лошадей, за что тот обещал послу подарок, что, однако, не выполнил. Князь просил посла прислать **[191]** ему своего кучера к новым купленным у него лошадям, чтобы он разок правил; кучера послали, и они проехали раза два мимо дома Барятинского. Очевидно, между этими знатными людьми была теперь ненависть.

18 мая.

День 17-го прошел в упаковке нашего багажа. В понедельник, 18-го, рано утром, посол еще дважды посылал узнать, будет ли ответ, но — ничего! После этого мы немедленно, так как здесь больше нечего было делать, да и нечего есть и пить, поставили наши вещи на телеги и уехали из Москвы в десятом часу этого дня. У нас было 80—90 багажных повозок, карета для посла, 6 повозок для отдыха офицеров, мы же все ехали больше верхом на белых лошадях царя; посол в карете, запряженной шестью лошадьми; старший конюший ехал впереди; совсем не было стрельцов, т.е. никаких пышных проводов. Князь

Яков еще раз прислал своего дворецкого, чтобы пожелать послу счастливого пути, предлагал свои услуги и благодарил за дружбу. Он пожелал еще устно попрощаться с послом, просил прислать к нему за продуктами, если в первую ночь пути мы остановимся вблизи его поместья, нас там встретят по-дружески. Приставы пришли в этот день еще раз и привели послу в подарок лошадь из царской конюшни; при этом Иван произнес речь, перечислив титулы царя.

Как только мы выехали из города, приставы стали молча прощаться, так что посол начал говорить первым: просил поблагодарить Его Царское Величество от своего имени за прием и за все. Они взяли на себя обязанность все передать, пожали ему и нам руки и, сказав "прости", уехали. На прощание Иван еще раз просил меня продолжать дружбу. Здесь мы все, кроме посла, который ехал на своей лошади, сели на маленьких лошадей от подвод. Нас провожали 12 верст [273], почти все — наши соотечественники — офицеры и купцы. На склоне горы около речки мы разбили палатки, из телег устроили лагерь. Здесь купцы роскошно угостили посла, а на следующее утро они уехали. **[192]**

Пристава, которого нам дали для сопровождения, зовут Алексей Иванович [Баранов], он дворянин из Пскова, сотник. Еще нам дали в путь 30 стрельцов. Сейчас уже очень жарко, да, жарче, чем у нас в самое жаркое время года.

19-го мая мы оставались весь день на месте,

чтобы удобнее запаковать багаж.

20 мая.

Из этого ночного лагеря отправились после второй ночи рано утром и проехали 18 верст, до Черкизова. Там остановились на плоскогорье поесть; перед отъездом мы с несколькими из наших соотечественников еще попировали, они угощали посла, какое внимание!

В полях и лесах было теперь очень хорошо, слышно было пение птиц.

Когда мы выезжали из Москвы, был день святого Николая — большой праздник с процессиями и церемониями [274].

Простояв 3-4 часа, мы продвинулись еще на 12 верст. Отсюда посол через пристава передал свое удивление: подаренная ему лошадь оказалась слепой на один глаз, и слуга, который ее привез, забрал попону с собой. Он отослал бы ее [лошадь] обратно, если бы пристав посмел ее взять.

Проехав 12 верст, мы разбили палатки недалеко от деревни Радумля.

21 мая.

В Мошницу мы прибыли в 10 часов утра 21-го. Здесь остановились на день, это на 57-й версте от Москвы и 25 верст от прошлого лагеря [275].

22 мая.

Тут мы остановились на ночь из-за плохих дорог, погоды и испорченных бревенчатых мостов. Уехали отсюда за час до рассвета и продвинулись на 4 мили до реки Ямуги, в 5 верстах от Клина, у возвышенности. Сюда пришел ответ **[193]** из Москвы о слепой лошади, а именно, что, когда подарили лошадь, получатель ничего не сказал, значит, у нее были оба глаза, так что, наверное, она потеряла глаз из-за небрежности [приемщика]. Что касается попоны, то царь не привык дарить лошадей с попонами; все же пристав приведет лошадь на постой и осмотрит ее.

Отсюда прибыли мы вечером в Завидово, в поле. Но прежде, чем продолжу, скажу немного о городе Москве: говорить много нет нужды, многие ее описывали, и многим она знакома. За три часа на лошади быстрым ходом я объехал ее деревянные стены; кроме деревянных, есть еще белая и красная каменные стены, последняя идет вокруг замка [Кремля]. Большинство домов деревянные, дворы в беспорядке; на улицах бревенчатые мостовые, грязные, вонючие лужи никогда не чистят. Люди с некоторым положением ездят в каретах или верхом. Через город текут реки: Яуза, Москва и Неглинная; он лежит и на возвышенности и в низине, по рельефу гор. Кремль, жилища и церкви все из камня, хорошо построены, большинство по итальянскому образцу; церквей очень много, самая старая во всей Москве стоит во внутреннем дворе [276], куда не позволено входить ни одному иноземцу; хотя

они и построены по итальянскому образцу, но расположены все же беспорядочно. О золотом кресте и позолоченном остроконечном верхе колокольни слыхали все; так же известен и большой колокол, который стоит там неподнятым, две колокольни [277], довольно высокие, стоят внутри [Кремля]. Царица, царь и их дети имеют каждый отдельные жилища, последних [т.е. детей] еще никто [из посторонних] не видел. Дома князя Якова и Его Преосвященства — добротные каменные здания; с одной стороны Кремль окружен сухим рвом и низким каменным бруствером. Вне Кремля находятся каменные лавки; по каждому виду товаров они расположены рядами. Внутри других стен проживают все, кто хочет, кроме иноземцев, которые размещены в пригороде. Царские стрельцы живут все в одном месте [Стрелецкая слобода в Москве]. Церквей несколько тысяч, большинство из камня. Неприличные бани [278] у нас известны.**[194]**

Считая характер народа и его веру известными, не буду их описывать, скажу только, что они хорошие христиане, но необучены и плохо воспитаны. Обучение там не в почете, и тех, кто занимается наукой, называют еретиками. Они чрезмерно сладострастны и очень склонны к пьянству; я стыжусь вспоминать примеры того и другого как у женщин, так и у мужчин. Вступают в брак еще детьми, и это по разным причинам. Они все рабы, кроме самого царя.

До Завидова, куда мы прибыли вечером, проехали

9 миль. Отсюда отправились в село Якиманское до реки Шоши [Sjosja], которая около деревни Шоша впадает в Волгу. Перейдя реку Шоша, мы оказались на берегу Волги, где поели, а вечером попали в деревушку в лесу.

24 мая

была Троица, и мы праздновали этот день: состоялись проповедь и причастие. Мы находились лишь в 3 милях от Твери, проехав накануне 9 миль.

25 мая

в 8 часов приехали в Тверь и после полудня переправились через Волгу, где остались на ночь. В прошлую ночь два-три медведя напали на наших лошадей, но стрельцы успели отогнать их выстрелами; при этом выяснилось, как русские воины обращаются с ружьем: один уронил его, пока стрелял, другой не знал, как его зарядить, третий, стреляя, отвернул голову назад, и т.д.

26 мая

в полдень перешли реку Тверцу, в 6 милях от Твери, и вечером прибыли в Торжок, проехав в этот день 18 миль. В Твери схватили возчика, который у нашего баталера [279]украл 3 гульдена, увезли его связанным в Торжок, где присудили к денежному штрафу и наказанию: на глазах у всех он был избит "батогами".**[195]**

27 мая.

Продвинулись только на 4 мили, разбили палатки

на берегу Тверцы. Комары, муравьи, москиты и жара мучили нас теперь, пожалуй, больше, чем тараканы и холод зимой. Да, мне думается, что жара в Индии ненамного больше, чем в этом месяце здесь. Крестьяне ходят и работают только в рубахах, а нам с нижним бельем слишком тяжело. И если зимой был постоянный холод, то теперь постоянная жара, небо всегда ясное и безветрие.

28 мая.

С утра проехали 3—4 мили до остановки. Мы находились среди леса. У нас было столько же солдат, как прежде, когда уезжали из Москвы, но теперь уже другие. До вечера мы проехали еще 5 миль до местечка Никола у Столпа [280], по названию церкви Св. Николая на Тверце. Мы были только в 2 милях от Вышнего Волочка, куда прибыли на следующий день, рано утром, проехав мимо реки Тсна. Здесь мы должны были стоять весь день из-за недостатка подвод: крестьяне разбежались; тех, кого поймали, крепко били.

30 мая.

Продвинулись на 7 миль до деревни Шатилово. По пути опять прошли мимо одной реки, названия ее не знаю.

31 мая.

Проехали 5 миль до остановки в полдень в деревне Береза, на реке Маргина, под Валдаем.

1 июня.

Проехали около 9 миль, безмерно измучились от жары, комаров, москитов и муравьев. Я же вместе с людьми, которых взял с собою, пошел в Иверский монастырь на **[196]** Валдае с письмом от Его Преосвященства [281]. Монастырь расположен на середине озера, длина которого 7 верст, ширина — 5, глубина озера во многих местах 70 сажен; на озере 8—10 островков; оно очень богато рыбой. Мы поплыли туда, шесть человек, сидя в лодочке, выдолбленной из одного ствола дерева.

Монастырь довольно большой, в нем 200 монахов во главе с архимандритом. Деревянные валы очень крепкие; там имеется 50—80 металлических пушек, 200 мушкетов, они хорошо обеспечены порохом и другими боеприпасами; в монастыре — красивые каменные здания. 11 лет назад его основал теперешний патриарх; есть здания, построенные еще 150 лет назад. Большая круглая церковь монастыря имеет пять глав, средняя — это часовня, в центре которой висит большое серебряное паникадило. Внутри церкви каменная галерея ведет в часовню, церковные двери из железа.

Меня в церковь пустили, я думаю, благодаря индульгенции патриарха, или же они готовы были взять на себя труд ее снова освятить [282]. Я увидел там большие ценности: все, что там блестит, это из золота; икона Девы Марии увешана драгоценностями на 100 тысяч рейхсталеров [50

тысяч рублей], покрыта золотым окладом; вокруг — иконы апостолов, их головы увенчаны жемчугом; дверцы, которые закрывали икону, были искусно вырезаны и густо позолочены. Алтарь, царские врата и аналой, а также сиденья для Его Царского Величества и Его Преосвященства тоже были искусно вырезаны, с колонками, изваяниями и т.д. Все завешано великолепными позолоченными иконами, не уступающими нашим шедеврам. Над дверями хоров много старинных икон; сверху вокруг идет галерея для певчих, тоже очень красиво выполненная. В часовне стоит гроб [283] с прекрасным балдахином, в нем лежит некий святой Яков, который якобы не истлел и будто бы совершил много чудес; гроб в основном из серебра; рядом висит икона в серебряном окладе. Эта церковь снаружи квадратная, а внутри круглая, сводчатая; по каменному "крыльцу" входят сперва в галерею, а затем в церковь, откуда через три двери вход в алтарь, он выступает тремя полукружиями; сюда нас не впустили.**[197]**

Второе здание в монастыре, имеющее важное значение, это большая трапезная для братии. Этот довольно большой дом построен почти по нашему образцу, с очень красивыми сводами в главном зале и такими же, как у нас, окнами и каменными полами. Там стоял длинный стол, уже накрытый белой скатертью; за него усаживается вся братия — человек 200; в верхнем его конце выступало сиденье для архимандрита. Стояла

большая металлическая чаша, ударами по которой оповещают, когда пора есть или пить, когда вставать из-за стола. Посуда для питья и все столовые приборы, очень чистые, стояли все вместе. Примерно в середине комнаты — аналой, с которого во время еды читают вслух. Стены были завешаны персидскими коврами; к трапезной примыкает церквушка; там мы видели несколько очень хорошо нарисованных икон.

Каждый монах имеет свое отдельное жилище; для архимандрита и другого старшего монаха — добротные здания из дерева. Коптильни, пекарни, пивоварни — каждая имеет свое помещение. Воду они провели внутрь монастыря так, что рыба приплывает к самой кухне; странно, что хотя монастырь лежит на острове и окружен водой, однако, как бы глубоко ни рыли в расположении монастыря, до воды не достают.

Среди монахов здесь только двое русских, остальные все перекрещенные: белорусы [284], поляки, литовцы, татары и немцы; из них один, которому больше 100 лет, говорит, что уже больше 50 лет живет в России. В деревне, лежащей на берегу озера, все пленные, перекрещенные. Эту деревню создал тот же патриарх! Всех, кто попадает у него в немилость, переселяют сюда для молотьбы. Здесь я встретил одного перекрещенного силезца, который сказал мне, что находится в родстве с нами, он был на службе в нашей Бразилии [285]. У этих иноземцев совсем другой образ жизни, чем у русских; они очень вежливы и не так суеверны. Когда мы

вошли в церковь, они сказали нам: "Мы хорошо знаем, что вы иконам не оказываете почета, как и мы". Те из них, за которыми мы вошли в церковь, не принудили нас к внешнему благочестию, даже не заставили нас снять **[198]** шляпы, а сказали: "Вот, смотрите все это, и сохраните вашу веру для себя; мы не так настаиваем на внешних обычаях, как наши братья — урожденные русские". Некоторые из них понимали немного по-латыни, но из-за отсутствия практики они почти все позабыли. В обхождении они очень учтивы, лицом более похожи на нас, чем на русских.

Меня ввели к архимандриту, и я вел с ним долгую беседу; он спрашивал меня о многом, но ввиду того, что у них никогда не бывает общения с иноземцами, нет книг и они еще в юности были вывезены из своих стран, они не осведомлены о многих известных вещах: так, они спрашивали меня, есть ли в Амстердаме король, как далеко наша страна, что там делают, есть ли хлеб, сахар и пряности, что за страны Англия, Франция, и т.д. Я сделал грубый набросок карты нескольких стран, в том числе и их страны. Они спрашивали о знатных людях нашей страны, кто правит, как мы там живем, не сплошные ли у нас болота, и т.п. Удивились, как это я так быстро сделал на бумаге набросок карты; я ответил, что у нас этому обучают с детства и, кроме того, мы учим разные языки. Они записали наши имена; до нас иноземцы были здесь один раз, мы были вторыми.

В доме игумена — второго лица в монастыре — нас угостили прекрасной рыбой, овощами,

напоили хорошим красным вином и пивом; подали 10—12 блюд,, все приготовлено по-польски. Последним блюдом была жареная курица, которую приготовили в нашу честь. Обычно у них на кухне никогда не появляется мясо, и мы должны были остатки взять с собой. Когда мы уходили, они подарили нам большую бочку окуней, у нас ее стоимость, наверно, более 5—6 рейхсталеров, большой монастырский хлеб и медный кувшин с пивом, содержащий, наверное, четверть бочки. Пиво мы подарили крестьянам, хлеб съела лошадь.

В тот же вечер проехав 6 миль, мы устроили ночной лагерь около деревни Крестцы, названной так из-за множества там крестов. Шла уже вечерня, когда я уехал из монастыря, посла догнал еще до ночного лагеря.[199]

2 июня.

Здесь около деревни возник большой спор между русскими и нами: деревенские украли у нас большую бочку хорошего пива, которую мы со скандалом требовали обратно. Наши приставы давали нам плохое пиво, его невозможно было пить, казалось, что это теплая вода с бардой. Посол не хотел уезжать, пока не вернут украденное или не продадут хорошее пиво. Но в кабаке потребовали 30 рейхсталеров за бочку, которая едва стоила 2—3. Когда посол, чтобы пристыдить их, предложил им деньги, они закрыли кабак и вовсе отказались продавать. Спор разгорелся, и мы снова разбили уже

упакованные палатки, поставив вокруг них караул из наших. Крестьян не пропускали ни к деревне, ни обратно, угрожая, что заставим всю деревню отдать украденное. Это легко было бы сделать, так как они робкие и без ружей, а у нас около 50 вооруженных людей, кроме русских солдат, которые советовали этого не делать. Вечером был заключен мир: пристав обещал достать пиво и провести расследование. Тогда мы сняли наш караул и предоставили нести его русским. Мир был закреплен большими чарками вина, выпитого под звуки труб за здоровье царя и других.

3 июня.

Мы продвинулись дальше на 7—9 миль и разбили лагерь из телег на берегу реки. Обед устроили в Зайцеве.

4 июня.

К этой деревне мы прибыли 3-го, а оттуда 4-го поехали в деревню Понеделе, проехав деревню Красные Станки, которая накануне сгорела дотла. А сегодня сразу отправились на девяти барках через озеро Ильмень в Новгород. Попы пришли к нам с иконой Николы и просили денег для Св. Николая, чтобы он, как покровитель вод, благополучно перевез нас. [200]

Как только мы прибыли в Новгород, вооруженные люди окружили старшего лейтенанта Хакета, который встретил нас в пути и в нашей компании шел к границе, куда он направлялся на службу.

Его сразу увезли в Новгород, не дав поговорить с нами или кому-нибудь из нас подойти к нему. В городе его посадили в приказ, чтобы сразу увезти в Москву, а оттуда вместо Пскова послать к татарским границам; его обвинили в том, что он хотел как предатель тайно уехать из страны, о чем он и не думал; этот приказ последовал из Москвы. Очевидно, русские, которые были с нами, сообщили об этом и его оклеветали: он сразу и был отправлен. Его соотечественник [286], бывший в нашей свите пажом, с большим трудом получил разрешение поговорить с ним недолго, на середине моста, в присутствии их толмачей. Здесь же были арестованы еще несколько офицеров, наших соотечественников, из боязни, что они уедут из страны.

На озере мы встретили шведского посланника на пути его в Москву, со свитой в 94 человека [287]. Они и мы шли по озеру своей дорогой и только приветствовали друг друга трубным звуком, без всякого обращения: русские все так устроили, что мы не могли поговорить. Это озеро довольно широкое, необозримо взгляду.

К вечеру мы прибыли к городу и остановились в трех верстах от места, где находился Благовещенский монастырь, на горе Городище, названной так потому, что прежде сюда доходили городские стены. Из-за наводнения это место превратилось теперь в остров; русские говорили, что такого наводнения здесь не было 20 лет; кругом все поля и леса лежали глубоко в воде, все монастыри и церкви казались островами, а

здесь их было великое множество, они искусно построены и красивы по виду, что свидетельствует о величии и прежнем великолепии этого города, о котором так много говорят. Здесь процветали все виды торговли, это был непобедимый город; русские в своих хрониках рассказывают об этом то же самое, что и Юстинус [288]. Когда мужчины воевали в Азии, то их жены, которые не могли более обойтись без них, взяли своих **[201]** рабов, или холопов, в мужья, а потом отправили их воевать с возвращающимися супругами, которые, думая, что перед ними слуги, разгоняли их кнутами. Поэтому одна гора поблизости носит название Холопья гора, и река, которую мы прошли, тоже сохранила это название, так как побежденные холопы были сброшены в нее. В настоящее время в Новгороде заняты восстановлением разрушенной крепости.

5 июня.

На этом острове нас оставили весь следующий день до вечера. В городе был большой праздник Варлаама [289], он похоронен в 7 верстах от города. Ему молятся во время наводнения, а также ежегодно в определенный день [6 ноября], когда все население с крестами, свечами, иконами и факелами идет молиться к его могиле; в других городах в этот день идут к соборам и совершают такую же церемонию, как здесь, где лежат останки этого святого.

Вечером, когда кончился праздник, пришли за

нами; посол еще раньше направил человека в город с просьбой, чтобы приехали за нами, на что получил ответ: "Когда будет время, узнаете". От берега до гостиницы все было занято войсками, начальные люди были в лучшей одежде. Посла приняли на берегу большие шишки, если судить по одежде некоторых. Для посла и его офицеров прислали лошадей, таких пугливых, что стоило немалого труда их удержать, — они боялись знамен и барабанов, шли подпрыгивая, становились на дыбы. Та, на которой сидел посол, была с серебряной сбруей, увешана серебряными цепями и покрыта попоной из золотой парчи. Те, на которых мы сидели, были лишь немного менее великолепны. Пристав ехал справа от посла, толмач — слева, офицеры ехали впереди, слуги следовали за всеми.

Когда посол прибыл на постоялый двор, тот самый, где 17 лет назад умер господин Бург [в 1647 г.] — посол и бургомистр, — то молодой человек, приветствовавший **[202]** посла при нашем приезде сюда, теперь снова произнес то же самое приветствие, справился о его здоровье и, сказав, что ему дадут столько же корма [290], сколько он получал в Москве, ушел. Я снова убедился, что люди часто забывают, чему их учили; этот юноша не делал ничего без толмача, который ему подсказывал: говорите, молчите, дайте руку, уходите и т.д.

Мимо нашего двора прошло шествие воинов: стрельцы, солдаты, крестьяне и горожане, вооруженные по-разному: одни так, другие эдак,

они шли целыми группами по 50—60 человек, несли мушкеты без курка, без шомпола и фитиля, что выглядело смешно; их было примерно 1000 человек. Была пятница, когда нас внешне так важно встретили с 12 прекрасными лошадьми, столько же было нарядно одетых господ.

6 июня.

В субботу пришел пристав спросить от имени воеводы, не можем ли мы уехать в понедельник рано утром, они этого очень хотели бы; на это ответ посла был "нет", но во вторник — можно. Тогда он передал послу, что ему следовало бы поторопиться: поляки перешли Двину. Здесь нас угощали, как угощают уезжающих, т.е. плохо; украли у нас много корма из привозимого, не хотели давать ничего, кроме мяса, а оно сразу портится при здешней жаре. В Москве мы могли получить деньги за пищу, от которой мы отказывались, и на них покупать продукты по своему желанию. Дни здесь теперь длинные: солнце садится в 9—10 часов вечера, а всходит очень рано, так что ночная темнота длится не более одного-двух часов; заря почти не сходит с горизонта.

Когда мы приехали сюда, воевода велел по всем улицам объявлять, чтобы голландцам не причиняли зла, угрожая такими и такими-то наказаниями; иначе здесь на улицах всех высмеивают. Когда посол попросил у воеводы еще одну барку, так как мы должны ехать водным путем, тот велел сказать, что их у него нет.

Оказалось, действительно, **[205]** что в этом городе, богатом водой, нет лишних судов, даже лодку, переданную в распоряжение посла, воевода иногда просил для себя, пока мы здесь, что ему и разрешили; правда, она была так плохо сколочена из дерева, что скорее была похожа на торфяную барку, чем на яхту воеводы. Каковы снасти, таковы и матросы: они гребут как люди, непривычные к этому делу, и плыть могут только по ветру на парусах, поэтому мы всегда сами гребли. Когда посол хотел послать человека к воеводе с жалобой, ему ответили, что иностранцам не разрешается входить в город, а мы жили в пригороде; посол возразил, что в других странах можно прийти поговорить к королям и принцам, и т.д. Здесь мы все были снабжены оружием и готовились к сопротивлению на случай, если польские войска на нас нападут, о чем нам много наговорили.

9 июня.

Утром 9-го мы отправились водным путем из Новгорода. Все происходило так же, как при въезде: от двора до пристани солдаты стояли "в ружье", но теперь их было гораздо меньше. Для проводов привели убранных лошадей, но никто не провожал посла, кроме толмача, и то не по поручению [воеводы]. Привозимый корм нам раздавали нерегулярно, и хотя посол жаловался, — не помогло; воевода Василий Григорьевич Ромодановский заявил, что у него нет приказа; вину сваливали друг на друга. Отсюда мы шли на судах по Ильмень-озеру, иногда вдоль берега, и

устроили обед в Завале, недалеко от каменного монастыря Троицы, что лежит на острове, в бухте озера, откуда берет начало река под названием Веряжа.

Посол направил из Новгорода одного из наших людей вперед, в Псков, чтобы там все приготовить к дороге в Ригу. Вечером мы прибыли к одному месту (это на той же воде); на озере — остров Вку, на котором было мало домов. Неимоверное количество комаров мучило нас так, что никто не мог спать. Ночью к палатке, где я лежал, подкрался очень крупный волк, и так как **[206]** солнце почти не заходит и были сумерки, то я его хорошо видел; я встал и натравил на него собак, он, однако, остался стоять, пока мы не прогнали его хлопаньем в ладоши.

10 июня.

В 3 часа утра мы расстались с этим пустынным местом и вечером прибыли в Сольцы, в 14 милях от Новгорода. По пути на реке Шелони, по которой мы плыли вверх по течению, мы немного поели.

11 июня.

Отсюда уехали и продвинулись на 7 миль по упомянутой реке Шелони, остановились на равнине. Русские нас теперь плохо кормили, поэтому посол решил снабжаться за свой счет. Русские, не желая позора, препятствовали этому, запретив крестьянам в окрестности что-либо продавать нам, так что мы были вынуждены

обойтись плохой пищей.

12 июня.

Уехали отсюда и остановились в Дубровне, продвинувшись на 4 мили. Опока, мимо которой мы прошли, — это большое село с двумя церквями — была теперь совсем безлюдной: все крестьяне с женами и детьми убежали в лес, так как солдаты, которые стояли у них на квартирах, изводили их. В Дубровне крестьяне рассказали нам, что в трех милях отсюда сгорел дотла маленький городок и что зимой там девять поляков вызвали переполох, убивая мужчин, которые попадались им на глаза. Здесь убили 15 человек, и тех, кого могли захватить, увезли с собой. Явно видно, что все в ужасном испуге: обработанных земель мало, дома запущены, и много людей убежало.

Отсюда мы проехали в тот вечер еще 3 мили и находились около Ручьев, в 8 милях от Пскова, к которому **[207]** подошли на следующий день вечером, проехав еще 6 миль. Здесь мы собирались остановиться, но из города пришло иное сообщение. Микита Степанович Паганевич [291], наш прежний пристав, пришел по своему желанию приветствовать нас.

13 июня.

В Пскове, начиная от ворот до постоялого двора, все было занято войсками, мне кажется, их было 1000 человек; они плохо обмундированы, кроме группы донских казаков, хорошо вооруженных, с

карабинами на плечах; это крупные, сильные люди с длинными усами, одеты в белые кафтаны.

Сейчас здесь все в большой тревоге: в стране повсюду войска, по-прежнему от нас отстраняют всех иноземцев, и ни один иностранец, кроме нас самих, не может войти в наши ворота под угрозой большого штрафа. Саранский [292]теперь держит управление как полководец, Нащокин [293] ведает полицией, младший Нащокин [294], который был в Голландии послом, — помощник воеводы [295]. Воины, находившиеся здесь, должны были через день-два отправиться в поле и присоединиться к армии, которая стоит там против поляков.

Пока мы находились в Пскове, ни тот, ни другой воевода никого не прислал приветствовать посла, поэтому и посол никого не послал приветствовать их; при въезде и при выезде нам не предоставили парадных лошадей. Нащокин хотел, чтобы мы уехали отсюда водным путем в Дорпат, и сказал: "Когда я был послом в Голландии, я должен был ездить так, как они [голландцы] хотели". Он считал, что так наша отправка обойдется ему дешевле.

15 июня.

Мы взяли путь на Печору, куда прибыли 15-го к концу дня, это расстояние в 9 миль. Тридцать пехотинцев, которых нам дали с собой как провожатых, плохо вооружены; было **[208]** смешно, что свое оружие они уложили на наши телеги, и это здесь, на границе, где меньше чем в 6 милях находятся поляки. Когда мы выехали из

города, оказалось, что за нами следовал отряд с 30 лошадьми. Сперва мы решили, что это поляки, и, навострив уши, схватились за ружья, но это были русские, которые направлялись в Печору, и нам дали их с собой как конвой. Они были вооружены саблями, карабинами, пистолетами, некоторые — луками и большими мечами. В Печоре мы нашли все сожженным, кроме монастыря, так поляки похозяйничали в наше отсутствие; они убили и увезли многих людей. Перед монастырем стояли три знамени вооруженных пехотинцев; к ним присоединились всадники [конвой], чтобы помочь в осаде. На пути мы встретили пять-шесть пленных поляков, еще одного при нас привезли в Печору.

16 июня.

Из Печоры мы уехали 16-го и в 3 часа после полудня подошли к лифляндским границам, а немного спустя к замку Нивенхёйзен. Господин Роотхауз встретил нас у пограничных столбов, коротко приветствовал посла, намереваясь проводить его до Риги. Между ним и нашим русским приставом, Алексеем Ивановичем [Барановым], возник спор. Швед не хотел пропускать русских через границу. Русский сказал: "Хорошо, мы не перейдем, но тогда и царские подводы тоже не перейдут". Швед ответил: "Вы можете перейти с шестью солдатами, но не войдете в замок, а проводите посла только до замка". Русский спросил, не задержат ли их и получат ли они обратный пропуск; это было ему подтверждено, после чего

он повел нас к замку. Солдаты остались на границе, а подводы перешли ее. Посла приветствовали из замка пушечными выстрелами, и здесь мы расстались с русскими. Пристав получил на прощание серебряный кубок, капитан Юриан и другие служилые, соразмерно со своим положением, получили деньги. Посол просил поблагодарить царя за все доброе и т.д. **[209]**

В Пскове, пока мы там находились, совершали крестный ход с иконой Богородицы и иконой неизвестного мне святого, с хоругвями, крестами и разными мрачными непонятными суеверными предметами. Знатные и простые люди шли следом; входили и выходили из одной церкви в другую, и повсюду, где стояли иконы, их благословляли, при этом крестились, кадили [ладаном], делая много непонятных движений, и т.п.

18 июня.

Мы выехали из Нивенхёйзена и к вечеру прибыли в Раузе.

19 июня.

Доехали до места Тайвола, или "Капральский кабачок". Отсюда 20-го мы продвинулись вперед на 7 миль и остановились в 5 милях от Вольмара, около постоялого двора, кажется, он назывался Уденкаак.

21 июня.

Добрались до крепостной стены Вольмара. Посол

и свита вошли в замок и посетили коменданта; пушка палила. Ночью, однако, мы переночевали в поле, по нашей привычке в палатках и на телегах.

По пути я видел древний обычай здешних крестьян; они вешают кресты на деревья, где прежде стояли их идолы; кресты в память [умерших] женщин обмотаны красной ниткой, а связка соломы, размером с гроб, на которой лежали умершие, привязана к кресту [296]. Они говорят, что всякий раз, когда проходят мимо этих деревьев с крестами, то вспоминают своих умерших. Эти люди еще крепко связаны с язычеством. Едва ли они верят в воскресение мертвых, в рай и ад; их принудили к христианству, и они ненавидят своих господ. В определенное время года они приносят жертвы на могилы умерших — кур, вино и т.д. Да говорят, что иногда они подбивают ступни умерших железом, чтобы те **[210]** вернее могли подняться на небеса. В церкви они не хотят или не умеют ни молиться, ни петь, если пастор им все не подсказывает. Из ненависти к шведам они не хотят учиться ни читать, ни писать.

Господин обер-лейтенант Стефкен, наш бывший пристав, или скорее комиссар, который сопровождал нас по стране [от Риги до русской границы], встретил нас в "Розовом кабаке", между Тайволой и Уденкааком; он должен был теперь проводить нас до Риги.

22 июня.

Мы отправились из Вольмара. Удивительно, что хотя недавно здесь, или точнее в России, была такая жара, теперь же очень холодно и ночью морозит [297]. Из Вольмара нас провожали при прощании пальбой из пушки. В этот день мы обедали в корчме Шталмейстера, в 4,5 милях от города. Вечером остановились ночевать на постоялом дворе Унгура, в двух милях от крупного озера по названию Орёл. В этот день я разговаривал с человеком, которому, как он сказал, 150 лет.

23 июня.

Проехали три с лишним мили до корчмы Инзеем <...> ; разбили палатки на высоком холме, около простой крестьянской избы, в 7 милях от Риги.

24 июня.

После полудня мы прибыли к парому Нивермолен, в двух милях от города [Риги], а 25-го, в четверг, вошли в него. В полумиле от города нас встретили нидерландские купцы, они приветствовали посла и провожали его с 12 каретами; мы и также посол ехали все в хорошем порядке верхом. От имени графа [Оксенштирна], находившегося в это время на Двине на судне по пути в Швецию, нас встретили также господа: Кроненштерн — барон и т.д. и советник Хелмис — ассистент. Последний произнес по-латыни поздравительную **[211]** речь, на что посол ответил по-французски. После них подошли еще два человека от имени Совета [298] с тем же приветствием на верхненемецком языке, на что посол ответил на нижненемецком,

после чего мы сели в кареты и въехали в город. Посол сидел в карете графа, я — в карете губернатора, шесть-семь других [карет] были тоже к нашим услугам. Когда мы вошли в город, пушки палили, как и прежде. Наши младшие офицеры и пажи ехали верхом, слуги шли пешком.

После одного-двух дней пребывания посол принял визиты губернатора и членов Совета. Без промедления посол ответил контрвизитами, и так мы здесь задержались до 10 июля, когда наш багаж был перевезен на судно, направляющееся в Любек; ветер был все еще встречный.

Между тем я побывал в Митаве, главном городе Курляндии; это большой, но редко застроенный город. Улицы грязные, замок большой, до войны был красивый, но сейчас опустошен и заброшен [299]. Посетил я и замок Доблен [300], немногим больше полдня езды [от Митавы], где герцог [Якоб Кеттлер] [301] нас хорошо встретил, роскошно угостил и беседовал со мной о многом, главным образом о настоящей войне. Он очень прост в обращении, познакомил меня с супругой [Луизой фон Бранденбург]. Утром слушал обоих проповедников: как проповедника герцога — он лютеранин, так и проповедника его жены — она реформатка. "Вот видите, — сказала она, — как мирно мы живем с мужем, хотя и разной веры, однако мы часто вместе ходим в обе церкви". Я должен был рассказать ей обо всем происходящем, о причине нашей войны с англичанами. Она сочла, что король [302] и

особенно принц Роберт [303] поступили неблагодарно по отношению к нашему государству. Сказала, что хочет, чтобы ее брат [304] выступил бы посредником, и т.д. и т.д. Герцог передал через меня привет послу, предлагая выдать паспорт и все необходимое для проезда через его земли. Он дважды щедро угощал нас, в полдень и вечером, по обычаю страны вино пили из больших кубков.

Через один или два дня после возвращения в Ригу посол отправил моего товарища к герцогу в Доблен, чтобы **[212]** поблагодарить его за любезное предложение и за то, что он так хорошо принял меня. После этого герцог меня вновь пригласил, но, так как мы только и ждали попутного ветра, чтобы уехать, я не мог отважиться на это.

11 июля.

В субботу посол поехал прощаться к губернатору и в магистрат, а на следующий день они пришли с визитом вежливости.

12 июля.

В воскресенье утром, когда должна была начаться проповедь, ветер стал попутным, и мы стали поспешно собираться. В полдень обедали у Беккера, и так как попутный ветер держался, то вечером мы сели на судно. Нас провожали с прежними церемониями, стреляли из пушки, когда мы сели на корабль. Барон Кроненштерн, советник Хелмис и еще двое других из Совета

провожали посла. Шведам казалось странным, что мы так поспешно уезжаем в святой день [воскресенье]. Однако, прежде чем мы отплыли, ветер переменился, стал встречным. Кроме того, здесь не принято садиться на корабль, пока он не отошел от берега, и мы задержались на этом месте до утра вторника, когда ветер вновь стал попутным, и мы вышли из залива.

14 июля.

Обер-лейтенант Стефкен проводил нас до моря; ему подарили красивую лошадь и карету. Господин Беккер провожал нас в море. С шанца стреляли из восьми пушек. Как только мы вышли в открытое море, ветер снова изменился, но мы еще проплыли вперед порядочное расстояние. Нас пытались уверить, что в Восточном [Балтийском] море два английских капера 305
подстерегают нас, и мы вооружились несколькими мушкетами.[213]

15 июля.

Стоял штиль.

15-23 июля.

С 15-го до 23-го мы добрались только до о-ва Борнхольм. Погода была плохая, ветер встречный, так что нам приходилось на всем этом пути лавировать.

25 июля.

С благоприятной погодой и попутным ветром мы были в Травемунде. Это укрепленный морской

городок, принадлежащий городу Любеку. Отсюда, как и в дальнейшем, мы тайно [инкогнито] отправились сразу же в Любек. Судно тем временем пустили вверх по реке Траве. Наша гостиница, под названием "Ангел", находится против ратуши. Это красивый город с великолепными зданиями; у него удобная гавань внутри города, он прочно и искусно окружен стенами. Все улицы хорошо и правильно расположены; торговля процветает. Середина города лежит выше, две-три длинные улицы прорезают весь город вдоль, а от них боковые спускаются вниз. Несколько больших церквей, великолепно украшенных и с высокими шпилями, покрыты медью; внутри они убраны по католическому обычаю. В одной из церквей находятся еще останки Св. Иогана и его убийц на Кресте — quod credat judeus Apella [306], дальше две колонны из цельного камня, змеиная кожа обернута вокруг цепи, на которой висит люстра [паникадило], далее изваяние Марии, совершавшей ложные чудеса, и еще другое изваяние — убийцы, который должен умереть. В церкви красивый орган с огромными трубами, драгоценные облачения [ризы], которые еще используются.

Ратуша внутри украшена пятью чучелами львов, они были пойманы давно, недалеко отсюда в лесу, почему и площадь, где стоит ратуша, называется "Львиная дичь". В одной из церквей нарисована собака, якобы на стоимость ее ошейника **[214]** была построена эта церковь. Не

знаю, каким кайзером эта собака была отпущена с драгоценным камнем на ошейнике и как случайно, спустя, кажется, 100 лет, она была поймана. Вот как долго этот драгоценный ошейник сохранялся невредимым! Стоит осмотреть и винный погреб ратуши, под винным домом, ради его многочисленных и разнообразных вин. Там найдется и вино Коринта и многие итальянские вина. На одном доме видны несколько каменных голов, это изваяния тех, которые когда-то пытались предать город, а также, изваяние человека на коне, раскрывшего предательство.

За городом расположены красивый и аккуратный старый приют для бедных, монетный двор, больница гильдий и много благотворительных домов [для сирот и престарелых].

Мужчины одеты как у нас, женщины — по-местному, в коротких пальтишках, головы от солнца покрывают соломенными шляпами. Правление города состоит из бургомистров и членов Совета, многие из них имеют большие доходы и живут в роскоши.

29 июля.

Из Любека отправились в Гамбург; мы — обычной дорогой, а посол, с одним из наших, поехал через Мольн. Можно было бы многое рассказать о Гамбурге, но так как этот город известен, то в этом нет надобности. Его прочные валы, замечательные шпили, красивые церкви и ворота превосходят все окружающее. Цейхгауз [арсенал]

может снабдить оружием 30 тысяч человек; вместе с бюргерами город может в короткое время вооружить 50 тысяч человек; 50 рот бюргеров насчитывают каждая по 300—500 человек. Город делится на старый и новый, первый еще сохранил свои валы. Одни из ворот хранят память о легендарном разбойнике Клауссе Стортебекере [307], ворота в виде мраморной кафедры, украшенные многими резными фигурами. Около каждых ворот стоит будка часового. *NB:* как и почему так получилось: однажды бургомистры самовольно оставили ворота открытыми, и чтобы в будущем такого не случилось, гильдии построили такие сторожки.**[215]**

Пасторы и правители [города] одеты почти одинаково; мужчины одеты как у нас, а женщины — необычно, особенно на свадьбах, при крещении и т.п. они одеты очень странно. Говорят, здесь по городу ездят 12 сотен наемных карет. Улицы узкие и полны народа.

3 августа.

Из Гамбурга мы уехали 3-го августа, переправились через Эльбу в двух милях вниз по течению. Здесь на реке стоял каг [308], полный людей — английская комиссия. Гамбуржцы приготовили [309] еще один военный галиот, чтобы охранять свою реку. Вечером мы находились в городке Букстехуде; он очень укреплен, имеет двойную крепостную стену и вал.

4 августа.

Вечером прибыли в деревню Ахим в одной миле от Бремена. Проехали деревню Севен, где находится большой монастырь, посвященный Бенедикту. В нем остались еще три-четыре католические монахини, которые живут здесь до смерти либо могут выкупиться за деньги. Там находится его изваяние [Св. Бенедикта], которое прежде плакало, а также его бандаж от грыжи и еще другие дурачества старого папства. Деревня принадлежит шведскому генералу Дугласу [310]. На воротах монастыря изображен герб Ван Галена [311], а также имя его строителя.

Прошел я и мимо замка городка Отерсберг; это большое здание, основательно построенное и хорошо укрепленное; ров и вал окружают дома около замка, болота делают его неприступным.

5 августа.

В 8 часов мы приехали в Бремен, где находятся отличная ратуша, столб Роланта [312], кабак, библиотека, арсенал и церкви, а также хорошие валы и т.д.**[216]**

Начиная с Гамбурга, да и здесь, солдаты проявляли к нам большую вежливость, брали ружье на караул, палили, часовой стоял на вахте и т.д., хотя мы ездили инкогнито.

В Бременской церкви, в старой исповедальне, на картине изображена коленопреклоненная монахиня, а за ней — дьявол с пятью приманками к соблазну [313]. В тот же день к вечеру мы уехали из Бремена; проехали одну милю дальше

Долменхорста, когда магистрат Бремена прислал представителя с прощальным приветствием послу. В Долменхорсте находится прочный замок с крепкими валами. Город довольно большой, дома там простые.

6 августа.

Отсюда мы уехали в Ольденбург, куда прибыли в полдень. Сказали, что мы из свиты посла, и нас расспрашивали, с нами ли посол или нет. Граф [Ольденбург] [314], который отлучился лишь на часок из города, распорядился, чтобы ему сообщили, когда придет посол, хотел оказать ему любезность и угостить его.

Осмотрели мы замок и конюшню, последняя широко известна. Мы все пили из позолоченного рога, о котором рассказывают так много басен, на нем написано по-латыни: "Mater dei, miserere mei" [315]; видели гербы Франции, Бургундии и др. Уже давно приготовлена в церкви красивая усыпальница для еще здравствующего графа; ему далеко за 80 лет. *NB: о* том, как нас встретили у ворот и как они за это извинились.

7 августа.

Вечером приехали в Леер и Апен, пройдя в полдень мимо княжеского замка, сильно укрепленного, он принадлежит еще Ольденбургу, а также мимо замка Штикхаузен — укрепления Восточной Фрисландии; замок очень сильно укреплен, но в нем мало воинов. Леер, или Леерорт, — открытый торговый город, густо

заселенный. Когда мы его осматривали, то дважды в нашу честь дали по шесть [217] выстрелов. Какой сильной и неприступной была бы эта крепость, если бы Их Высокомогущества <...> разрешили ее укреплять [316].

8 августа.

Уехали отсюда и вечером прибыли в Винсхотен, обедали в Ниве Схансе, проехали мимо старого Сханса [317], где все стояли под ружьем и в нашу честь палили из пушки. Прошли еще мимо нескольких редутов [318]. Мы шли именно этим путем, чтобы обойти Эмден и Гронинген из-за чумы, а Мюнстерлянд — из-за вражеской угрозы [319]. Наконец, объехав Гронинген, через Зойдларен и до Зволле, а оттуда через Амерсфоорт и Наарден, 12 августа в сохранности приехали домой, за что должны благодарить Бога.

Николаас Витсен [320]

О РИСУНКАХ Н.ВИТСЕНА,

созданных во время его путешествия в Россию в 1664—1665 гг.

Оказавшись в России, Витсен во время остановок голландского посольства рисовал города, монастыри, деревни, отдельные постройки, однако эти рисунки — а они должны были иллюстрировать подготовленный автором к изданию его дневник — остались неопубликованными и долгое время вообще неизвестными. Между тем эти листы, в количестве одиннадцать, сохранились в отделе картографии Австрийской национальной библиотеки в Вене. Девять из них публикуются в этой книге.

Рисунки Витсена оказались в Венской библиотеке в 1737 г. и сосредоточены в одном из томов по большей части рукописного всемирного географического атласа, составленного голландским коллекционером Лаврентиусом ван дер Хемом. Том, посвященный России, судя по имеющимся в нем материалам, датируется 1665—1678 гг. Австрийская национальная библиотека разрешила мне опубликовать упомянутые изображения.

Интересующие нас рисунки черно-белые и выполнены акварелью или тушью с размывкой. Это беловики, представляющие зарисовки с натуры, по-видимому, окончательно отделанные уже после возвращения Витсена из Москвы на

родину. Голландские художники, среди которых мог быть и сам путешественник, декорировали их растительностью, а в остальном, судя по всему, не изменяли их первоначальной документальной основы.

Только часть рассматриваемых рисунков была аннотирована, к тому же все они не имеют авторской подписи. Ныне все графические **[220]** листы мной опознаны. Их авторство доказывается следующими обстоятельствами: в своем дневнике, а также в автобиографии Витсен отмечает, что сам рисовал Москву, Новгород, Псков и другие места. В 1719 и 1727 гг. голландский издатель Питер ван дер Аа частью опубликовал рисунки Витсена в виде гравюр в книге А. Олеария «Описание путешествия в Московию» (гравюры из издания 1727 г., относящиеся к этому путешествию, представлены в нашей книге). На этих гравюрах всюду имеется латинская подпись N. Witsen delinearit. За исключением экзотического украшательства в духе того времени, гравюры почти не отличаются от оригиналов.

По своему качеству рисунки венского собрания неравноценны. Художник явно стремился к точности и правдоподобию. Это подтвердил анализ его произведений, который потребовал топографических привязок и ряда расшифровок. Некоторые изображенные объекты не избегли условности, что объяснимо поспешностью их выполнения: иногда было мало времени, мешал мороз, к тому же автор побаивался, что, застав

рисующим, его могли принять за шпиона. При всем том большинство изображений отличается достоверностью, что удалось подтвердить различными источниками: изобразительными, письменными, картографическими. Кроме того, мне удалось проехать по местам, где был Витсен, и, несмотря на большие изменения ситуации, примерно установить точки, откуда художник рисовал свои композиции. Даже то немногое, что сохранилось в натуре, убеждало в реальности отдельных воспроизведенных голландцем зданий и ландшафта. Графику Витсена можно сравнить с широким, светлым окном в, казалось, навсегда исчезнувший мир средневековых русских городов и поселений. Изложим основные результаты проведенного поиска. Сведения о рисунках даются в последовательности их создания.

Оказавшись на территории России, Витсен первым зарисовал Псково-Печерский монастырь *(Рис. 1).* Лист не подписан, но изображенное удалось опознать. На переднем плане рисунка виден каменный, клиновидный в плане «острог». Это дополнительное к основному укрепление построено в 1662—1664 гг., оно защищало главный вход в монастырь. Перед нами самый ранний сохранившийся рисунок «острога», к тому же уточняющий дату его постройки — до 1664 г. **[221]**

При подъезде к Пскову Витсен обратил внимание на Снетогорский монастырь, располагавшийся на северных подступах к городу. Воспроизведенные на листе строения надписи не имеют, но в

сравнении с натурой узнаются совершенно безошибочно *(Рис. 2).* Особенно тщательно изобразил Витсен самое значительное здание монастыря — церковь Вознесения, сооруженную, как выяснилось, в 1527—1528 гг. Эта церковь, к сожалению, почти полностью уничтоженная в 1930-х гг., относилась к редкому типу храмов-колоколен. Ее центральная башня высилась на более широком основании. Верх здания шатровый. Принято считать, что шатровые храмы появились в России не ранее 1532 г. Получается, однако, что снетогорская церковь на 4—5 лет опережает знаменитую церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой, которая рассматривалась в качестве первой шатровой постройки средневековой Московии. Факт в истории архитектуры новый и неожиданный. Характерно, что Витсен, будучи в окрестностях Пскова, а затем и в самом городе, зарисовал особо приметные высотные сооружения, которые оказались новациями русской архитектуры позднего средневековья. Подтверждает это следующий лист венской коллекции.

Надпись на этом рисунке гласит «каменная башня во Пскове» *(Рис. 3).* Заинтересовавшее голландского путешественника здание с помощью икон с видами города удалось опознать вполне конкретно. Речь идет о храме Евфимия Великого на подворье Снетогорского монастыря в Запсковье. Он, вероятно, сооружен в 1510—1520 гг. Как и у снетогорского Вознесенья, верх Евфимиевской церкви увенчан шатром, при этом

очень тщательно показаны архитектурные детали покрытия. По-видимому, перед нами еще одна, ныне, к сожалению, не сохранившаяся, ранняя шатровая постройка.

Далее по дороге от Пскова Витсена привлек Троицкий-Клопский монастырь, основанный в начале XV в. и расположенный в 20 км к юго-западу от Новгорода. Мы видим две церкви и колокольню между ними, все в заброшенном виде *(Рис. 4).* Местоположение отдельных построек монастыря и их некоторые детали показаны вполне достоверно. В частности, западный фасад главного храма Святой Троицы точно воспроизведен с трехщипцовым завершением. Сооружения монастыря с течением времени претерпели значительные перестройки, но их не изменившееся изначальное расположение и помогло атрибутировать данный неподписанный лист. **[222]**

24 декабря 1664 г. посольскому кортежу пришлось остановиться на два дня перед Новгородом — власти не были готовы к его встрече. Через полгода Витсен вновь оказался в этих же местах на обратном пути из Москвы домой. Тогда 4—5 июня 1665 г. посольство, дожидаясь въезда в город, находилось в ближайшем к Новгороду урочище Городище (здесь был предшественник города Новгорода, основанный около середины IX в). Во время одной из этих вынужденных остановок Витсен зарисовал панораму Новгорода с юга *(Рис.5).* В поле зрения художника попал вид города

протяженностью 2,5 км, соответственно и оригинал рисунка, с разворотами, составил в длину 200 см.

Перед нами удивительная по своей насыщенности картина одного из крупнейших в Европе городов, включающая Софийскую и Торговую стороны, а также Кремль. Композиция содержит множество построек, при этом некоторые поддаются опознанию. Выявляются неизвестные подробности. Это относится к укреплениям, храмам, монастырям и другим сооружениям. Видны: мост через Волхов, пристроенный к Кремлю со стороны Волхова «тайничный городок» — специальное деревянное укрепление с башнями для взятия воды, а на Торговой стороне — каменная четырехугольная воротная башня с ярусом навесного с зубцами верхнего боя. Об облике этого последнего сооружения, которое соотносится со Славенской башней, мы до сих пор не знали. Сопоставление увиденного Витсеном в Новгороде с данными письменных источников и натурой показывает, что многие здания, включая как сохранившиеся, так и позже перестроенные, были зафиксированы примерно в том виде, как они выглядели в 1650—60-е гг.

Впечатляющим для Витсена оказался Торжок. Трижды он рисовал постройки этого города. На одном рисунке представлена деревянная крепость. Видны стены высотой в 14 бревен, а также башни. Расположение тех и других, сопоставленное с письменными источниками, обнаружило правильность своей планиграфии.

На другом листе, подписанном «башня в Торжке», Витсена привлекла устремленная ввысь церковь, которая в перестроенном виде существует и поныне. Это храм Вознесения *(Рис. 6).* Что предшествовало современной постройке в XVII в., было неизвестно. Вопрос проясняется благодаря рисунку Витсена. Речь идет о редком для Тверской области типе ярусной церкви, состоящей из нескольких, убывающих по мере подъема, объемов, в данном случае четвериков. **[223]**

В Торжке до сих пор существует каменный Борисоглебский монастырь. Возник он не позже XII в., и именно его представил голландский путешественник на листе с надписью «мужской монастырь в Торжке из дерева» *(Рис. 7).* Во время приезда голландцев монастырь, за исключением главного Борисоглебского собора, был деревянным. Следовательно, Витсен застал его в начале 1665 г. почти полностью деревянным — до перестройки в каменный, последовавшей в 1670-е гг. Голландский путешественник сохранил для нас облик не только ныне не существующих или перестроенных храмов, но и покоев настоятеля, келий братии, административных и хозяйственных строений. Последние имеют светский характер, подобные могли строить и в городах. Борисоглебский монастырь в архитектурном отношении предстает как бы разделенным на две зоны — церковную и мирскую. Это придает ему черты своеобразия и вносит нечто новое в наши представления об

устройстве монастырей позднесредневековой Руси. Рассматриваемый рисунок отличается обилием явно реалистических подробностей, включая голубков на крестах, купола, крытые лемехом, нарядно оформленные парадные «красные» окна.

Иконографически и топографически примечательным оказался вид Твери, также привлекший Витсена *(Рис. 8).* Показаны несколько частей города, расположенных на берегу Волги. Особенно выделяется Кремль со Спасским собором, построенным в 1285 г. Рядом с ним на островке — Федоровский монастырь, резиденция патриарха Никона. Видны и раскинувшиеся по обеим сторонам Волги Загородский и Заволжский посады. Характерна застройка города, она состояла из двух-трехъярусных домов, тяготеющих к своим улицам и храмам. В иконографии Твери рисунок Витсена предстает как один из наиболее содержательных и достоверных.

Серию дорожных воспроизведений Витсена продолжает гравюра Москвы. К сожалению, сам рисунок не сохранился или еще не отыскан. Столица страны показана с Воробьевых гор. Отчетливо обозначены районы: Земляной город, Белый город, Кремль. На панораме видно множество сооружений: домов, башен, ворот, храмов, дворцов, монастырей. Все они переданы так, что сохранившиеся безошибочно узнаются.

Рисунки Витсена — своеобразный

изобразительный репортаж о городах и постройках средневековой России. Они возвращают нам многое из того, что казалось безвозвратно утраченным. **[224]**

Фиксируя в графике свои впечатления, Витсен вряд ли подозревал, что в созданных им произведениях сумел отразить редчайшую в своем роде картину русского градостроительства и архитектуры. Эти изображения равноценны открытию нового источника по истории России, их значимость со временем не только не снизилась, а, напротив, возросла. Так можно оценить художественное наследие наблюдательного голландца, ставшее достоянием науки с более чем 300-летним опозданием.

А. Н. Кирпичников